

ВИЗАНТИЙСКАЯ ТАВРИКА

**АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

ВИЗАНТИЙСКАЯ ТАВРИКА

**СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
(к XVIII конгрессу византинистов)**

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1991

ВИЗАНТИЙСКАЯ ТАВРИКА: Сб. науч. тр. (к XVIII конгрессу византистов).
АН УССР. Ин-т археологии; Редкол. *П.П.Толочко* (отв. ред.), *В.Л.Мыц*, *В.М.Зубарь*. — Киев : Наук. думка, 1991. — 208 с.
ISBN 5-12-003267-2.

В сборнике на основе данных новейших археологических исследований, письменных и иных источников освещается широкий круг вопросов средневекового прошлого Крыма. Хронологически статьи охватывают период с позднеантичного времени до завоевания Таврики турками в последней четверти XV в. и включают в себя ареал от Херсонеса до Боспора.

Для научных работников, преподавателей и студентов вузов, всех, интересующихся историей средневековья.

Редакционная коллегия

П.П.ТОЛОЧКО (ответственный редактор)

В. Л. МЫЦ, Н. А. БАРАНОВ (ответственный секретарь)

Отделение редакционно-издательской и рекламной деятельности
УкрЦЭНДИСИ

Редактор *Е.Л.Пугачева*

В 0504000000-440
М221 (04)-91

ISBN 5-12-003267-2

© Институт археологии АН УССР, 1991

ПРЕДИСЛОВИЕ

На протяжении всего периода средневековья (с V по XV вв.) судьбы Византии и Таврики были неразрывно связаны. Не вызывает сомнений в этих взаимоотношениях приоритет Византии. Но иногда и события, происходившие в Таврике, оказывали влияние на политическую ситуацию в империи: в 711 г. восставшими херсонеситами был посажен на византийский престол Вардан-Филиппик; в 787 г. Иоанном Готским и правителем Дороса было поднято антихазарское восстание с целью повлиять на ход борьбы иконопочитателей с иконоборцами; в 988 г. захват князем Владимиром Херсона приводит к признанию политических и территориальных прав Киевской Руси в Северном Причерноморье и т.д.

Многоэтничное население Крыма, начиная с позднеантичного периода, испытывало сильное влияние римской, а затем и византийской культур. Романизации (византизации) подвергались и народы, попадавшие на территорию полуострова. Завоеватели Таврики (готы, хазаро-булгары, печенеги, половцы) довольно быстро подпадали под влияние византийской культуры, а с проникновением и укреплением христианства в среде автохтонного населения Крыма этот процесс углубился, преобразуя не только быт, сферу материального производства и социально-экономических отношений, но и духовную культуру и мировосприятие.

Военно-политическую ситуацию в Северном Причерноморье, начиная с эпохи Великого переселения народов, отличала крайняя нестабильность. Частые вторжения варваров в пределы Византии приводили к экономическим и политическим кризисам в империи. Поэтому византийцы всегда вынуждены были особо заботиться о безопасности своих восточных и северо-восточных границ. Большая роль при этом отводилась Таврике и особенно Херсону, который как "барометр" чутко реагировал на изменение военно-политической ситуации в регионе. Через Херсон шла не только посредническая торговля с народами, кочевавшими в Причерноморских степях, но велись переговоры и обмен дипломатическими миссиями. Византийское правительство, стремясь укрепить свою власть на побережье Крыма и в его горной части, не ограничивалось только дипломатическими контактами. Уже в V в. выделяются средства для усиления обороны Херсона. Эта тенденция

получает свое развитие в правление Юстиана I и в последующий период.

В VI—VII вв. Византия ведет ремонт оборонительных сооружений Херсона и Боспора, а также возводит ряд новых укреплений (Алустон, Гурзуф, Мангуп, Эски-Кермен и др.), создавая тем самым опорные пункты для контроля над горной и прибрежными частями полуострова. В построенных крепостях размещаются византийские гарнизоны и федераты империи. Эти укрепления являлись военно-административными центрами региона, способствуя также распространению христианства. Процесс усиления власти Византии в Таврике останавливается с появлением в начале VIII в. хазар. Но с учреждением в конце IX — начале X в. фемы Херсона опять начинает ощущаться присутствие Византии на территории полуострова. Формирование фемной системы в Таврике было, видимо, осложнено военно-политической нестабильностью, вызванной в конце IX—X вв. хазаро-византийскими войнами и проникновением на полуостров печенегов. В X в. администрация фемы ведет ремонт и восстановление оборонительных сооружений. Районы горного Крыма делятся на военно-административные округа — климаты, центрами которых становятся византийские крепости. Рубеж IX—X вв. знаменуется широким распространением в районах горного Крыма христианства, что нашло свое выражение в значительном храмовом строительстве и изменении погребального обряда.

Длительная нестабильность военно-политической обстановки и отсутствие временами реальной верховной власти на большей части Таврики, разобщенность сельских общин, которые были вынуждены самостоятельно на протяжении целого ряда столетий (особенно в X—XIII вв.) вести непрерывную борьбу с кочевниками (печенегами, половцами, татарами), привели к усилению вооруженной прослойки местного населения, возрастанию власти военных вождей и постепенному вытеснению родоплеменных отношений феодальными. В условиях горного Крыма этот процесс протекал очень медленно.

Сельские поселения Таврики, затерянные в лесистых горах, были экономически независимы от Херсона, потому что каждая община обеспечивала себя всем необходимым. Экономическая связь с Херсоном выражалась во взимании его администрацией налогов. Подобное положение было характерно не только для Крыма, но и для других отдаленных от Константинополя (особенно горных) районов империи. Хозяйственная независимость неизбежно приводит к политической самостоятельности аппарата самоуправления, к развитию центробежных тенденций, что в конце концов и привело к образованию в XIV в. (после ослабления Херсона) феодального княжества в горном Крыму. Все экономические и политические предпосылки для этого были созданы в предшествующий период — в XII—XIII вв.

Следует подчеркнуть, что экономическая самостоятельность населения городов, крепостей и поселений Таврики, ведущего полунату-

ральное хозяйство, на протяжении XI—XIII вв. усиливалась. Это привело к тому, что, когда Херсон в XII в. начинает утрачивать главенствующую роль в посреднической торговле (ее занимает Сугдея), он довольно быстро превращается в аграрный город, население которого ведет полунатуральное хозяйство, о чем красноречиво свидетельствуют находки из слоев XII—XIII вв. Та же судьба и у торгового соперника Херсона — Сугдеи, которая в XIV в. после серии татарских погромов и захвата Херсона генуэзцами превращается в центр сельскохозяйственной округи.

Торгово-экономическая ориентация на Херсон в XIII—XV вв. сменяется ориентацией на города Восточного Крыма (Сугдею, Солхат и Каффу). В XIV—XV вв. экономика прибрежных городов и поселений попадает в сферу влияния генуэзской колонии, создавшей на побережье сеть торговых станций и факторий. Этот процесс нашел отражение не только в бытовых предметах материальной культуры (керамике, украшениях), но и в денежном обращении: Если в слоях VI—XIII вв. известны находки почти исключительно херсоно-византийских монет государств Малой Азии, то в XIV—XV вв. это находки в основном монет золотоордынских городов и Каффы.

Географическое положение Крыма во многом предопределило судьбу народов, населявших его в разное время. С ростом международной торговли между Востоком и Западом, шедшей через Черное море, усиливалась и военно-стратегическая значимость пролежавших здесь сухопутных и воздушных коммуникаций. Государство, обладавшее побережьем Крыма, имело возможность извлекать из этого значительные экономические и политические выгоды. На протяжении VI—XV вв. в Таврике сталкивались интересы могущественных припонтийских государств: Византийской империи, Хазарского каганата, Киевской Руси, Трапезундской империи, Золотой Орды, Генуи, Венеции, Московского и Польско-Литовского государств, Молдавии и Османской империи.

В X в. свое политическое господство в Таврике под ударами печенегов, Византии и Руси утрачивает Хазарский каганат. На протяжении X—XII вв. в Крыму идет противоборство между кочевыми ордами печенегов и половцев, Византией и Русью. В это время Византия сохранила свое господство преимущественно в Южном Крыму, а Русь закрепилась в Восточной Таврике, создав здесь Тмутараканское княжество. Свой контроль над районами горного Крыма Византии удалось сохранить, благодаря созданной здесь сети укрепленных пунктов, превратившихся со временем в города.

После 1204 г. климаты Готии и Херсона переходят под протекторат Трапезундской империи. Зависимость Таврики от Комнинов выразилась в ежегодной уплате податей и включении крымских владений в титул императоров под названием "Заморья". После создания в 40—50-х гг. XIII в. Крымского улуса Золотой Орды население Таврики

платит дань татарам. При восстановлении в 1261 г. Византии по Нимфейскому договору император Михаил Палеолог передает Готию генуэзцам вместе с правом свободной торговли в Черном море. Во второй половине XIII в. вокруг Крыма создается своеобразная политическая ситуация, когда на Таврику претендовало одновременно несколько государств: Византия, Трапезундская империя, Генуя и Венеция, но реальной властью обладала только Золотая Орда. В историю Таврики вторая половина XIII в. вошла как наиболее тяжелый период, когда под ударами татар погибает часть византийских городов и крепостей, которым уже не суждено было возродиться.

В первой половине XIV в. в Юго-Западном Крыму складывается ситуация, благоприятная для консолидации социально-политических и экономических сил местного населения. Это приводит к тому, что уже в 60-х гг. XIV в. на политическую арену региона выходит новое государственное образование — княжество Феодоро со столицей на Мангуле. До конца XIV в. это государство еще находится в некоторой зависимости от Золотой Орды, но уже к началу XV в. эта зависимость становится номинальной. Уже в 20-е гг. XV в. мангупские князья начинают борьбу с генуэзцами за выходы к морю для самостоятельного участия в черноморской торговле. До середины XV в. в этой борьбе верх почти всегда одерживала генуэзская колония, опиравшаяся на экономическую и военную мощь своей метрополии. Но уже после 1453 г. генуэзские колонии в Черном море быстро теряют торговый, экономический и военный приоритет. Княжество Феодоро вместе с Крымским ханством добивается значительных успехов в организации самостоятельной торговли, что способствует росту их экономического и политического значения в регионе. Дальнейшее усиление политического влияния в Таврике княжества Феодоро было прервано вторжением в 1475 г. османов.

Несмотря на то что византийские памятники Крыма привлекают внимание ученых уже более двухсот лет, в их истории остается много белых пятен. Письменные источники скудно и неравномерно освещают историю византийской Таврики. Ввиду этого особую значимость приобретают археологические исследования и в особенности работы последних лет, которыми добыт принципиально новый материал.

Данный сборник содержит статьи, способствующие в некоторой степени освещению неясных вопросов средневекового прошлого Крыма. Используя материалы новейших археологических исследований и привлекая данные прошлых лет, авторы статей освещают широкий спектр вопросов: проникновение и утверждение христианства в Херсонесе и его округе (В.М.Зубарь); формирование в Партените приморского торгового центра и складывание местного рынка (Е.А.Паршина); история развития прикладного искусства Херсонеса (В.Н.Даниленко); складывание системы обороны княжества Феодоро и роль в этой системе крепости Фуна (В.П.Кирилко, В.Л.Мыш). Изучению

исторической топографии крупнейших городских центров византийской Таврики — Херсона, Сугдеи и Боспора (Корчева) — посвящены статьи И.А.Баранова, Т.И.Макаровой, А.И.Романчук и Л.А.Седиковой. Привлечение эпиграфических памятников (Э.И.Соломоник, В.Л.Мыц) значительно расширяет базу исторических построений, позволяет уточнить хронологию тех или иных событий, выяснить имена их участников, осветить социально-экономическую и политическую ситуацию в Крыму в разные периоды истории.

Данный сборник затрагивает лишь часть актуальных вопросов, касающихся истории византийской Таврики, но вместе с тем его материалы позволяют подвести некоторые итоги изучения важнейших направлений, которые были избраны авторами в качестве тем их исследований.

В.М.ЗУБАРЬ

ПРОНИКНОВЕНИЕ И УТВЕРЖДЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА В ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ

В статье с привлечением широкого круга разнообразных источников рассматривается сложный и не до конца решенный вопрос о времени проникновения и утверждения христианства в Херсонесе Таврическом. В результате исследования автор приходит к выводу, что только в VI–VII вв. начинается массовая христианизация населения и только с этого времени в известном смысле можно говорить о христианском Херсонесе.

Важное значение для изучения истории античных городов Северного Причерноморья в позднеантичный период имеет исследование вопросов, связанных с проникновением в эти центры христианской религии, которая "... подчинила себе римскую мировую империю и в течение 1800 лет господствовала над значительной частью цивилизованного человечества" [91, с. 307]. Особое место в распространении христианства занимал Херсонес Таврический, который в дореволюционный период рассматривался в качестве "колыбели христианства на Руси". Согласно русской летописи, в Херсонесе (Корсуни) происходило крещение древнерусской дружины и князя Владимира, причисленного православной церковью к лику святых [72, столб. III; 97, с. 1029–1153]. В 1852 г. здесь был основан монастырь, а в 1861 г. в центральной части Херсонесского городища, на месте легендарного крещения, был заложен собор святого Владимира и одновременно с ним начато строительство помещений монастыря, который в дореволюционный период служил не только местом паломничества верующих, но и вел на деньги Синода археологические раскопки с целью создания христианского музея, призванного доказать корни христианства на Руси [63, с. 89–90; 28, с. 193].

Исследование вопроса о времени появления христианской идеологии в Херсонесе и о массовой христианизации его населения в значительной степени будет способствовать правильному пониманию сложных явлений в области идеологии, имевших место на юге нашей страны на рубеже античности и средневековья.

© В.М.Зубарь, 1991

Изучение различных аспектов проблемы христианизации населения Херсонеса начато уже давно. В дореволюционный период анализу источников и исследованию этой проблемы был посвящен ряд исследований [63, 70, 89, 56—58, 98, 79 и др.]. Однако на дореволюционную историографию заметный отпечаток наложило церковное понимание этого явления, которое главным образом основывалось на некритическом отношении к фактам, содержащимся в "Житиях епископов херсонесских". В первую очередь это касалось времени проникновения христианской идеологии в город, которое иногда относили даже к I в. н.э. и связывали с ссылкой в Херсонес римского епископа Климента [89, с. 147]. Используя сообщения "Житий епископов херсонесских" о миссионерской деятельности проповедников в начале IV в. н.э. и данные о крещении населения города в 325 г. епископом Капитоном, дореволюционные исследователи пытались отыскать памятники, которые можно было бы связать с христианизацией Херсонеса уже в IV в. н.э.

После Октябрьской революции вопросы проникновения и становления христианства в Херсонесе в той или иной мере затрагивались в работах общего и специального плана [14, 54, 81, 100, 101]. Непосредственно вопросу о времени проникновения христианства в Херсонес посвящены работы В.Ф.Мещерякова [65—67] и П.Д.Диатроптова [30]. В целом принимая выводы В.Ф.Мещерякова о сравнительно позднем проникновении христианской идеологии в Херсонес, следует отметить, что в ряде случаев выдвинутые им положения требуют уточнения и дополнения. В первую очередь, это касается материалов херсонесского некрополя, которые широко использованы им.

В IV—VII вв. городские кварталы Херсонеса подверглись нивелировке и значительной перестройке, связанной с оживленной строительной деятельностью византийских императоров в Таврике [16, с. 53; 100, с. 287, 299]. В ходе развернувшегося строительства погибли многие памятники позднеантичной эпохи, что, видимо, и явилось одной из причин крайне незначительного количества дошедших до нас материалов IV—VII вв. Ограниченный круг историков IV—VI вв. определяет большое значение для исследования истории и культуры Херсонеса этого периода данных некрополя. Несмотря на плохое состояние материалов из погребальных комплексов, раскопанных до революции, их следует шире, чем это делалось ранее, использовать для изучения вопросов, связанных с проникновением христианской идеологии в город и характеристики процесса христианизации его населения.

Основным типом погребальных сооружений, использовавшихся для погребений населением Херсонеса на протяжении позднеантичной и раннесредневековой эпох, продолжали оставаться склепы, вырубленные в скале и грунтовые могилы [97, с. 252—256; 37, с. 33—34]. Одной из характерных черт некрополя этого времени было широкое использование для захоронений склепов с нишами-лежанками, пост-

роенных в первые века нашей эры [34, с. 39—40]. Причем нельзя, как это делал А.Л.Бертье-Делагард [16, с. 58], исключать возможность погребения христиан в тех склепах, где до этого совершались погребения язычников [97, с. 253].

Наряду с использованием уже существующих и, видимо, заброшенных склепов, которые иногда подвергались незначительной перестройке, в раннесредневековый период продолжают строиться и новые склепы, хотя масштабы этого строительства не идут ни в какое сравнение с первыми веками нашей эры [97, с. 253—254; 34, с. 39—40].

Нельзя согласиться с А.Л.Якобсоном, что склепы с нишами-лежанками, край которых сделан в виде невысокой загородки, следует рассматривать в качестве погребальных сооружений исключительно раннесредневекового времени и, следовательно, использовавшихся для захоронений христианами [97, с. 253]. В склепах с такой конструкцией ниш, наряду с материалом позднеантичного и раннесредневекового времени, встречены вещи и монеты I—III вв. н.э. (№ 1594, 2147, 2164 и др.)*, которые не могут свидетельствовать о строительстве и использовании таких склепов исключительно в раннесредневековый период. Такая же, как и в херсонесских склепах, конструкция ниш хорошо известна в аналогичных сооружениях восточных областей Римской империи [79, с. 483]. В лучшем случае такая конструктивная особенность может рассматриваться в качестве еще одного аргумента в пользу восточного происхождения этого типа погребальных сооружений, но отнюдь не служит показателем времени строительства склепов [Ср.: 37, с. 28]. Вероятно, бортик, оставлявшийся на краю ниши при ее сооружении, должен был предохранять гроб от сползания с ниши-лежанки. Аналогичную роль выполнял ряд камней и кирпича, укладывавшихся по краю ниш-лежанок в склепах, которые использовались на протяжении всей римской эпохи [34, с. 40].

Очевидно, одним из наиболее точных показателей христианской принадлежности погребенных в склепах являются ниши-лежанки, отгороженные от погребальной камеры каменным или черепичным закладом [34, с. 40]. Интересно, что в китейских склепах, которые использовались для захоронения христианами, роль такого заклада выполнял матерчатый полог, подвешивавшийся на вбитые в стену крючки [24, с. 228]. Стремление отгородить тело умершего объясняется, вероятно, характером христианских захоронений, которые, в отличие от языческих, были местами, где собирались родственники и единоверцы умершего. Во всяком случае именно этим исследователи объясняют наличие аналогичных закладов в римских катакомбах [92, с. 83—84; 20, с. 25; 71, с. 2—3; 123, с. 131—146]. Видимо, этой же особенностью раннехристианского погребального обряда было вызва-

*Здесь и далее указаны номера погребальных сооружений херсонесского некрополя. Подробнее см.: 37, с. 128—129.

но сооружение в некоторых склепах скамей для сидения (№ 1452; 79, с. 465, 467)*. Однако склепы с заложенными нишами-лежанками и скамьями не могут рассматриваться в качестве надежного показателя наличия в Херсонесе христиан уже в конце IV — начале V в., так как они датируются более поздним временем и, скорее всего, относятся к VI—VII вв.**

В своих статьях, посвященных проникновению христианской идеологии в Херсонес, В.Ф.Мещеряков на основании анализа материалов некрополя приходит к выводу, что захоронений, которые можно отнести к христианским, немного. Он выделяет 43 погребальных сооружения, в которых можно видеть захоронения христиан второй половины IV — начала V вв. [65, с. 105; 66, с. 132]. Однако просмотр выделенных В.Ф.Мещеряковым христианских комплексов, за исключением склепов с христианской росписью, показал, что имеющийся в них материал не позволяет делать вывод об их принадлежности христианам второй половины IV — начала V в. н.э. В подавляющем большинстве этих комплексов, наряду с монетами и вещами второй половины IV — начала V в. н.э., присутствовал материал более позднего времени (№ 1409, 1465, 1598, 2113, 2147, 2173, 2283 и др.)***. Что касается пряжек со щитком в форме креста, на которые, как на раннехристианский атрибут обращал внимание В.Ф.Мещеряков [65, с. 105], то они появляются не ранее VI—VII вв. и не могут служить показателем раннего проникновения христианской идеологии в Херсонес [Ср.: 8, табл. II; 35, с. 59; 2, с. 174—175]****. Крестики-тельники, найденные в некоторых склепах (№ 1409, 1465 и др.), также не могут относиться ко второй половине VI — началу V в., так как вместе с ними обнаружены монеты и материал более позднего времени. Показательно в связи с этим, что в христианских погребениях IV в., открытых в позднееримских могильниках Шагвара, Интерцизы и Каллатиса, кресты-тельники вообще неизвестны [105, с. 145—147; 126, с. 157—167; 118, с. 25—83].

В целом погребальный инвентарь некрополя второй половины IV — начала V в. не позволяет говорить о наличии в Херсонесе ярко выраженных погребальных комплексов, которые безоговорочно можно связывать с христианским населением города. Напротив, материалы некрополя свидетельствуют о том, что христианские погребения ничем

*Скамьи, вырубленные у входов в склепы, известны в первые века нашей эры в Малой Азии. См.: 114, с. 55.

**В склепе, открытом А.К.Тахтаем, были обнаружены две пряжки раннесредневекового времени [86, с. 125].

***А.И.Айбабин отмечает, что часто при датировке позднееримских могил Крыма к IV в. относили вещи VI—VII вв. [4, с. 104].

****В своей статье, вышедшей из печати в 1978 г., В.Ф.Мещеряков отказался от этого положения, но общее количество христианских погребальных комплексов оставлено им без изменения [66, с. 124].

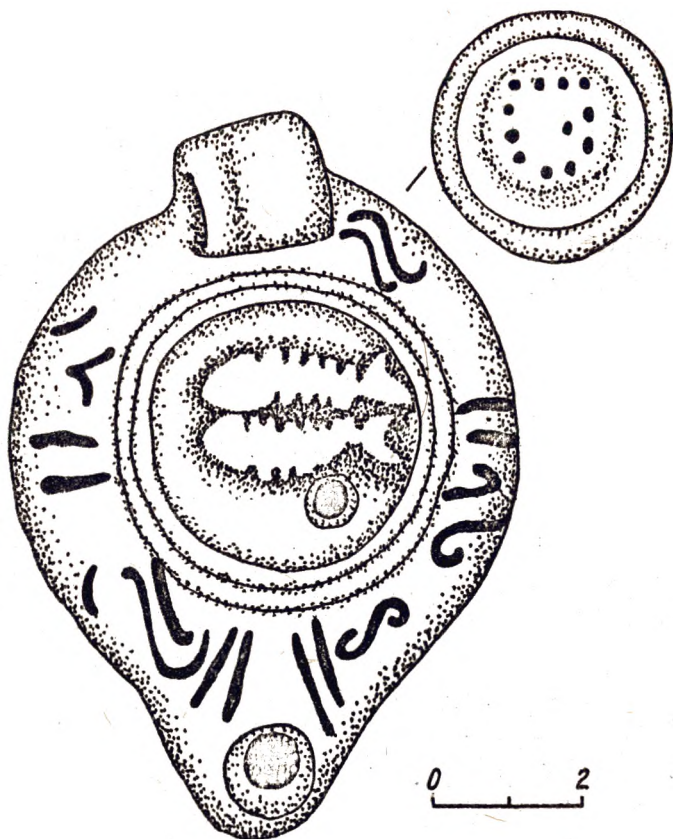

Рис. 3. Светильник с изображением двух рыб на щитке. Раскопки автора 1982 г.

существенным не выделяются в массе погребений позднеантичного и раннесредневекового времени*.

В этом отношении интересен вещественный материал из склепа, открытого в 1909 г. на западном участке некрополя Херсонеса, где был найден малоазийский светильник с изображением креста на щитке [62, с. 204, рис. 3, 1] (рис. 2). По аналогии, он может быть отнесен к продукции малоазийских керамических мастерских первой половины V в. [44, с. 169; 35, с. 60–61]. В склепе обнаружены монеты второй половины IV — начала V в. и другой материал, характерный для погребения этого времени.

*По сообщению В.В.Шербаковой, специально изучающей херсонесские геммы, в позднеантичном некрополе города совершенно отсутствуют резные камни с изображением христианских символов.

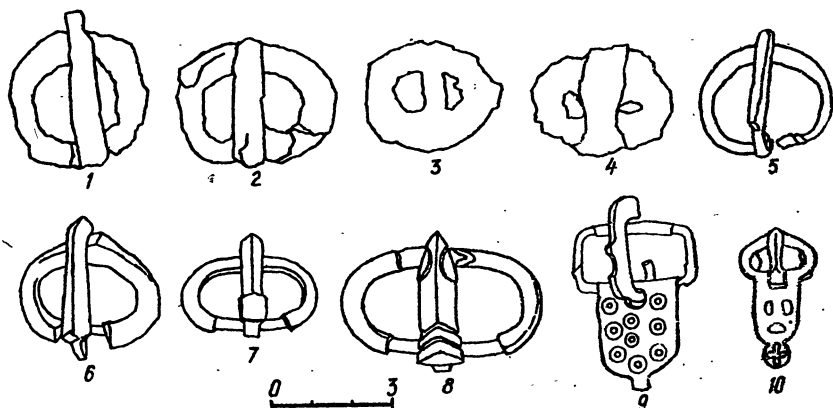

Рис. 4. Пряжки из склепа, открытого к юго-западу от б.Зенона. Раскопки Л.Г.Колесниковой 1960 г.

Иногда с христианской символикой связывают изображение двух рыб на щитке светильников, обнаруженных в погребениях некрополя Херсонеса (ГХЗ, инв. № 8842/2; 49/36898) (рис. 3) и датирующихся концом III — первой половины IV в. [117, с. 37, № 945; с. 42, № 1299 — 1300]. Однако это изображение на щитках светильников нельзя считать исключительно христианским, так как оно в античный период было символикой брака [21, № 493, 559]. Вообще изображения христианских символов или крестов на щитках светильников в позднеантичную эпоху встречаются крайне редко. Даже в Греции, где христианство в IV в. было сравнительно широко распространено, светильники, украшенные крестами, изготовлялись эпизодически [Ср.: 118, с. 135—136; 24, Р. 178—179, pl. 39; Р. 179—182, pl. 40; 104, с. 109—110, fig. 52; 110, с. 73—74, с. 83, 121—122]. Только в раннесредневековый период светильники с ручкой в виде креста становятся обычным явлением [83, с. 98]*.

В 1960 г. Л.Г.Колесниковой к юго-западу от б.Зенона был открыт склеп с нишами-лежанками обычного в Херсонесе типа [47, с. 1—12]**. Среди немногочисленного инвентаря здесь найдены пряжки с овальным кольцом, трехгранным или хоботовидным язычком, которые датируются второй половиной V — первой половиной VI в. [1, с. 30—31] (рис. 4, 1—5, 8). Ко второй половине VI — первой половине VII в. относятся пряжки с D-образной рамкой [25, с. 100—101] (рис. 4, 6—7). Ко второй половине VII в. — пряжка с сердцевидным щитком (тип Болонья) [74, с. 183, рис. 1; 2, с. 168, 171, рис. 1, 15, 23] (рис. 4, 9).

*Иногда совершенно неоправданно в изображении четырехлепестковой розетки на щитке светильника, обнаруженного в склепе на ул. Н.Островской, видят изображение креста [42, с. 118, рис. 6, 2].

**Выражаю благодарность Л.Г.Колесниковой за любезное разрешение использовать этот неопубликованный материал.

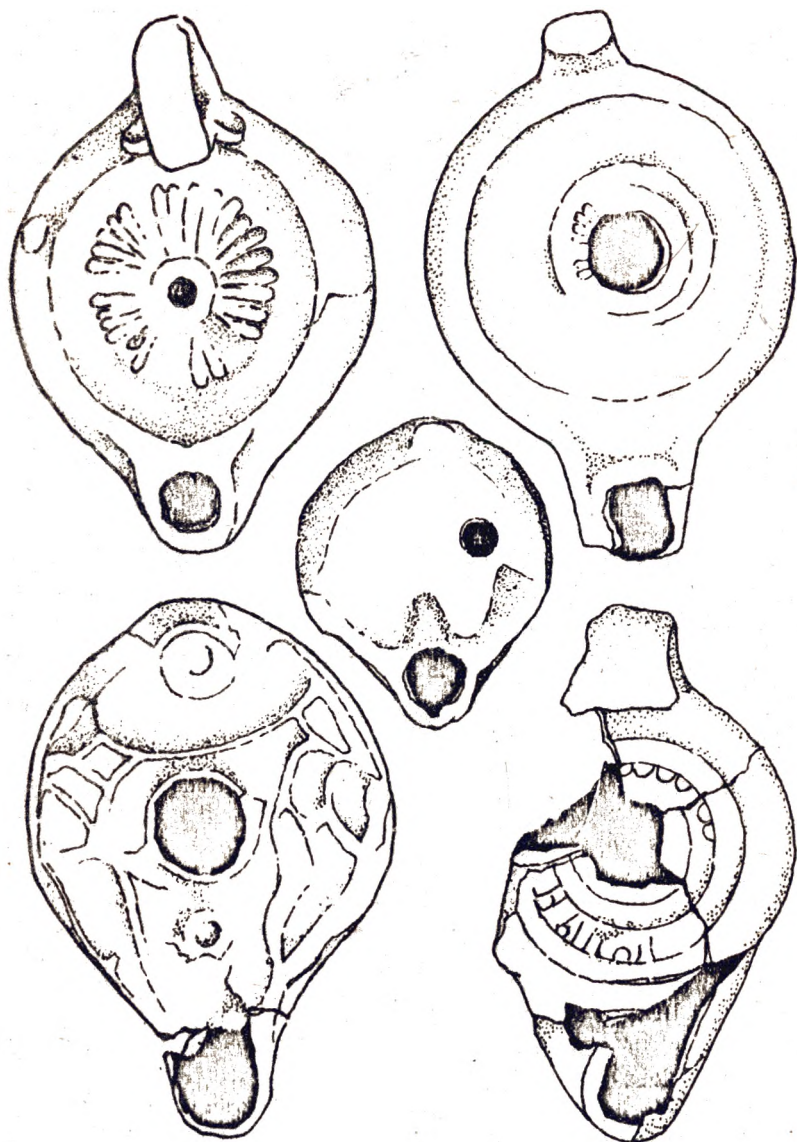

Рис. 5. Святильники из склепа, открытого к юго-западу от б.Зенона. Раскопки Л.Г.Колесниковой 1960 г.

VIII–IX вв. датируется двухсоставная пряжка с прорезным щитком [8, рис. 18, 10]. Помимо пряжек, в склепе найдены святильники, которые могут быть отнесены к IV–VI вв. н.э. (рис. 5)*.

*Определение С.Б.Сорочана.

Наличие светильников в позднеантичных и раннесредневековых погребальных комплексах некрополя Херсонеса нельзя считать, как думал А.Л.Бертье-Делагард, исключительно христианской чертой ритуала погребения [17, с. 59], так как широкое использование светильников, символизировавших учение Христа [108, с. 56, 315] в погребальной практике и раннесредневековых росписях [88, с. 191; 92, с. 91–92; 126, Tuf. 23; 107, с. 262] было заимствовано христианством из античной религии [40, с. 153–154].

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что на основании погребального инвентаря последние захоронения, совершенные в склепе, открытом в 1960 г., могут быть отнесены к VI–VIII вв., но при этом в них, как и в других аналогичных комплексах, отсутствуют какие-либо специфические христианские черты в погребальном обряде и инвентаре. Такая же картина наблюдается и в двух неограбленных склепах, открытых на западном участке некрополя Херсонеса в 1982 г. Наиболее поздние захоронения здесь совершались на протяжении второй половины IV в., но ни спецификой погребального обряда, ни инвентарем они не выделяются из массы аналогичных комплексов некрополя [40, с. 101–129]. Как показывают раскопки последних лет, в хорошо датированных погребальных комплексах позднеантичного и раннесредневекового времени присутствует посуда, стеклянные сосуды, светильники, украшения, монеты [36, с. 71–77; 38, с. 77–87].

Обращение к заведомо христианских могильников римских провинций показывает, что и здесь погребения IV–V вв. ничем существенным не отличаются от более ранних, языческих. В составе погребального инвентаря этих могил присутствует посуда, стеклянные сосуды, украшения, т.е. предметы, которые клались вместе с умершим на протяжении всей античной эпохи [105, с. 135–163; 126, с. 157–167; 119, с. 25–83; 124, с. 279–280; 96, с. 31–49].

Отсутствие в некрополе Херсонеса специфических черт погребального обряда и вещей с изображением христианских символов свидетельствует в пользу вывода о наличии в истории Херсонеса переходного периода от язычества к христианству [67, с. 14], для которого была характерна языческо-христианская символика, использование христианами языческих символов и отсутствие каких-либо исключительно христианских черт в надгробиях и инвентаре могил [Ср.: 120, с. 47–54; 112, с. 233; 27, с. 166, 176, 178]. Суть этого переходного периода хорошо иллюстрируется словами Августина. Он писал: "Христиане меньше, чем кто бы то ни было должны отвергать что-либо хорошее только потому, что оно принадлежит тому или другому, только бог — создатель и владетель всего. Поэтому продолжать хорошие обычаи, практиковавшиеся у идолопоклонников, сохранять предметы культа и здания, которыми они пользовались, это значит отобрать у них то, что им не принадлежит, вернуть истинному владельцу, богу, посвящая ему непосредственно в его культе и косвенно в культе святых" [Цит. по:

75, с. 185]. К этому следует добавить, что в эпоху раннего христианства не было четко регламентированной процедуры похорон, так как сама новая религия проходила период становления, приспосабливая к своим нуждам не только многое из языческой обрядовой практики, но и воззрения на потусторонний мир, в частности, учение о бессмертии души, которое окончательно оформилось в позднеантичный период [95, с. 191–210; 120, с. 47; 106, с. 106, 108–109; 116, с. 552–558].

В Херсонесе начало этого переходного периода следует относить ко второй половине IV в., когда по данным источников в городе фиксируется небольшая в количественном отношении христианская община [66, с. 132–134], представители которой хоронили своих единоверцев без каких-либо специфических христианских атрибутов. Своеобразие переходного периода от язычества к христианству в Херсонесе выразилось в устойчивом сохранении частью населения традиционных черт погребального обряда. Это эпизодически применявшийся до середины V в. обряд кремации [37, с. 58] и захоронения детей в амфорах, связанные с идеей плодородия, которые фиксируются в некрополе вплоть до V–VI вв. [37, с. 50].

Недавно были получены новые данные, свидетельствующие об использовании амфорных захоронений населением города в позднеантичный период. В 1981 г. в склепе, открытом на западном участке некрополя Херсонеса, было обнаружено детское захоронение, совершенное в керамической водопроводной трубе, которое по условиям находки не может быть датировано ранее второй половины IV в. [42, с. 150]. В 1983 г. при раскопках входного отверстия склепа открыто еще одно детское трупоположение в фрагментированной амфоре, вероятно, самосского производства второй половины V в. [5, с. 171; Ср.: 33, с. 118–119, табл. 38, 95] (рис. 7).

Отсутствие в херсонесском некрополе значительного числа хорошо датированных погребальных комплексов V в., а также ряд других данных, полученных в результате раскопок городища, привели некоторых исследователей к выводу о кризисе, который переживал Херсонес с конца IV вплоть до последней четверти V – начала VI в. [100, с. 251; 12, с. 67–68]. Однако в последнее время этот вывод подвергся пересмотру, так как ни в денежном обращении [9, с. 107], ни в торговых связях [82, с. 16], ни в хозяйстве города [45, с. 162; 77, с. 51] кризисные явления не прослеживаются.

А.Л.Якобсон, говоря о сокращении территории некрополя Херсонеса в V–VI вв., опирался главным образом на нумизматический материал, так как вещи из погребальных комплексов в своей массе не могли быть использованы вследствие плохой документации дореволюционных раскопок и несовершенной методики обработки вещей К.К.Косцюшко-Валюжиничем и Р.Х.Лепером [59, с. 248–250]. Отсутствие возможности сопоставить монеты из погребений с погребальным инвентарем привело А.Л.Якобсона к выводу о сокращении населения

**ПОДТЕКСТОВКИ ФОТОИЛЛЮСТРАЦИИ К СТ. В. М. ЗУБАРЕ
«ПРОНИКНОВЕНИЕ И УТВЕРЖДЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА
В ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ»**

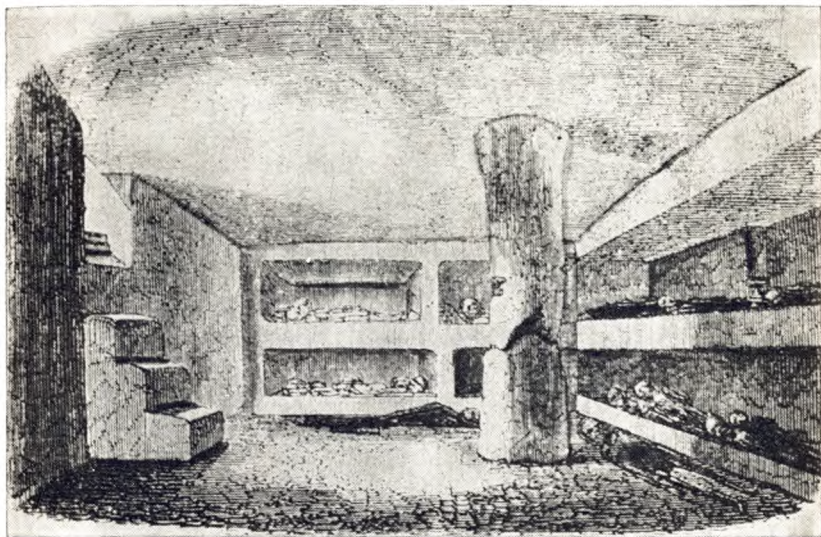

Рис. 1. Склеп с нишами-лежанками из некрополя Херсонеса (по А. С. Уварову)

Рис. 2. Светильник с изображением креста на щитке. Раскопки Р. Х. Лепера 1909 г.

Рис. 6. Раннесредневековые надгробия в форме крестов. Раскопки автора 1975 г.

Рис. 7. Амфора, содержащая захоронение младенца. Раскопки автора 1983 г.

ПОДТЕКСТОВКИ ФОТОИЛЛЮСТРАЦИЙ
К СТ. А. И. РОМАНЧУКА И Л. А. СЕДИКОВА
«ТЕМНЫЕ ВЕКА» И ХЕРСОН...»

Рис. 8. Фрагмент курильницы из заполнения бассейна-водохранилища

ПОДТЕКСТОВКИ · ФОТОИЛЛЮСТРАЦИИ
К СТ. В. Н. ДАНИЛЕНКО
«ИЗ ИСТОРИИ ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА
СРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНА»

Рис. 3. Блюдо с изображением всадника, поражающего дракона

Рис. 4. Блюдо с изображением грифона, терзающего лагу.

ПОДТЕКСТОВКИ ФОТОИЛЛЮСТРАЦИЙ
К СТ. Е. А. ПАРШИНОЙ
«ТОРЖИЩЕ В ПАРТЕНИТАХ»

Рис. 2. Общие виды раскопок (4 фото) а, б, в, г

**ПОДТЕКСТОВКИ ФОТОИЛЛЮСТРАЦИЙ
К СТ. Т. И. МАКАРОВОЙ
«БОСПОР-КОРЧЕВ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ»**

Рис. 6. Фрагмент кладки корчевского дома (№ 2).

*Рис. 7. Лестница во внутренней
стенке дома № 2*

Рис. 8. Печь в доме № 1

Рис. 10. Стены хазарской крепости. Вид с запада (раскоп II)

Рис. 12. Помещение № 8. Вид с юга

Рис. 13. Вход в помещение 8

Рис. 14. Каменный ящик в помеще-
нии 8

ПОДТЕКСТОВКИ ФОТОИЛЛЮСТРАЦИЙ
 К СТ. Э. И. СОЛОМОНИК
 «НОВЫЕ ГРЕЧЕСКИЕ ЛАПИДАРНЫЕ НАДПИСИ
 СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА»

Рис. 1. Плита из Бахчисарая. Мрамор. 1960 г. (фото Л. Юрченко)

Рис. 2. Плита из Алушты. Известняк. 1987 г. (фото И. Теплицкого)

Рис. 3. Фрагмент арки из Баклы. Известняк. 1972 г.

Рис. 4. Плита из некрополя около Баклы. Известняк. 1976 г.

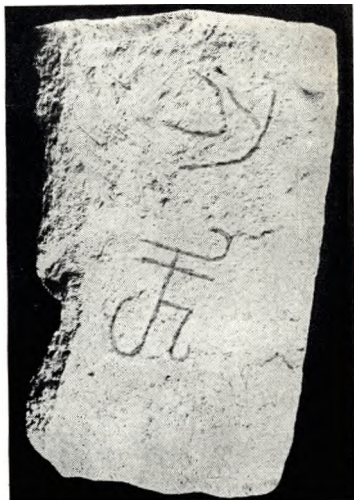
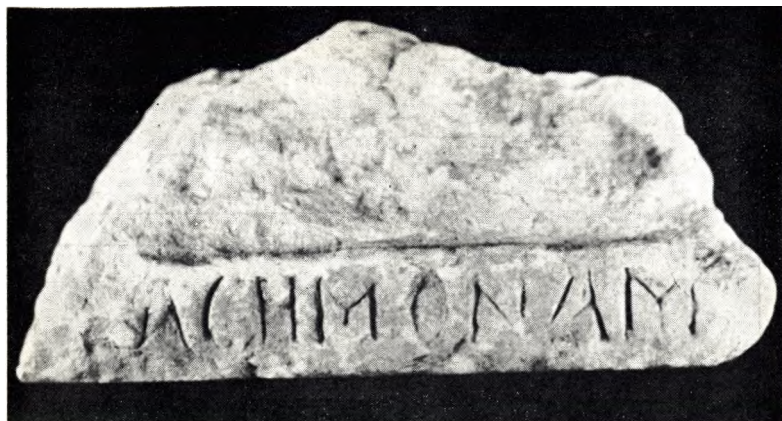

Рис. 5. Плита из окрестности Баклы. Известняк. 1976 г.

*Рис. 6. Плита из Судака. Известняк. 1988 г.
(фото Л. Юришко)*

**ПОДТЕКСТОВКИ ФОТОИЛЛЮСТРАЦИИ
К СТ. Е. А. АЙБАБИНА
«ДВУХАПСИДНЫЙ ХРАМ БЛИЗ КРЕПОСТИ ФУНА»**

Рис. 1. Храм с востока

Рис. 2. Двухапсидный храм. Вид с запада

Рис. 9. Поливная чаша из могилы 4

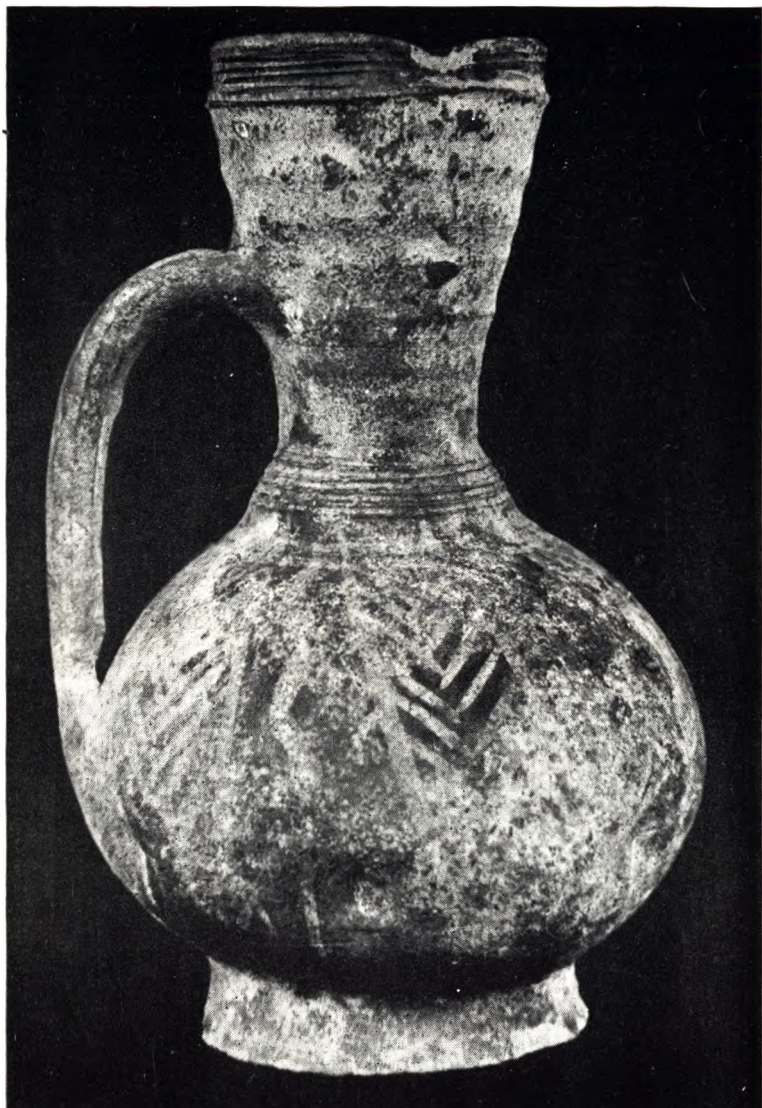

Рис. 10. Кувшин из могилы 7

города в V в. и позволило говорить о кризисе, который якобы переживал Херсонес на рубеже античности и средневековья.

Однако менеты для датировки позднеантичных и средневековых погребальных комплексов Херсонеса должны использоваться с большой осторожностью. Как известно, херсонесская монетная чеканка прекратилась при императоре Галлиене (252–268 гг.) [9, с. 97] и с конца III в. херсонесский рынок заполнился боспорскими и римскими монетами, за счет которых после прекращения боспорской чеканки удовлетворялись потребности городского денежного обращения [26, с. 32–33]. Из денежного обращения позднеантичного и средневекового Херсонеса, несмотря на возобновление городской чеканки при Зеноне [9, с. 97], не исключались монеты более ранних выпусков, которые сохранили покупательную способность независимо от времени чеканки [26, с. 32–33; 9, с. 107]. В VII в. в обращении продолжали оставаться монеты времен Феодосия (379–395), Грациана (375–382), Феодосия II (408–450), Зенона (474–491) [9, с. 106]. В то же время имели хождение елевтерийные и позднеримские монеты, на которых при императоре Ираклии (610–641 гг.) надчеканивались хризмы [9, с. 106].

Эти закономерности монетного обращения, а также количественное преобладание в Херсонесе римских монет IV – начала V вв., позволяет несколько иначе рассматривать вопрос о датировке позднеантичных и раннесредневековых монет в погребальных комплексах. Учитывая то, что монеты IV – начала V в. находились в обращении до VII в., их не всегда можно рассматривать в качестве надежного датировочного материала при определении времени захоронения или строительства погребального сооружения. Сказанное позволяет сделать вывод, что по крайней мере часть склепов, датированных на основании монет второй половиной IV – началом V в., использовались на протяжении более длительного времени*. При учете того, что монеты VI – начала V в. могли попасть в могилы и в VI–VII вв., нельзя говорить о значительном сокращении количества погребений раннесредневекового времени в сравнении с позднеантичным периодом. Очевидно, к V–VII вв. относилось больше склепов, чем полагал А.Л.Якобсон, но выделить все эти комплексы в силу плохого состояния материалов из дореволюционных раскопок не всегда представляется возможным**.

*В склепах, открытых И.Д.Беловым у западной оборонительной стены, обнаружены монеты IV–X вв., а также так называемые амфоры с зональным рыфлением IX–X вв. [11, с. 254].

**В связи со сказанным следует обратить внимание на совместную находку монет позднеантичного и раннесредневекового времени, на основании которых некоторые христианские культовые сооружения относятся к IV в. [17, с. 74]. В баптистерии у Уваровской базилики обнаружены монеты от времени императора Валентиниана I (364–375 гг.) до Тиберия Маврикия (582–602 гг.), а в фундаменте крещальни, пристроенной к Загородному храму, – от времени Феодосия (379–395 гг.) до Анастасия I (491–518 гг.) [50, с. 33]. Приведенные нами соображения, а также коллекция монет из многочисленных херсонесских цистерн, не позволяет относить эти постройки ко времени ранее VI в.

Выдвинутое положение хорошо иллюстрируется нумизматическим материалом из раскопок некрополя. Из 250 монет, обнаруженных при раскопках погребений на участке у Загородного храма в 1902—1905 гг., к первой половине IV в. относилось 60 монет, к концу IV — 319, к первой половине V в. — 64, к концу V в. — 24, к первой половине VI в. — семь, к началу VII в. — одна. В склепе, открытом Л.Г. Колесниковой в 1960 г., вместе с материалом позднеантичного и раннесредневекового времени было найдено 17 монет, из которых восемь были определены. Две относились к III в., а остальные — к концу IV в., причем одна из них имела отверстие для подвешивания [47, с. 11]. Видимо и здесь при захоронении умерших в раннесредневековый период могли быть положены монеты конца IV в.

Использование монет IV — начала V в. в более поздний период позволяет поставить под сомнение правильность датировки херсонесских склепов с христианской росписью, предложенной М.И. Ростовцевым. Анализ нумизматического материала и характера росписи, проведенный нами, показал, что склепы с христианской росписью, открытые в некрополе Херсонеса, следует датировать временем не ранее VI—VII вв. Учитывая позднюю в сравнении с событиями, изложенными в "Житиях епископов херсонесских", дату склепов с христианской живописью, можно предположить, что они были расписаны и стали объектами культа не ранее VI—VII вв., когда в Херсонесе наметилась тенденция связывать легендарные предания о деятельности христианских мучеников с конкретными памятниками на территории города [43, с. 3—14].

В связи с высказанным предположением особый интерес преобретают результаты доисследования четырехапсидного храма, проведенные В.А. Кутайсовым под руководством О.И. Домбровского [32, с. 322]. В ходе раскопок было установлено, что он был сооружен в VII в. над известеобжигательной печью, которая располагалась в геометрическом центре здания. В.А. Кутайсов полагает, что есть все основания связывать эту печь с сообщениями "Житий епископов херсонесских" о крещении населения Херсонеса епископом Капитоном. Из текстов "Житий епископов херсонесских" известно, что Капитон, пытаясь убедить язычников в истинности новой веры, сотворил "чудо", войдя в известеобжигательную печь и выйдя из нее невредимым [56, с. 41; 59, с. 85—87]. Очевидно, в VII в. над печью, которую легендарные предания связывали с "чудом" Капитона, и был возведен четырехапсидный храм-мартирий [54, с. 166—167].

Говоря о времени проникновения и утверждения христианства в Херсонесе, нельзя обойти молчанием точку зрения С.А. Беляева о том, что наиболее ранний из известных в настоящее время христианских храмов был построен в первой половине — середине IV в. на холме в западной части городища (базилика Б, по С.А. Беляеву) [14, с. 125]. С.А. Беляев пишет, что его датировка базилики Б "базируется

на трех основных аргументах: 1) общей стратиграфии участка; 2) изучении археологического материала и 3) нумизматических данных" [14, с. 125]. Однако на этой же странице автор поясняет: "Стратиграфии участка хотя и не определяет точной даты постройки базилики, но дает общие рамки ее жизни..." [14, с. 125], которые охватывают период, согласно С.А.Беляеву, с IV по VIII вв. [14, с. 116—126]. Говоря об археологическом материале, на котором базируется датировка базилики, С.А.Беляев объясняет, что имеется в виду тот материал, который остался в углублениях скалы северного склона у фундамента северной стены сооружения. Но тут же добавляет, что грунт для засыпи при строительстве базилики "был взят из городской свалки или же из слоя у базилики" [14, с. 126]. Следовательно, для определения времени возникновения базилики Б использованы находки не из слоя, а материал из перемешанного грунта. Еще менее понятен вопрос о нумизматическом материале. С.А.Беляев пишет, что для датировки им были использованы две монеты времени императора Лициния (308—324 гг.), которые "находились в слое строительного мусора к востоку от апсиды" [14, с. 126].

Таким образом, все "основные аргументы" С.А.Беляева далеко не бесспорны и не могут служить надежной основой для датировки базилики Б первой половиной — серединой IV в. Что же касается ссылки С.А.Беляева на упоминание в "Житиях епископов херсонесских" о посылке в Херсонес Капитона и 500 воинов для поддержки херсонесских христиан, а также на наличие подписи херсонесских епископов под деяниями I и II вселенских соборов [14, с. 126], то эти факты требуют критического подхода и уж во всяком случае, основываясь только на них, нельзя определить время строительства конкретного археологического памятника, которым является базилика Б.

Согласно "Житиям епископов херсонесских", по просьбе херсонесских христиан, обратившихся непосредственно к императору Константину, в 325 г. в Херсонес прибыл епископ Капитон, которого сопровождал воинский отряд во главе с Феоной [56, с. 39; 57, с. 111; 59, с. 85—86]. После совершения "чуда" епископом Капитоном языческое население города было обращено в "истинную веру", о чем и было доложено императору Константину, находившемуся в это время в Никее [56, с. 34—41; 98, с. 19]. Историческая основа этого места "Житий епископов херсонесских" вызывает обоснованные сомнения и не может быть безоговорочно принята [56, с. 39; 66, с. 128]. Не выдерживает критики и сообщение "Житий епископов херсонесских" о посылке в правление императора Диоклетиана иерусалимским епископом в Херсонес проповедников Василия, Агафодора, Евгения и Элпидия, которые безуспешно пытались обратить в новую веру языческое население Херсонеса [56, с. 35—36; 59, с. 83], так как до III Вселенского собора (Эфес, 431 г.) иерусалимская церковь не играла значительной роли в тогдашнем христианском мире [89, с. 153; 85, с. 155; 66, с. 128].

Анализируя приведенные места "Житий епископов херсонесских", следует помнить, что они были написаны в Херсонесе не ранее VII в. и дошли до нас в списках, наиболее ранний из которых был составлен в Константинополе не ранее начала X в. [58, с. 16, 17, 44]. Это заставляет относиться к фактам, сообщаемым в "Житиях епископов херсонесских" относительно конкретных событий истории Херсонеса начала IV в., с большой осторожностью. "Жития епископов херсонесских" были написаны значительно позднее описывавшихся в них событий и, как всякий исторический источник, несут на себе печать своей эпохи и отражают те задачи, которые стояли перед их авторами, выражавшими интересы христианской церкви на определенном этапе ее развития [90, с. 31; 102, с. 418; 73, с. 235].

На протяжении IV–VI вв. идет процесс разработки христианской догматики и организационное оформление христианской церкви, для которой было характерно стремление перестроить жизнь широких слоев населения в соответствии с христианским мировоззрением [112, с. 236]. В сознании простого человека каждый день должен был быть связан с памятью о евангельских мифах и местных святых, которые пришли на смену местным городским богам языческого пантеона [85, с. 160]. Именно этой задаче и было подчинено создание в VII в. "Житий епископов херсонесских", которые проникновение и становление христианства в Херсонесе относили к хорошо известным событиям позднеантичной эпохи, таким, как самое крупное и последнее гонение христиан при Диоклетиане [60, с. 193; 93, с. 342; 121, с. 350], прохристианская деятельность императора Константина и Никейский собор [60, с. 329–331; 85, с. 156; 111, т. 1, Р. 87]. Вместе с этим в "Житиях епископов херсонесских" нашло отражение и современное авторам состояние христианской церкви — возвышение Иерусалимского престола и практика назначения епископов из Константинополя [56, с. 77–78; 85, с. 154]. В известном смысле написание "Житий епископов херсонесских" в VII в. можно рассматривать как попытку создания херсонесской церковью своей героической истории, что столь свойственно христианским авторам, которые период между 303–311 гг. в церковной истории рассматривали в качестве "эры мучеников". Ожесточенная борьба христианства с язычеством в Херсонесе, мученическая кончина первых христианских проповедников и, наконец, крещение горожан епископом Капитоном — все это в популярном изложении должно было утвердить в сознании населения Херсонеса неизбежность церковной организации, освященной императором Константином, которого христианская церковь причислила к лику святых и с именем которого обычно связывалось торжество новой религии в Римской империи [Ср.: 85, с. 42; 112, с. 235–236]. Агиографические сочинения о жизни и деятельности первых херсонесских епископов призваны были создать местных святых, тесно связанных с конкретной

20

историей города, и являлись удобным средством распространения христианской идеологии [93, с. 177; 75, с. 185; 90, с. 31] *.

Этим же задачам отвечало строительство над известеобжигательной печью, связанной с "чудом" Капитона, четырехапсидного храма-памятника и роспись некоторых склепов христианской живописью, в которой наряду с орнаментальными мотивами определенное место занимало изображение венков — символа мученичества. Хронологически все это хорошо согласуется с оживленным церковным строительством, начавшимся в Херсонесе в VI—VII вв., которое отражало усиление процесса христианизации населения города [54, с. 167].

В литературе, посвященной начальному периоду христианизации Херсонеса, утвердилось мнение, что показателем раннего проникновения христианской идеологии может служить подпись херсонесского епископа в некоторых списках деяний I Вселенского собора [15, с. 295]. Несмотря на аргументированную критику этой точки зрения [66, с. 131], присутствие херсонесского епископа на Никейском соборе как якобы достоверный факт используется в самых последних работах [14, с. 126]. В связи с этим следует подчеркнуть, что синайский и арабский списки отцов I Вселенского собора, в которых упоминается херсонесский епископ, близки между собой и восходят к одному оригиналу конца VII—VIII в. [15, с. 284]. В более ранних по происхождению списках имени херсонесского епископа нет [61, с. 27—29]. Ничего не говорит о присутствии херсонесского епископа на Никейском соборе "Жития епископов херсонесских" и историк христианской церкви в России архиепископ Макарий, широко использовавший в своем сочинении церковные источники [64, с. 64] **.

Бесспорно присутствие херсонесского епископа Эвферия только на II Вселенском соборе в 381 г., подпись которого стоит среди епископов скифских областей наряду с епископами томитанским и анхальским [29, с. 280; 98, с. 25]. Реальность существования в конце IV в. епископа Эвферия косвенно подтверждается наличием этого имени в ономастиконе Херсонеса. Эвферий (*Εὐφῆριος*) упоминается в надписи 383—385 гг. о постройке стены в Херсонесе [55, с. 56—59; 128, № 450] ***. Интересно, что в этой надписи отсутствует крест, обычный для строительных надписей более позднего времени [Ср.: 17, с. 45—88; 49, с. 41—42, рис. 39; 113, с. 1—12, № 1, 2, 4; 103, с. 188—194, pl. 82—83, № 1060—1099].

* Возникновение в V—VII вв. тенденциозных "житий святых" привело к значительному искажению первоначальной истории христианской церкви [См.: 76, с. 312; 73, с. 241].

** Д. Лебедев указывал, что имя херсонесского епископа, якобы присутствовавшего на I Вселенском соборе, было не Филипп, а Анастасий [61, с. 29].

*** Херсонесский епископ Эвферий упоминается также в "Житиях епископов херсонесских" [56, с. 42].

Присутствие херсонесского епископа на II Вселенском соборе, а также отдельные памятники конца IV — начала V в. [13, с. 140] * позволяют говорить о наличии в Херсонесе в это время христианской общины [65, с. 103–104; 66, с. 131–133; 30, с. 12]. Однако в количественном отношении она была небольшой и не до конца оформившейся. Об этом свидетельствует отсутствие в Херсонесе конца IV — начала V в. в отличие от Пантикапея и могильников Паннонии [94, с. 83–84; 125, с. 265; 96, с. 31–49], специального христианского участка некрополя, где бы совершались захоронения исключительно христиан. Вероятно, лишь в конце V–VI вв. на участке некрополя к юго-востоку от города, где впоследствии был построен Загородный храм, появляется небольшая часовня, вокруг которой начинают хоронить христиан [31, с. 52–53]**. Позднее над этой часовней был построен Загородный храм-мартирий, который, как полагают исследователи, возник на месте погребения сосланного в Херсонес папы Мартина [6, с. 112–114; 7, с. 67–68].

Отсутствие в Херсонесе каких-либо следов христианских храмов, которые с уверенностью можно было бы отнести ко второй половине IV — первой половине V в., позволяет предполагать, что до появления первых таких построек местом отправления христианского культа могли быть некоторые склепы, располагавшиеся за пределами города, на территории его некрополя***. Для этих целей могли служить открытый на земле Н.И.Тура склеп, который был превращен в часовню [79, с. 472–479], и пещерообразное подземное сооружение, в плане напоминающее базилику, которое располагалось у б.Зенона [100, с. 254, рис. 132, 2]****. Хорошо известно, что в период появления христианства очень часто для богослужений могли использоваться мес-

*Иногда к этому времени ошибочно относят краснолаковую керамику со штампованными изображениями христианских символов, которая, как показали исследования последних лет, относится к V–VII вв. [68, с. 110–112; 121, с. 39–41; 3, с. 217].

**В насыпи могил открытых О.И.Домбровским при исследовании Загородного храма, были обнаружены светильники, которые по мнению С.Б.Сорочана датируются IV–VII вв. [31, пап. III, с. 47–48]. Аналогичные светильники обнаружены вместе с материалом позднеантичного и раннесредневекового времени при раскопках западного некрополя Херсонеса в 1981 г. [42, с. 153, рис. 4], который также использовался христианским населением города [38, с. 87].

***В "Житиях епископов херсонесских" имеется ряд данных, которые позволяют говорить об определенной роли некрополя в процессе становления христианства в Херсонесе. В склепе происходит крещение Василием сына архонта, за воротами, к востоку и западу от города, т.е. там, где открыты склепы с христианской росписью, погребаются убитые язычниками христианские мученики [56, с. 56–67; 59, с. 84].

****Доследования Загородного храма, проведенные О.И.Домбровским в 1953 г., показали, что подземный ход, расположенный под храмом, был гидротехническим сооружением [31, с. 64–65] и не может рассматриваться в качестве крипты первых христиан [Ср.: 6, с. 114–116].

та погребений, которые пользовались правом неприкосновенности [71, с. 2, 5].

Приведенные материалы свидетельствуют о длительном и сложном процессе проникновения и утверждения христианской идеологии в Херсонесе. В настоящее время нельзя, как это делалось раньше, говорить о том, что уже со времени Константина Херсонес стал главным очагом христианства [Ср.: 84, с. 60] или же о полном торжестве новой идеологии в городе при Феодосии I. Утверждению христианства предшествовал длительный переходный период, на протяжении которого имело место сосуществование старых языческих религиозных представлений и нарождавшейся новой христианской идеологии, заимствовавшей и приспособившей к своим догматам многое из достижений античной мысли. Для этого периода были характерны синкретические религиозные представления, большей частью восточного происхождения, повышение интереса к загробному существованию, популярность учений, связанных с обещанием загробного блаженства и бессмертия, а также всевозможные таинства и суеверия, получившие широкое распространение в период кризиса античного мировоззрения [81, с. 55—77; 67, с. 11; 39, с. 111]. В религиозной жизни населения города начинают проявляться определенные тенденции к монотеизму, выразившиеся в обращении к безымянному божеству в надписях на кубках [81, с. 66—67], упоминании в надписях Бога Высочайшего [80, с. 161—163, № 84, 85], наличии в Херсонесе религиозных фисав [128, № 425], которые учреждались главным образом для почитания чужеземных богов [Ср.: 69, с. 67].

В то же время в некрополе города отсутствуют бесспорно христианские комплексы второй половины IV — начала V в. Аналогичная картина наблюдается на Боспоре, где, несмотря на наличие христианских памятников IV в. и более быстрый, чем в Херсонесе, процесс христианизации [99, с. 8—11; 22, с. 274—275; 23, с. 465—466; 51, с. 67—68; 18, с. 201], все же большинство населения по-прежнему оставалось языческим [48, с. 80]. В период превращения в государственную религию христианство не было самой распространенной религией даже в крупных городских центрах Римской империи, где христианские общины объединяли на более пятой части населения [19, с. 368; 87, с. 506].

Присутствие херсонесского епископа на II Вселенском соборе и появление в городе количественно небольшой христианской общины не может рассматриваться в качестве показателя быстрой и массовой христианизации города. Христианство в силу ряда причин в Херсонесе в первую очередь принималось представителями верхушки населения, надеявшейся получить от центральной власти определенные привилегии [66, с. 133]. Основная же масса горожан оставалась языческой. В этом отношении показателен тот факт, что после разгрома восстания 365—366 гг., носившего ярко выраженную антихристианскую окраску, его руководитель Прокопий бежит в Херсонес. Здесь он, очевидно, надеял-

ся на поддержку языческого населения города, служившего основной опорой восстания [См.: 52, с. 72]. Но так как он, вероятно, опасался быть выданным городской верхушкой центральной администрации, в Херсонесе Прокопий пробыл недолго (См.: Zosim, IV, V, 2).

Сосуществование языческой и христианской идеологий в IV в. было характерно не только для окраин империи, но и для ее центральных областей [115, с. 133—134; 117, с. 676—681; 111, t. I, P. 74—76, 285—287]*. Закладка в 324 г. и освящение в 330 г. новой столицы империи Константинополя происходило в присутствии языческих жрецов и христианского духовенства [90, с. 9]. Лишь в 382 г. император Грациан лишил языческих жрецов экономической поддержки государства, а император Феодосий II в 416 г. официально отстранил нехристиан от общественных должностей [19, с. 411—414]**.

Широкая христианизация населения Херсонеса началась только в VI—VII вв. и была связана с активной политикой византийских императоров, проводившейся в Таврике [100, с. 29—30]. К этому времени относятся перепланировка жилых кварталов Херсонеса [100, с. 287, 299], вызванная начавшимся в городе церковным строительством канонизация херсонесских мучеников [56, с. 44], склепы с христианской росписью [43, с. 12], хорошо датированные христианские погребальные комплексы [100, с. 252—253, 267—281; 47, с. 1—2], надгробия с изображениями крестов [100, с. 258—259] (рис. 6) и христианская культовая скульптура.

Христианство в Херсонесе утвердилось не сразу, а прошло на протяжении нескольких столетий путь становления и развития. Усиление позиций христианства и окончательное утверждение новой идеологии в Херсонесе было возможно только с укреплением здесь центральной византийской власти при императорах Зеноне и Юстиниане I. Окончательная победа христианства в Херсонесе, как это было в других районах Византийской империи, могла быть достигнута только в эпоху раннего средневековья [53, с. 47]. Поэтому вторую половину VI — начало VII в. можно считать концом переходного периода от язычества к христианству, и только с этого времени в известном смысле можно говорить о христианском Херсонесе, хотя вплоть до XIII в. письменные источники говорят о наличии в городе пережитков язычества [Ср.: 98, с. 11].

*В 323 г. официально было запрещено принуждать христиан к отправлению языческих культов [90, с. 10].

**В Риме до конца IV в. засвидетельствовано принесение жертв богам языческого пантеона (Macr., Sat, III, 6; Am. Marc, XXIII, 3, 7).

1. Айбабин А.И. Погребения второй половины V — первой половины VI вв. в Крыму // КСИА. — 1979. — 158. — С. 22—34.
2. Айбабин А.И. Погребения конца VII — первой половины VIII вв. в Крыму // Древности эпохи Великого переселения народов V—VIII вв. — М., 1982. — С. 165—192.
3. Айбабин А.И., Веймарн Е.В. Склеп 406 Скалистинского могильника // СА. — 1983. — № 4. — С. 213—218.
4. Айбабин А.И. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеантичного периода // СА. — 1984. — № 1. — С. 104—122.
5. Айбабин А.И. Этническая принадлежность могильников Крыма IV — первой половины VII вв. н.э. // Материалы к этнической истории Крыма (VII в. до н.э. — VII в. н.э.). — Киев : Наук. думка, 1987. — С. 164—199.
6. Айналов Д.В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. — 1905. — Вып. 1. — 146 с.
7. Айналов Д.В. Мемория св.Климента и св. Мартина в Херсонесе // Древности ТМАО. — М., 1916. — Т. 24. — С. 67—68.
8. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. — 1971. — № 2. — С. 96—123.
9. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XII в. н.э.) — Киев : Наук. думка, 1977. — 176 с.
10. Античная скульптура Херсонеса. Каталог. — Киев : Мистецтво, 1976. — 342 с.
11. Белов Г.Д. Западная оборонительная стена и некрополь возле нее // МИА. — 34. — 1953. — С. 237—254.
12. Белов Г.Д. Из истории экономической жизни Херсонеса во II—IV вв. // Античный город. — М. : АН СССР, 1963. — С. 61—68.
13. Беляев С.А. Позднеантичные надписи на амфорах из раскопок Херсонеса // НЭ. — Т. VII. — М., 1968. — С. 127—143.
14. Беляев С.А. вновь найденная раннесредневековая мозаика из Херсонеса (по материалам раскопок 1973—1977 гг.) // ВВ. — Т. 40. — 1979. — С. 114—126.
15. Бенешевич В.Н. Синайский список отцов Никейского первого вселенского собора // Известия АН. — Серия VI. — № 3. — 1908. — С. 281—306.
16. Бертье-Делагард А.Л. Надпись времени императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса // ЗООИД. — Т. XVI. — Одесса, 1893. — С. 45—88.
17. Бертье-Делагард А.Л. Раскопки Херсонеса // МАР. — № 12. — СПб., 1893. — 64 с., 7 табл.
18. Блаватский В.Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. — М. : Наука, 1964. — 231 с.
19. Буассье Г. Падение язычества. Исследование последней религиозной борьбы на Западе в IV в. — Типография Э. и Ю.Романа, 1892. — 584 с.
20. Буассье Г. Катакомбы. — М. : Изд-е книжного магазина Д.П.Ефимова, 1907. — 96 с.
21. Вальдгауэр О. Античные глиняные светильники. — СПб.: Изд-е Эрмитажа, 1914. — 68 с., 67 табл.
22. Васильев А.А. Готы в Крыму // ИРАИМК. — Т. 1. — Пгр., 1921. — С. 256—344.
23. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. — М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1949. — 624 с.
24. Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых боспорских городов // МИА. — 69. — 1959. — С. 154—238.
25. Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. // КСИА. — 1979. — Вып. 158. — С. 96—106.
26. Гилевич А.М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // НС. — Вып. 3. — Киев, 1968. — С. 3—198.
27. Голубцова Е.С. Идеология и культура сельского населения Малой Азии в I—III вв. н.э. — М. : Наука, 1977. — 239 с.

28. *Гриневиц К.Э.* Сто лет херсонесских раскопок (1827–1927 гг.). – Севастополь: Херсонес, музей, 1927. – 55 с.
29. *Деяния Вселенских соборов* (Православный вестник, № 5). – Казань: Типография губерн. правления, 1899. – 358 с.
30. *Диатроптоя П.Д.* Распространение христианства в Северном Причерноморье. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1988. – 16 с.
31. *Домбровский О.И.* Отчет о полевых археологических исследованиях Загородного храма в 1954 г. // Архив ГХЗ. – Д. № 708 (папки I–III). – 1953. – 90 с.
32. *Домбровский О.И., Кутайсов В.А.* Раскопки четырехапсидного храма в Херсонесе // АО за 1977 г. – М., 1978. – С. 322.
33. *Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. – 83. – 1960. – 180 с.
34. *Зубар В.М.* Склепы с нишами-лежанками с некрополя Херсонеса // Археология. – 1978. – Вып. 28. – С. 36–45.
35. *Зубар В.М., Костромичова Т.И.* Склеп № 20 с некрополя Херсонеса // Археология. – 1978. – Вып. 27. – С. 58–61.
36. *Зубар В.М., Магомедов Б.В.* Нові дослідження середньовічних поховань Херсонеса // Археологія. – 1981. – Вып. 36. – С. 71–77.
37. *Зубар В.М.* Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. – Киев: Наук. думка, 1982. – 144 с.
38. *Зубарь В.М., Рыжов С.Г.* О датировке нового погребального комплекса из некрополя Херсонеса // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. – Киев: Наук. думка, 1982. – С. 113–125.
39. *Зубарь В.М., Мещеряков В.Ф.* Некоторые данные о верованиях населения Херсонеса (по материалам некрополя первых веков) // Население и культура Крыма в первые века нашей эры. – Киев: Наук. думка, 1983. – С. 96–114.
40. *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* Светильники в погребальном обряде античных городов Северного Причерноморья // Античная культура Северного Причерноморья. – Киев: Наук. думка, 1984. – С. 147–156.
41. *Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* Новый погребальный комплекс II–IV вв. и экономическое развитие Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые вв. н.э. – Киев: Наук. думка, 1986. – С. 101–129.
42. *Зубарь В.М., Рыжов С.Г., Шевченко А.В.* Новый погребальный комплекс Западного некрополя Херсонеса // Античные древности Северного Причерноморья. – Киев: Наук. думка, 1988. – С. 148–165.
43. *Зубарь В.М.* По поводу датировки христианской росписи склепов из некрополя Херсонеса // Научно-атеистические исследования в музеях. – Л.: ГМИРиА, 1988. – С. 3–14.
44. *Кадеев В.И.* Импортные светильники I–IV вв. н.э. из Херсонеса // СА. – 1969. – № 3. – С. 159–170.
45. *Кадеев В.И.* Очерки истории экономики Херсонеса в I–IV вв. н.э. – Харьков: Изд-во ХГУ, 1970. – 164 с.
46. *Колесникова Л.Г.* Раннехристианская скульптура Херсонеса // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. – Киев: Наук. думка, 1974. – С. 55–64.
47. *Колесникова Л.Г.* Отчет о раскопках участков херсонесского некрополя в 1960–1962 гг. // Архив ГХЗ. – Д. № 816, 1962. – С. 1–24.
48. *Корпусова В.Н.* Некрополь Золотое. К этнокультурной истории европейского Боспора. – Киев: Наук. думка, 1983. – 184 с.
49. *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Извлечения из отчета о раскопках в Херсонесе в 1899 г. // ИАК. – 1901. – Вып. 1. – С. 1–55.
50. *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе // ИАК. – 1904. – Вып. 9. – С. 1–62.
51. *Кубланов М.М.* Религиозный синкретизм и появление христианства на Боспоре (I–III вв. н.э.) // ЕМИРА. – Т.П. – 1958. – С. 57–68.

52. Курбатов Г.Л. К вопросу о территориальном распространении восстания Прокопия // Византийские очерки. — М., 1961. — С. 64–92.
53. Курбатов Г.Л. История Византии. — М.: Высшая школа, 1984. — 208 с.
54. Кутайсов В.А. Четырехапсидный храм в Херсонесе // СА. — 1982. — № 1. — С. 155–169.
55. Латышев В.В. Надпись о постройке херсонесской стены // ИАК. — 1901. — Вып. 1. — С. 55–59.
56. Латышев В.В. Жития епископов херсонесских // Записки АН. — Серия VIII. — Т. VIII. — № 3. — СПб., 1906. — С. 1–81.
57. Латышев В.В. Страдания святых священномучеников и епископов херсонесских Василия, Капитона и иных с ними // ИАК. — 1907. — Вып. 23. — СПб. — С. 108–112.
58. Латышев В.В. Заметки к агиологическим текстам // П. Известия отдела русского языка и словесности АН. — Т. XIII. — Кн. 3. — СПб., 1908. — С. 1–17.
59. Латышев В.В., Кекелидзе К. Житие св. епископов херсонесских в грузинской минее // ИАК. — Вып. 49. — СПб., 1913. — С. 75–88.
60. Лебедев А.П. Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом // М.: Печатня А.И.Снегиревой, 1897. — 362 с.
61. Лебедев Д. Список епископов первого Вселенского собора // Записки АН. — Сер. VIII. — Т. XIII. — № 1. — СПб., 1916. — С. 1–112.
62. Лепер Р.Х. Дневник раскопок херсонесского некрополя // ХСБ. — Вып. II. — Севастополь, 1927. — С. 189–356.
63. Ливанов Ф.В. Херсонес (древний Корсунь) в Крыму с открытым в нем ныне первоклассным монастырем св. Владимира. — М.: Типогр. "Современных известий", 1874. — 96 с.
64. Макарий, архиепископ. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира, как введение в историю русской церкви. — СПб.: Типогр. военно-учеб. заведений, 1846. — 421 с.
65. Мещеряков В.Ф. Проникновения христианства в Херсонес Таврийский // В ХДУ. — № 118. — История. — Вып. 9. — 1975. — С. 100–108.
66. Мещеряков В.Ф. О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. — Л.: МИРА, 1978. — С. 121–144.
67. Мещеряков В.Ф. Религия и культы Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. — Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1980. — 16 с.
68. Николаева Э.Я. Краснолаковая керамика со штампами с Ильичевского городища // КСИА. — 1978. — Вып. 156. — С. 110–113.
69. Новосадский Н.И. Боспорские фиасы // ТСА Института археологии и искусствоведения. — Т. III. — М., 1928. — С. 55–70.
70. Петровский С.В. Апокрифические сказания об Апостольской проповеди по Черноморскому побережью // ЗООИД. — Т. XXI. — Одесса, 1898.
71. Покровский Н.В. Церковная археология в связи с историей христианского искусства. — II гр. тип. А.Н.Лаврова и К°. — СПб., 1916. — 222 с.
72. Полное собрание русских летописей. — Т. I. — Вып. I. — Изд-е 2-е. — Л.: Госуд. Академия, типография, 1926.
73. Попова Т.В. Античная биография и византийская агиография // Античность и Византия. — М.: Наука, 1975. — С. 218–226.
74. Пудовин В.К. Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су // СА. — 1960. — № 1. — С. 177–185.
75. Ранович А. Очерки истории раннехристианской церкви. — М.: ОГИЗ, 1941. — 260 с.
76. Робертсон А. Происхождение христианства. — М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1959. — 323 с.

77. Романчук А.И. Новые материалы о времени строительства рыбозасолочных цистерн в Херсонесе // АДСВ. — 1973. — Вып. 8. — Свердловск. — С. 45–53.
78. Романчук А.И. Херсонес VI — первой половины IX вв. — Свердловск: Изд-е УрГУ, 1976. — 42 с., 7 рис.
79. Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. — II гр.; Изд-е археологической комиссии, 1914. — 537 с., 112 табл.
80. Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. — Киев: Наук. думка, 1964. — 195 с.
81. Соломоник Э.И. Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднеантичного времени // ВДИ. — 1973. — № 1. — С. 55–77.
82. Сорочан С.Б. Торговля Херсонеса Таврического в I в. до н.э. — V в. н.э. — Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1981. — 16 с.
83. Сорочан С.Б., Шевченко А.В. Западнопонтийские светильники II–IV вв. из Херсонеса // Уч. записки ХГУ. — № 238. — Харьков, 1983. — С. 94–100.
84. Суров Е.Г. Херсонес Таврический. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1961. — 156 с.
85. Сюзюмов М.Я. Христианская церковь в IV–VI вв. // История Византии. — Т. I. — М.: Наука, 1967. — С. 144–163.
86. Тахтай А.К. Археологические открытия в Херсонесе в 1942–1944 гг. // КСИИМК. — 1947. — Вып. 14. — С. 122–130.
87. Токарев С.А. Религия в истории народов мира. — М.: Изд-во полит. лит-ры, 1976. — 575 с.
88. Уваров А.С. Христианская символика. — Ч. I. — Типогр. Г.Лиснера и Д.Собко, 1908. — 212 с.
89. Франко І. Святий Клімент у Корсуні // Записки наук. тов-ва ім. Шевченка. — Кн. VI. — Т. I, VI. — Львів, 1903. — С. 145–180.
90. Фрейберг Л.А., Попова Т.В. Византийская литература IV–VI вв. // Памятники византийского искусства IV–VI вв. — М.: Наука, 1968. — С. 9–37.
91. Фрикен А. Римские катакомбы и памятники первоначального христианского искусства. — Ч. I. — М.: Изд-во К.Т.Солдатенкова, 1892. — 189 с.
92. Функ Ф.К. История христианской церкви от времен апостольских до наших дней. — М.: Типогр. товарищества И.Д.Сытина, 1911. — 616 с.
93. Цветаева Г.А. Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // МИА. — 19. — 1951. — С. 63–86.
94. Чистович И. Днепрегреческий мир и христианство в отношении к вопросу о бессмертии и будущей жизни человека. — СПб.: Печатня В.И.Головина, 1871. — 211 с.
95. Шаламон А., Баркоци Л. Археологические данные к периодизации поздне-римской Паннонии (376–476 гг.) // Древности эпохи великого переселения народов V–VII вв. — М.: Наука, 1982. — С. 31–49.
96. Шахматов А.А. Корсунская легенда о крещении Владимира // Сб. статей в честь В.И.Ламанского. — Ч. II. — СПб., 1908. — С. 1029–1153.
97. Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в IV–X вв. // Памятники христианского Херсонеса. — Вып. III. — М., 1908. — 142 с.
98. Шкорпил В.В. Три христианских надписи, найденные в Керчи // ЗООИД. — Т. XXI. — Одесса, 1898. — С. 8–11.
99. Энгельс Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство // К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч. — Изд-е 2-е. — Т. 19. — С. 306–314.
100. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. — 63. — 1959. — 364 с.
101. Якобсон А.Л. К изучению фресок из южного нефа "Базилики 1935 г." в Херсонесе // СА. — 1978. — № 2. — С. 96–104.
102. Barnea I. A propos des origines du christianisme en Scythie Mineure // Dacia. — Т. XII. — 1968. — P. 417–420.
103. Bradeen D.M. Inscriptions the funerary monuments // Athenian Agora. — Vol. 17. — J. Augustin, Cluckstadt, Princeton — New Jersey, 1974. — 240 p., 85 tab.

104. *Broneer O.* Terracotta Lamps. Harvard Univer. Press, Cambridge—Massachusetts, 1930 (Corints, vol. IV, part. II). — 340 p., 33 pl.
105. *Burger A. Sz.* The Late Roman Cemetery at Ságyár // AAH. — T. XVIII. — 1966. — P. 99–234.
106. *Gumont F.* After Life in Roman paganism. — New-York: Dover publications. — 1959. — 225 p.
107. *Deonna W.* L'ornamentation des Lampes romaines. Revue archeologie. — T. XXVI, Paris, 1927. — P. 233–263.
108. *Grabar A.* Christian Iconography. A Study of Its Origins. Prinseton Univ. Press. — 1968. — 174 p., 341 fig.
109. *Ferguson G.* Signs and Symbols in Christian art. Published by Oxford University Press. — New-York. — 1955. — 346 p.
110. *Hayes J.W.* Poman pottery in the Royal Ontario Museum. A Catalogue Royal Ontario Museum. — Toronto. — 1976. — 125 p., 40 pl.
111. *Jones A.H.* The Later Roman Empire (284–602). — Vol. 1. Basil Blackwell, Oxford, 1964. — 522 p.
112. *Lasowa C.* Problems of source-criticism concerning. The period of Late antiquity in Thrace and Moesia (4 th–5 th centuries). // Pulpudeva. 4. — Sofia. — 1983. — P. 233–238.
113. *Lietzmann H., Bees N.A., Sotiriu G.* Corpus der Griechisch— Christlichen Inschriften von Hellas. — Bd. I. — Athen. — 1941 (Christlich—Archäologische Gesellschaft zu Athen). — 128 S.
114. *Machatschek A.* Die Nekropolen und Grabmäler in Gebiet von Elaiussa Sebaste und Korykos in Rauhen Kilikien. H. Böhlau Nachf. — Graz, Wien, Köln, 1967. — 127 S., 56 Taf., 74 Abb.
115. *MacMullen R.* Paganism in the Roman Empire. — Yale Univ. Press, New-Haven and London, 1981. — 241 p.
116. *Nilson M.P.* Geschichte der Griechischen Religion. Bd. 2. Die Hellenistische und römische Zeit. — C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, München, 1974. — 747 S., 16 taf.
117. *Nock A.D.* Essays on Religion and Ancient World., vol. II. — Harvard Univ. Press, Cambridge, Massachusetts, 1972. — 1029 p.
118. *Pertlweiz J.* Lamps of the Roman Period // The Athenian Agora, vol. VII, Princeton. — New Jersey, 1961. — 240 p., 53 pl.
119. *Preda C.* Callatis. Necropola romano—bizantina. — Ed. Acad. Rep. Soc., Bucuresti, 1980. — 224 p.
120. *Richmond J.A.* Archeologi, and the after—life in pagan and christian imagery // Riddel Memorial Lectures, Ser. 20. — London: New York: Toronto, 1950. — P. 5–57.
121. *Rodziejewicz M.* La Céramique Romaine tardive D'Alexandrie. Ed. Scientifiques de Pologne, Varsovie, 1976. — 73 p., 34 pl., 63 ill.
122. *Rostovtzeff M.A.* History of the Ancient World. Vol. II. — Oxford: At the Clarendon Press, 1933. — 387 p.
123. *Thomas E.B.* Martyres Pannonie // Folia Archeologica, 25, 1974. — S. 131–146.
124. *Thomas E.B.* Religion. In: Lengel A., Radan G.T.B. The Archeology of Roman Pannonia. Lexington—Budapest. — 1980. — P. 177–206.
125. *Thomas E.B.* Das frühe Christentum in Pannonien im Lichte der archäologischen Funde. In: Severin. Zwischen römerzeit und Völkerwanderung Herausgeder Lend Oberösterreich, Linz, 1982. — S. 255–293.
126. *Vágó Es. B., Bóna J.* Der spätromische Südfriedhof. Der Gräberfelder von Intercisa. — Akad. Kiado, Budapest, 1976. — 240 p., 48 taf.
127. *Wilpert J.* Die Katakombengemälde und ihre alten copen. Eine iconographische studie. — Freiburg im Breisgau, Herdersche Verlagachandlung, 1891. — 78 S., 38 taf.
128. *IOSPE, I² Latyshev B.* Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. 1916.

**"ТЕМНЫЕ ВЕКА" И ХЕРСОН:
ПРОБЛЕМА РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ ИСТОЧНИКОВ**

Проанализировав вещественные и письменные источники и дополнив критику источников археологическим материалом, полученным в последние годы, авторы убедительно показали, что в Херсонесе VII–IX вв. жизнь не прерывалась, а некоторый упадок был связан с процессом становления нового провинциального центра средневекового типа.

В докладе на XVI Международном конгрессе византистов Хр.Бурас, рассматривая причины малочисленности археологических данных о византийском провинциальном городе, отметил, что особенно это относится к периоду "темных веков", относительно которого вопрос о том, были ли непрерывно заселены города, уже 30 лет разделяет историков на два лагеря. В некоторых случаях, подчеркнул греческий исследователь, имеются свидетельства длительного запустения, фундаментальных изменений в характере градостроительства VII–IX вв., в других не присутствуют доказательства их культурной преемственности [1, с. 617].

Среди причин недостаточности археологических материалов следует назвать как объективные — это, прежде всего, разрушение ранних памятников в процессе более позднего строительства, так и субъективные, среди которых на первое место можно поставить то, что "рвение археологов-античников достичь более важных для них нижних слоев уничтожило средневековые уровни" [1, с. 613]. Такое состояние источников делает необходимыми их критическое переосмысление, в частности, выяснение особенностей формирования стратиграфии того или иного поселения, более того, отдельных его участков, условий отложения находок и происхождения культурного слоя, а также анализ хода раскопок, так как на стадии использования и интерпретации археологических материалов исследователь имеет дело с отчетами, в которых фиксируются результаты работ, и при недоброкачественности этой фиксации, отсутствии описания детальной стратиграфии в значительной мере увеличивается субъективный характер археологических данных.

В появившихся в последнее время теоретических работах, посвященных рассмотрению специфики археологических источников, отмечается, что "археолог с самого начала своей исследовательской деятельности, с поля, должен ориентироваться на конкретные задачи или определенный круг проблем, для решения которых понадобится его материал" [14, с. 110]. Замечания, которые делает Хр.Бурас относительно изучения византийских провинциальных городов, показывают, что в большинстве случаев происходила ориентация на "более ранние, представительные античные комплексы". В данном плане вполне за-

кономерен вывод, что византийская археология еще нуждается в разработке собственной стратегии и методики [41, с. 152–156], что она переживает период становления и детства [36, с. 110]. Этим можно объяснить и то, почему одни и те же материалы раскопок византийских городов позволяют сделать вывод о "смерти города в VII в." [40, с. 431], в других — используются как один из аргументов для доказательства непрерывного существования города в период "темных веков" [17, с. 109–110; 25, с. 7; 26, с. 38–40].

Вопросы методики археологических исследований были затронуты на XVII Международном конгрессе византинистов в Вашингтоне. Д. Рассел, отмечая наличие упадка, изменения структуры византийского города VII в., но не его исчезновения, привел в перечне методических погрешностей избирательность и спорадичность раскопок, концентрацию их на ограниченной площади, давление ложного авторитета, когда гипотеза возводится в статус исторического факта [42, с. 140].

Одним из примеров "давления" выводов, которые сделаны на основании изучения письменных источников, является датировка слоев разрушения в Херсоне, причиной образования которых считался Корсунский поход Владимира. Наличие в слоях монет, которые в равной мере можно было отнести и к концу X, и к началу XI в. (Василия II и Константина VIII) и которые, следовательно, являлись не более как *terminus post quem*, склонило исследователей в пользу X в., так как "вынести дату пожарища за пределы X в. невозможно, ибо для начала следующего столетия мы не знаем ни одного сколько-нибудь крупного события, с которым такое пожарище можно было бы связать" [30, с. 14].

Примером "давления" концепции дезурбанизации Византии в переходный период являются выводы об истории Херсона в VII — первой половине IX в. Анализируя немногочисленные свидетельства письменных источников, прежде всего, писем папы Мартина (середина VII в.) и отмечая отсутствие археологических материалов для этого времени, А.Л.Якобсон считал, что в VII в. наступает период глубокого кризиса и деградации Херсона, который в VIII в. полностью обезлюдел [31, с. 27; 27, с. 64].

Одному из авторов настоящей статьи уже приходилось отмечать, что слова папы Мартина, больного престарелого человека, не знающего греческого языка, сосланного в далений причерноморский город, нельзя воспринимать только как негативную характеристику жизни в Херсоне [20, с. 42–55]. В его жалобах на отсутствие продовольствия, дороговизну хлеба в значительной мере присутствует субъективный момент, нельзя не учитывать при этом и того, что первое письмо было написано в летние месяцы, когда до сбора нового урожая жители города могли испытывать трудности в снабжении продовольствием. Но вместе с тем ссыльный папа писал и о торговле горожан солью, о кораблях, прибывших в начале сентября из пределов Романии за грузом соли [39, с. 203 А].

Полностью противоречит тезису об обезлюдении Херсона в VIII — первой половине IX в., во-первых, рассказ византийских хронистов Никифора и Феофана об участии херсонитов в династической борьбе, приведшей к падению императора Юстиниана II и воцарению Вардана-Филиппика [28, с. 62, 163], во-вторых, описание Константином Багрянородным путешествия Петроны Каматира в Хазарию: будущий стратиг города, отправляясь с дипломатической миссией в Земли Хазарии, пересел в Херсоне на местные транспортные суда [31, с. 182]. Нельзя не отметить наличие печатей херсонесских коммерциариев и архонтов, относящихся к VIII—IX вв. [24, с. 169—170].

Таким образом, рассматривая даже эти очень немногочисленные сообщения письменных источников, вряд ли можно согласиться с тезисом об обезлюдении Херсона, города, который, скорее всего, являлся достаточно крупным административным и политическим центром в Юго-Западной Таврике на протяжении всего средневековья. В данном плане примечательны два факта, сообщаемые источниками. Никифор и Феофан, описывая ход борьбы Юстиниана II с херсонеситами, говорит, что на помощь городу пришли протастевоны соседних крепостей, защищал интересы Херсона и отряд хазарских воинов [28, с. 64, 165]. Далее, несмотря на физическое уничтожение городской верхушки (протевонов и лучших людей) во время одной из карательных экспедиций Юстиниана II, этот слой горожан сохранил свои позиции и позднее, проводя в начале IX в. независимую политику [37, с. 184], о чем свидетельствует рассказ Петроны Каматирой императору Феофиле. Следовательно, городская верхушка была достаточно многочисленной и экономически сильной.

Но признать непрерывное существование Херсона в период "темных веков" еще не означает выявить его значимость как городского поселения. Говоря о судьбах городов VII—IX вв., наиболее важно проследить характер изменений, специфику проявления функций, присущих городу для данного периода. Существенным является и вопрос о репрезентативности археологических источников, поскольку именно они дают тот материал, на основании которого возможно рассмотрение внутренней истории города.

Решение этих вопросов обуславливает необходимость, с одной стороны, анализа отчетов о раскопках в Херсонесе с точки зрения интерпретации их данных, с другой — введении в научный оборот новых археологических находок. Эти две проблемы обуславливают структуру настоящей статьи, в которой наряду с источниковым анализом присутствует публикация полученного в последнее время материала.

Причины малочисленности археологических материалов для Херсона не отличаются от таковых для других византийских городов, хотя и Херсонесское городище раскапывается более систематически и планомерно, чем территория других провинциальных византийских центров.

Публикуя отчеты о раскопках северного района городища, издатели неоднократно отмечали, что "... находки раннесредневековой керамики крайне слабо изучены. Это обстоятельство являлось тормозом для выявления раннефеодального слоя Херсонесского городища..." [9, с. 213]. Объясняя причину малочисленности находок VII—I вв., археологи писали, что "полная картина стратиграфии средневековых слоев редко наблюдается из-за разрушений" [9, с. 204], что раннесредневековые остатки малочисленны, так как "они подвергались разрушению при строительных работах последующего времени" [9, с. 90].

Следующий вопрос методического плана, который возникает при анализе отчетов, это, вопрос о том, как отражается реальная действительность в археологическом источнике. Рассматривая этот аспект, следует учитывать: 1) форма проявления и сущность вещей непосредственно не совпадают [18, с. 880] (именно этим обстоятельством объясняется необходимость источниковой критики, в том числе для археологических источников); 2) процесс выявления отраженной в археологическом источнике информации является более сложным, чем при работе с письменными источниками, так как осязаемость, реальность археологических объектов иногда приводит к преобладанию иллюстративного метода, к однозначному выводу: "обилие находок свидетельствует об обитании, об активной жизни на данном поселении", а отсутствие и малочисленность их рассматривается при этом как доказательство обратного. При подобной интерпретации не всегда учитываются те закономерности, по которым информация кодируется в источнике [1, с. 86].

Для античной археологии работами В.Д.Блаватского показана одна из существенных специфических черт отражения в археологических материалах реальной действительности. Исследователь писал, что в "городских поселениях с постройками из камня во время раскопок вычлняются в основном слои, образовавшиеся в результате строительства или разрушений, обычная, повседневная жизнь оставляла незначительные следы в стратиграфии городища" [12, с. 149]. Более того, наличие многочисленных разрушений (и, следовательно, находок из этих слоев) для кратковременного периода являются показателем не высокого уровня построек, сооруженных в период экономического неблагополучия [13, с. 60]. Следовательно, отсутствие находок не всегда является доказательством разрыва хронологического континуитета в существовании поселения.

Слои разрушения ранневизантийского периода на Херсонесском городище были выявлены во время раскопок до 60-х гг. Приведем примеры из некоторых опубликованных отчетов, которые явились источником для доказательства тезиса о глубоком упадке Херсона в VII в. и его обезлюдении в VIII в.

В 1935–1936 гг. раскапывалась базилика и территория квартала, где она расположена. Автор раскопок Г.Д.Белов отметил: "наиболее

вероятной датой ее (базилики) постройки можно считать VI в., время монументального строительства при Юстиниане I. Следующий период — это XI—XV вв., когда на территории базилики, разрушенной в конце X или на рубеже X—XI вв., возникает кладбище, часовня, в XII—XIII вв. появляются жилые комплексы” [8, с. 137—138]. Обратим внимание на две даты — время строительства и время разрушения: VI и рубеж X—XI вв.* Они свидетельствуют о том, что культовая постройка функционировала в период “темных веков”.

Отчет за 1931—1932 гг. также подтверждает существование другой базилики в это же время [7, с. 232].

Подобные примеры можно продолжить: северная базилика [23, с. 314], четырехапсидный храм [16, с. 155—167] и др. Но чтобы быть объективными, следует отметить, что некоторые базилики были разрушены в VIII в. [11, с. 125—126].

В отчете за 1947 г. сказано о наличии преемственности планировки в квартале XVIII, что, по мнению авторов, является свидетельством непрерывности жизни на данном участке [9, с. 216].

Фундаментальность таких построек, как храмы, достаточно высокое качество строительной техники обусловили длительное существование памятников, разрушенных в результате каких-то чрезвычайных исторических или природных коллизий**. В свою очередь, это объясняет отсутствие находок в период между возникновением культового комплекса и временем его гибели: обычная нормальная жизнь не отразилась в стратиграфии участков.

Материалы из слоев разрушения VII — первой половины IX в. (находки 1985—1988 гг.). Образование культурного слоя не могло не иметь отличий в различных районах городища. Это показывают раскопки последних лет, в процессе которых были выявлены слои разрушения, датируемые монетами Тиберия I (578—582), Фоки (602—610), Ираклия (610—641) и Тиберия II (698—705). Принципиальные отличия в наборе керамики (амфоры, столовая и кухонная посуда) в этих комплексах отсутствуют, но они позволяют составить корреляционную шкалу находок, что является одной из ближайших задач в изучении ранневизантийского Херсона. Ограниченные рамки настоящей статьи

*В данном случае нет необходимости останавливаться на дискуссии о времени строительства базилик Херсона. Для нашей темы не имеет принципиального значения, была ли данная базилика, как и другие, построена в VI или начале VII вв.

**В работах до 1950 г. эти слои разрушения связывали с походом русского князя Владимира (см. выше). Изучение херсонесских монет В.А.Анохиным и И.В.Соколовой показало, что некоторые типы монет, которые ранее относили ко времени правления Романа I, были атрибутированы не верно. Речь идет о монетах с монограммой ρ , которые, по мнению В.А.Анохина, начали выпускать не ранее середины IX в. [2, с. 124], И.В.Соколова относит их выпуск к началу XII в. [24, с. 59]. В слоях разрушения, относимых к концу X в., эти монеты встречались, как и в засыпи, прекрывавшей их.

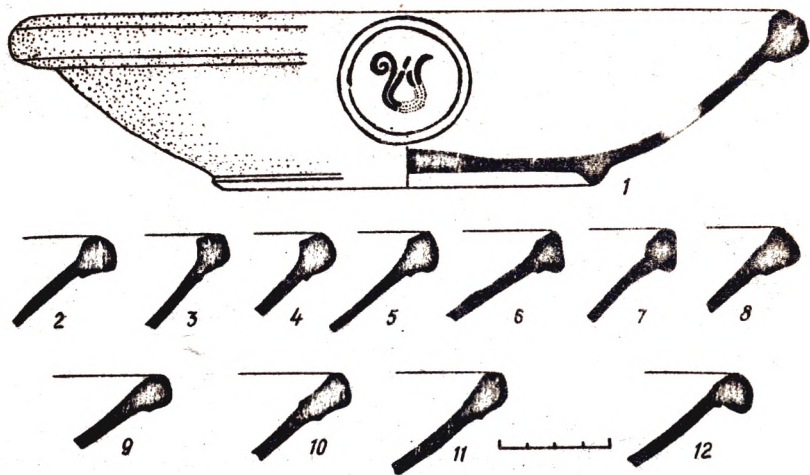

Рис. 1. Краснолаковые сосуды из раскопок Херсонеса

не позволяют дать развернутой характеристики всех новых материалов, в качестве примера приведем находки из слоя разрушения в портовом квартале II (раскопки 1985–1988 гг.).

В позднеантичный период на юго-восточном участке квартала располагалось здание значительных размеров. В его состав входило несколько хозяйственных помещений с пифосами (открыто 9 пифосов) и полуподвальная кладовая. Определить время строительства усадьбы не представляется возможным, подстилающие комплекс слои в настоящее время подтоплены грунтовыми водами. Можно только предполагать, что оно было построено не ранее IV в. Основанием для такой датировки служит кровельная черепица, которая не встречалась в слоях I–IV вв.*

Более определенно можно говорить о времени разрушения здания. В кладовой сохранились остатки кровли, лежавшей на слое угля, перекрывавшего пол помещения. На полу найдены небольшого размера амфоры (объем 2; 5–4,0 л), несколько монет IV–VI вв., наиболее поздняя принадлежала Тиберию II (698–705).

После пожара участок был сnivelирован, пифосы засыпаны. В их заполнение попали те амфоры и посуда, которые во время пожара находились в хозяйственных помещениях. Всего в слое разрушения собрано около 50 амфор, относимых к типам, достаточно хорошо известным в Средиземноморско-Причерноморской зоне [4, с. 81–101], кроме того, были встречены кухонные горшки с кручеными ручками и значительное количество краснолаковых сосудов.

*В работе В.В.Борисовой, посвященной античным строительным материалам (до IV в.), такая черепица отсутствует [13а, с. 151].

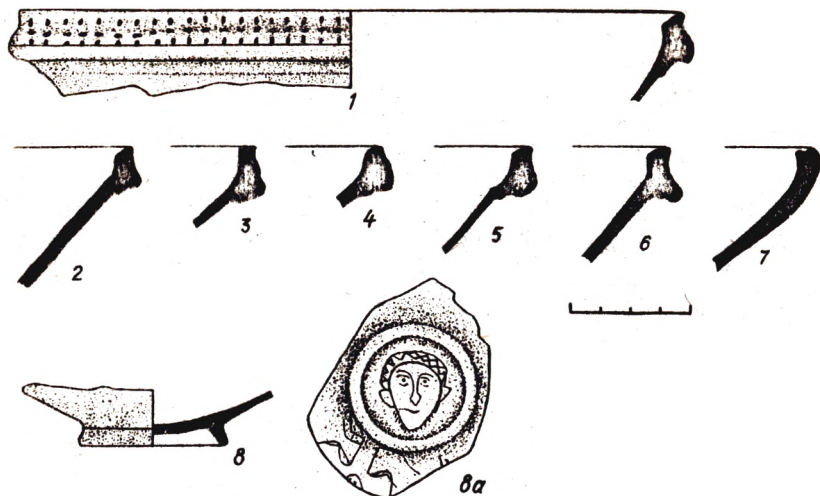

Рис. 2. Краснолаковые сосуды из раскопок Херсонеса

Остановимся более подробно на описании краснолаковой керамики, которая еще не получила достаточного освещения [10, с. 31–38].

Наибольшее количество находок составляли миски на низком кольцевом поддоне с округлыми стенками, валикообразным, массивным краем. По характеру оформления венчика выделяется два варианта: а) миски с округлым бортиком (рис. 1, 1, 2)*; 2) миски, у которых бортик представляет собой четко выраженную наклонную плоскость (рис. 1, 3, 6) [34, с. 334, рис. 71, 11–13].

Второе место по количеству находок принадлежало сосудам близкой формы с утолщением, слабо прослеживаемым с внутренней стороны, более четким — с наружной (рис. 1, 9–12) [34, с. 332, рис. 32]. Черепок кирпично-красного цвета, плотный, из хорошо отмученной глины, с немногочисленными точечными включениями известняковых частиц. На отдельных экземплярах прослеживаются желтые блестки. Сосуды покрыты слоем матового (под цвет черепка) или оранжево-красного оттенка легко скалывающегося лака.

Несколько уступали по числу находок фрагменты патер с вертикальным бортиком, на некоторых экземплярах внешняя сторона бортика украшена насечкой (рис. 2, 1–6). По характеру оформления бортика выделяются несколько вариантов, близких к включенным Хейсом в форму 3 (варианты В, 5–7; Е, 14; Н, 28–29; Г, 17–23) [34, с. 209, рис. 60].

*Наиболее близки им сосуды, отнесенные Хейсом к форме 10 [34 а, с. 144, рис. 71, а, б]. Они датируются концом VI — началом VII в. Аналогичные сосуды были встречены на корабле, затонувшем не ранее середины VII в. у Васси-Ада [32 а, с. 549–550, рис. 9].

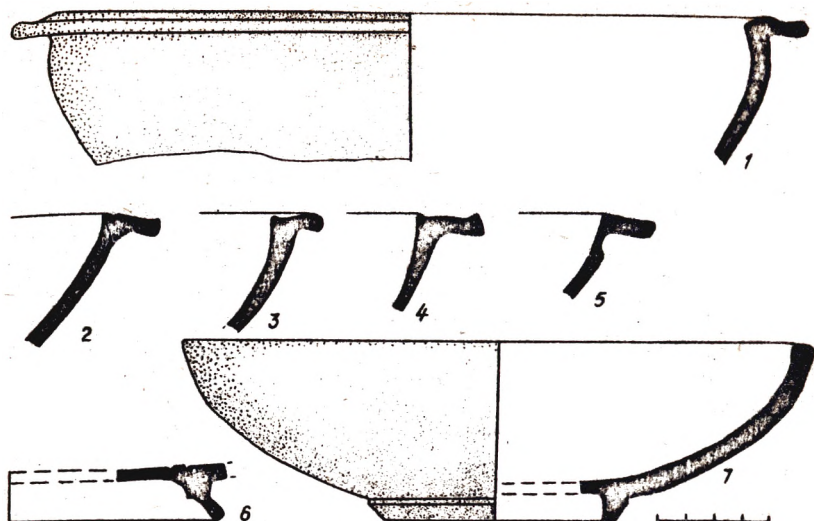

Рис. 3. Ранневизантийские столовые сосуды

Черепок плотный, кирпично-красный с различным количеством точечных включений известняка: от единичных до многочисленных (на некоторых экземплярах), делающих излом черепка пестрым. Покрытие темно-красного цвета, матовое. Исключение составляли два обломка, черепок которых имел коричневый цвет, лак близкого оттенка (рис. 2, 5, 6).

Вторую группу составляли сосуды с залощенной светло-коричневого цвета (на некоторых бежевого) поверхностью. Черепок плотный, имеет точечные лакуны, в изломе его слабо прослеживаются единичные очень мелкие включения известняки. На основании формы выделяются два варианта таких сосудов.

1. Миски на высоком кольцевом поддоне с горизонтально-наклонным бортиком, украшенным concentрическими врезными окружностями (на некоторых — и по зеркалу дна) (рис. 3, 1–6).

2. Глубокие миски без четковыраженного венчика (рис. 3, 7).

Интерес представляет фрагмент дна небольшого сосуда с аналогичным покрытием, но отличающийся структурой черепка: он близок к черепку патер с вертикальным бортиком. На внешней стороне дна после обжига было процарапано изображение мужского лица в фас (рис. 2, 8).

Столовые сосуды из рассматриваемого комплекса, согласно классификации Дж.Хейса, были изготовлены до середины VII в. в североафриканских, малоазийских мастерских. Этому не противоречит датировка слоя разрушения. От времени изготовления, от периода формирования инвентаря усадьбы до выхода его из употребления (в

данном случае в результате пожара) вполне мог произойти некоторый срок.

Следующий период на участке представлен зданием, часть стен которого сложена в технике *opus mixtum*. От него сохранилось два помещения, двор с колодцем и сооруженный в этот же период водосток. Следует отметить, что между гибелью усадьбы с пифосами и новым строительством прошел не очень большой отрезок времени: фрагменты амфор, аналогичные встреченным в пифосах, были найдены в растворе, с помощью которого возводились стены, а водосток проложен непосредственно над одним из пифосов. Таким образом, здание со стенами в технике *opus mixtum* было построено в начале — первой половине VIII в. и функционировало до конца X — начала XI в. Время его гибели достаточно четко определяют находки из слоя разрушения: остатки кровли в одном из помещений, скопление желобчатых амфор и плоскодонных кувшинов с ленточными ручками [32, с. 5–72], монеты Василия II (976–1025), найденные на полу и в засыпи, перекрывающей слой разрушения. Эти находки датируют заключительный период существования усадьбы.

Таким образом, археологическая ситуация, выявленная на юго-восточном участке портового квартала II, с одной стороны, свидетельствует о разрушениях конца VII — начала VIII в., о сравнительно быстром восстановлении разрушенного, непрерывной жизнедеятельности в квартале. С другой стороны, стратиграфия участка поясняет отсутствие материалов VIII в.: из функционирующего здания пришедшие в негодность изделия удалялись и судить об его инвентаре мы можем только по находкам из слоя разрушения, которые характеризуют его последний период жизни, дают как бы моментальный срез.

Хронологическую лауну в материалах, происходящих из двух слоев разрушения конца VII — начала VIII и конца X — начала XI в., заполняют находки из раскопок бассейна, который расположен к юго-востоку от портового района на расстоянии около 600 м.

Бассейн и здание рядом с ним были открыты в 1885 г. во время работ Военного ведомства. В 1898 г. здесь произвел раскопки К.К.Косцюшко-Валюжинич, предполагавший, что здание с бассейном являются термами. В 50–60-е гг. участок изучался экспедицией Государственного исторического музея. Руководитель ее Н.В.Пятьшева связывала постройку с деятельностью Петроны Каматире, считая, что "начало строительства в первой половине IX в. находит подтверждение в датировке аналогичных зданий с пропущенными в стенках трубами и кирпичными поясами" [19, с. 150].

Датировка бассейна и терм на основании характера кладки стен является сомнительной. Следует отметить, что возникновение *opus mixtum* восходит к позднеантичной эпохе и использовалась такая кладка в Византии, по крайней мере, до XII в. [38, с. 11]. Необходимость полного изучения памятника вызвала новое обращение к его раскоп-

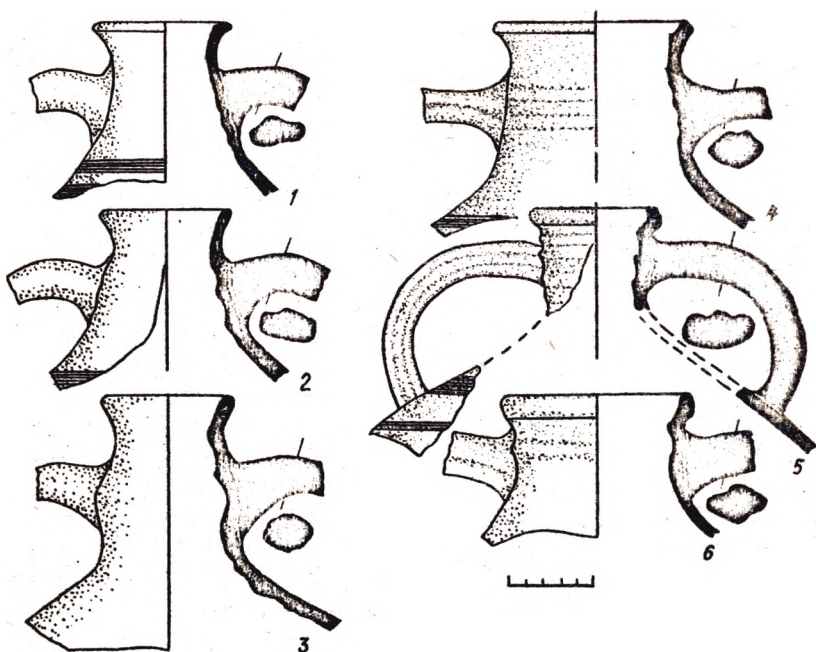

Рис. 4. Амфоры конца VIII – начала IX в.

кам. С 1987 г. здесь начала работать экспедиция Херсонесского запovedника, что позволило выявить структуру заполнения бассейна.

Нижняя часть засыпи состояла из мощных спрессованных напластований грунта, различавшихся лишь количественным соотношением входящих в них мусорных отложений: мелкий и средний бутовый камень, строительный раствор, кости животных, раковины моллюсков, угли, зола и фрагменты хронологически однородной керамики. Верхний слой засыпи бассейна, образовавшийся в результате проседания грунта, характеризует жизнедеятельность на данном участке в XII–XIV вв. Этот слой удален во время раскопок Н.В.Пятьшевой. Возможно, именно поздние находки и ошибочное отнесение техники *opus mixtum* к IX в. вызвали некорректность датировки всего комплекса, хотя отдельные виды керамики VIII–IX вв. встречались и во время раскопок 60-х гг. [19, с. 151].

Изучение заполнения бассейна на полную глубину показало, что подавляющее количество находок — это амфоры причерноморского типа с мелким зональным рифлением (рис. 4) и амфоры, украшенные зонами мелкого рифления, между которыми расположен гребенчатый арокный или волнообразный орнамент (рис. 5, 7–8). Подобные амфоры хорошо известны не только по раскопкам в Херсонесе, где были найдены печи по их производству, датируемые VIII–IX вв. [32,

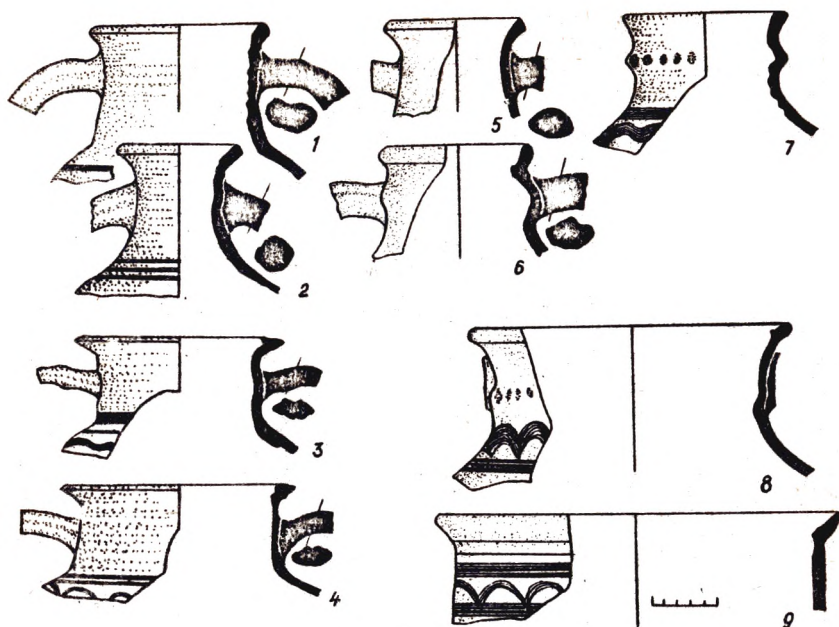

Рис. 5. Образцы керамики из заполнения бассейна-водохранилища

с. 30], но и по раскопкам во многих иных пунктах Крымского полуострова [5, с. 112; 32, с. 31].

Единовременными указанным амфорам можно считать большие тарные сосуды типа кастрюль, орнаментированные врезным линейным и арочным орнаментом (рис. 5, 9; 6, 2-6).

Наибольший интерес среди керамики вызывает посуда с росписью белым ангобом. Эта группа выделяется нами только по орнаментальному признаку, поскольку формы ее чрезвычайно разнообразны. Это амфоры (рис. 5, 1-6), большие "кастрюли" горшочки (рис. 6, б), кувшины и ойнохои (рис. 7, 9-11). Керамика с росписью ангобом достаточно часто встречается во время раскопок поселений и могильников VII-IX вв. в Юго-Западном Крыму [21, с. 221], но находки ее в Херсонесе до сих пор были малочисленны. В засыпи водохранилища она встречена в большом количестве. Структура черепка и, прежде всего, находки керамического брака свидетельствуют о местном производстве подобных сосудов. Несомненно, изделиями херсонских мастеров являются горшочки, украшенные волнообразной врезной линией (рис. 7, 1, 3-5), тарелка с врезным изображением (рис. 7, б). Кухонная посуда представлена горшочками, имевшими характерную деталь — вдавление пальцем в месте крепления ручки к венчику. Из индивидуальных находок наибольший интерес

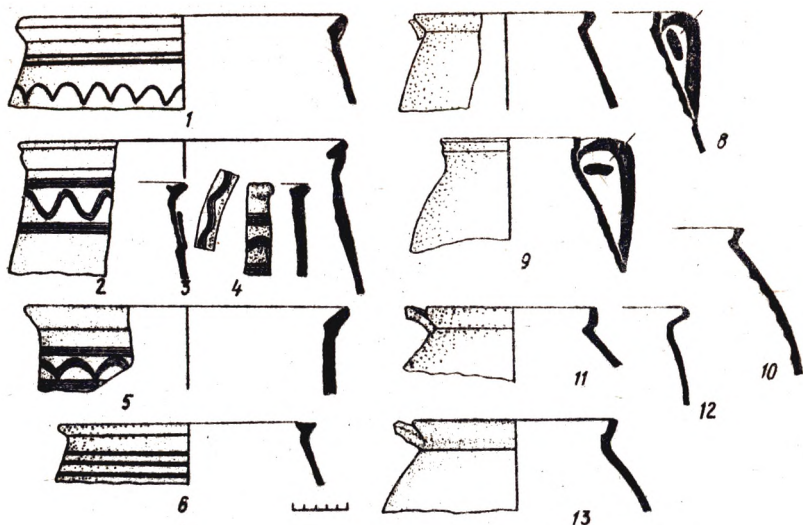

Рис. 6. Образцы кухонных сосудов конца VIII – начала IX в.

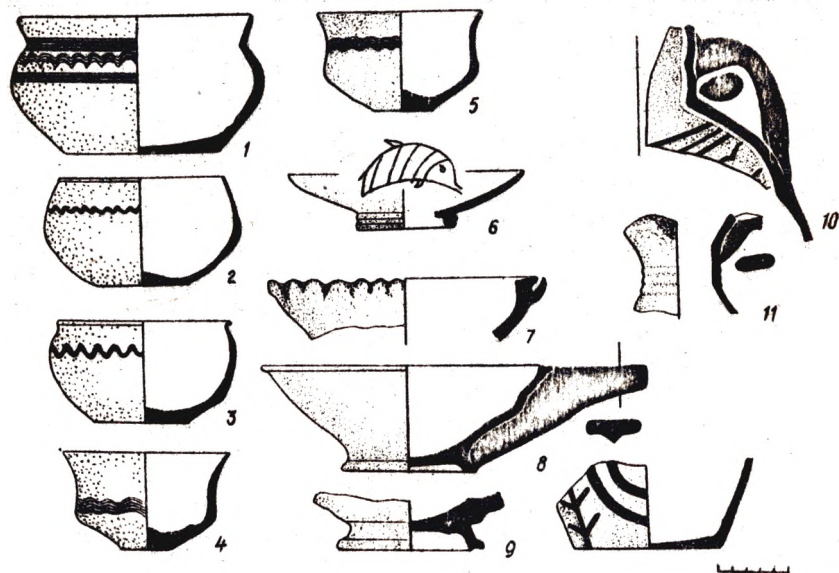

Рис. 7. Образцы керамики из заполнения бассейна-водохранилища.

представляет фрагмент резной керамической курильницы (рис. 8) и вотивные сосуды с надписями, выполненными в процессе их изготовления.

Нумизматический материал немногочисленен и не отличается хорошей сохранностью, наиболее поздняя монета — Юстиниана II (705—711).

Анализ находок и структура засыпи свидетельствуют, что она образовалась в сравнительно небольшой хронологический период. В бассейне найдено три небольших фрагмента глазурованной керамики, получившей распространение в Херсонесе, начиная с IX в., в то же время отсутствуют находки кувшинов с ленточными ручками, датированных IX—X вв. Соотношение керамики и монет позволяют отнести образование засыпи к началу IX в., но керамическая коллекция датируется несколько более ранним периодом. Итак, бассейн, скорее всего, перестали использовать в начале IX в. Для истории градостроительства и собственно истории Херсона в данном случае важным является решение двух вопросов. Каковы были причины, обусловившие прекращение использования бассейна? Когда возник данный комплекс? По состоянию раскопок на сегодняшний день ответить на последний трудно. Для этого необходимо полное изучение участка. Но с определенностью можно говорить, что его строительство не было связано с деятельностью Петроны Каматира; причиной прекращения функционирования бассейна могло явиться поднятие уровня моря, которое по данным геоморфологических исследований приходится на IX в. [6, с. 55]. Это привело к проникновению засоленных грунтовых вод в водный резервуар. Кроме того, развернувшееся строительство и обновление линии фортификации Херсона в первой половине IX в. [3, с. 102—118] не могли не вызвать необходимости нивелировки участка, расположенного в непосредственной близости от оборонительных стен.

Оставляя в стороне ответ на пока еще недостаточно изученный вопрос о времени функционирования рассматриваемого комплекса, отметим, что полученный в ходе раскопок материал чрезвычайно важен. Он, с одной стороны, заполняет лакуну в хронологической шкале находок ранневизантийского Херсона, с другой — свидетельствует о выпуске стандартной продукции местными гончарами и, как показывают раскопки в Юго-Западном Крыму, не только для узкого городского рынка.

Итак, какие же выводы методического плана позволяет сделать анализ стратиграфии Херсонеса?

1. Отсутствие находок не всегда является показателем запустения поселения. Раскопки значительных по площади городских территорий могут привести к обнаружению недостающих хронологических звеньев, а изучение стратиграфии — объяснить причину их отсутствия.

2. Наиболее четко в ходе раскопок византийских городов, как и античных, выявляются следы разрушений и строительства, которые не отражают всей истории поселения.

3. Формирование культурных напластований отличается на различных участках городища, что вполне согласуется со спецификой жизнедеятельности, отражающейся в периодизации строительства.

4. Археологические материалы Херсона не противоречат показаниям письменных источников, которые свидетельствуют о непрерывном развитии данного поселения.

Но констатация наличия территориального континуитета не означает, что в городе переходного периода не происходили кардинальные изменения, которые на определенной стадии могли породить некоторый его упадок. Для византийского провинциального города VII–IX вв. чрезвычайно важно объяснение характера этого упадка: проявлением ли это дезурбанизационных процессов или то, что мы называем кризисом VII в., являлось в плане городской истории рождением новых черт, обусловленных изменением значимости городских центров в экономической и социальной сферах.

Стремясь показать, что жизнь на Херсонесском городище была непрерывной в течение VII – первой половины IX в., мы привели те источники, которые свидетельствуют в пользу этого тезиса, поэтому отметили внешнеполитическую активность горожан, наличие связей Херсона с землями Романии* для середины VII в. Вместе с тем следует отметить, что археологические материалы свидетельствуют о превращении Херсона из города, куда "жадный купец свозит все богатства Азии" [35, с. 63, 8–16], в местный, региональный центр. Если до середины VII в. мы видим значительное разнообразие тарной керамики, распространенной в Средиземноморско-Черноморском бассейне, то для периода второй половины VIII–IX вв. ареал однотипных находок – это только памятники Таврики, кроме того, и количество видов амфор резко уменьшается. Нельзя умолчать и о том, что Херсонский монетный двор в этот период работал эпизодически, а количество находок монет незначительно [22, с. 7]. Последнее недвусмысленно говорит об изменении характера связей города и округи.

В свою очередь, это вызывает необходимость постановки вопросов о том, что собой представляло ближайшее окружение Херсона, каков был уровень развития населения ближайших примыкавших к городу районов. Раскопки поселений Юго-Западного Крыма показывают, что их жители наряду с амфорами, изделиями гончаров-профессионалов использовали лепную керамику, не предназначенную для широкого рынка.

Следует отметить также, что в Юго-Западном Крыму в период VII–IX вв. происходили значительные этнические передвижения, которые достигали и стен Херсона. В этом плане показательны данные агнографических источников, в которых говорится, что окрестности города опустошены [29, с. 9–10]. Примечательно и обращение херсо-

*В литературе, посвященной Херсону, это направление связей отождествлялось с южным побережьем Черного моря. В ходе изучения писем папы Мартина, предпринятого О.Р.Бородиным, убедительно показано, что имеются в виду западные районы Византийской империи – фракийские земли, противопоставленные Романии понту (южному побережью) [См.: 136].

нитов в период борьбы их с Юстинианом II за помощью к хазарам, господствовавшим в Таврике.

Комплексное изучение археологических источников позволит уточнить характер связей города и его округа, выявить, что представлял собой Херсон в переходный период*. Для этого необходима, прежде всего, классификация массового материала и создание шкал корреляции, работа по которым для византийской археологии только начинается. Систематическое изучение керамики, изделий из металла и других находок, которые вследствие своей невыразительности мало привлекали внимание исследователей, позволит приблизиться к ответу на вопрос о характере изменений в жизни византийских городов переходного периода, перейти от констатации факта территориального континуитета поселений к анализу их значимости и исторической специфики.

Вместе с тем те немногочисленные материалы, которые имеются в настоящее время, позволяют полагать, что ремесленная деятельность имела место в Херсоне и в VIII — начале IX вв. и что изделия херсонских гончаров находили сбыт за пределами стен города.

Но в то же время два описанных выше керамических комплекса показывают изменения в ориентации торговли. До середины VII в. Херсон являлся одним из центров Средиземноморско-Черноморской торговли, амфоры и посуда этого периода имели широкий ареал распространения. Для VIII в. картина совершенно меняется: однотипная керамика встречается в более узкой зоне — на поселениях Юго-Западного Крыма, где наряду с изделиями профессионалов-керамистов достаточно широко распространенной была лепная посуда. Ареал распространения находок позволяет судить о существенных изменениях в ранневизантийском Херсоне, который из города с межрегиональной торговлей превращается в центр, имевший связи только с ближайшей округой. Возможно, этим и обусловлены те изменения, которые вызывают проявление некоторых черт упадка, но которые свидетельствуют не об обезлюдении и наличии дезурбанистических процессов, а связаны с рождением нового средневекового города.

1. *Аникевич М.В.* О месте археологии в системе общественных наук // Категории исторических наук. — Л., 1988. — С. 73–98.
2. *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XII в.). — Киев : Наук. думка, 1977. — 174 с.
3. *Антонова И.А.* Оборонительные сооружения Херсонесского порта в средневековую эпоху // АДСВ. — 1971. — Вып. 7. — С. 102–118.
4. *Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И.* Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. — 1973. — Вып. 7. — С. 81–101.

*Показывая методические недостатки работ С.Фосса, В.Брандис отметил, что "город" понимается только через его экономические связи с округой или с другими городами [32б, S. 612]. О важности этого направления в изучении города, о существенных изменениях в аграрной сфере в переходный период свидетельствуют работы Г.Л.Курбатова [15, с. 100].

5. Баранов И.А. Ранняя средневековая гончарная печь в урочище Суат близ Ялты // АДСВ: Социальное развитие Византии. — Свердловск, 1979. — С. 112—115.
6. Благоволитин Н.С., Шеглов Л.Н. Колебания уровня моря в историческое время по данным археолого-геоморфологических исследований в Крыму // Известия АН СССР. Серия географическая. — 1968. — № 2. — С. 55.
7. Белов Г.Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—1933 гг. // МИА. — 1941. — № 4. — С. 202—267.
8. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. — Симферополь: Крымиздат, 1938. — 350 с.
9. Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л. Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947, 1948 гг.) // МИА. — 1953. — № 34. — С. 160—237.
10. Беляев С.А. Краснолаковая керамика Херсонеса IV—VI вв. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. — Л.: Наука, 1968. — С. 31—38.
11. Беляев С.А. Вновь найденная ранневизантийская мозаика из Херсонеса: по материалам раскопок 1973—1977 гг. // ВВ. — 1979. — Т. 40. — С. 114—126.
12. Блаватский В.Д. Античная полевая археология // МИА. — 1967. — № 146. — 208 с.
13. Блаватский В.Д. Об имущественном положении боспорцев в IV—II вв. до н.э. // Античная археология и история. — М.: Наука, 1985. — С. 59—66.
- 13а. Борисова В.В. Керамическое производство и античные керамические строительные материалы // САИ. — 1966. — Вып. Г1—20. — 151 с.
- 13б. Бородин О.Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма. Рукопись.
14. Колпаков Е.М. Проблемы специфичности понятия "археологические источники" // Категории исторических наук. — Л.: Наука, 1988. — С. 99—114.
15. Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Становление и развитие раннеклассовых обществ. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. — С. 336.
16. Кутайсов В.А. Четырехапсидный храм Херсонеса // СА. — 1982. — № 1. — С. 155—167.
17. Липищ Е.Э. Очерки истории византийского общества и культуры (VIII — первая половина IX века). — М.; Л., 1961. — 483 с.
18. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Изд-е 2-е. — Т. 25. — Ч. II. — 886 с.
19. Пятыхшева Н.В. Раскопки Государственного исторического музея в Херсонесе // Экспедиции государственного исторического музея. Доклады на сессии Ученого совета ГИМ. — М., 1969.
20. Романчук А.И. К вопросу о положении Херсона в "темные века" // АДСВ. — 1972. — Вып. 8. — С. 42—55.
21. Романчук А.И., Рудаков В.Е. Керамический комплекс IX—X вв. Баклинского городища // СА. — 1975. — № 2. — С. 217—232.
22. Романчук А.И. Торговля Херсонеса в VII—XII вв. // Byzantino-bulgaria 1981. — Т. 7. — С. 319—331.
23. Рыжов С.Г. Доследования "Северной базилики" в Херсонесе // АО за 1981 г. — М., 1983. — С. 314—315.
24. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. — Л.: Искусство, 1983. — 177 с.
25. Сюзюмов М.Я. О роли закономерностей, фактов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в византийском городе // АДСВ. — 1965. — Вып. 3.
26. Сюзюмов М.Я. Византийский город (середина VII — середина IX вв.) // ВВ. — 1967. — Т. 27. — С. 38—70.
27. Талис Д.Л. Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья // ВВ. — 1961. — Т. 18. — С. 54—73.

28. *Чуцуров И.С.* Византийские исторические сочинения: "Хронография" Феофана, "Бревиарий" Никифора, — М., 1980. — 214 с.
29. *Ягич И.В.* Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа, первоучителя славян св. Кирилла // Приложение к 72 т. записок Императорской Академии наук. — СПб., 1893. — № 6. — С. 9—10.
30. *Якобсон А.Л.* Средневековый Херсон (XII—XIV вв.) // МИА. — 1950. — № 17. — С. 256.
31. *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. — Л.: Наука, 1964. — 233 с.
32. *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. — Л., 1979. — 164 с.
- 32a. *Bass G.* Unter Weiter excavations at Yasi — Ada: a byzantine shipwreen // AA. — 1962. — Heft. 3.
- 32b. *Brandes W.* Ephesos in byzantinischer Zeit // Klio. — 1984. — Bd. 64.
33. *Bouras Ch.* City and village: Urban Design and Architecture // JÖB. — 1981. — 31/2.
34. *Hayes J.* A seventh-century pottery group // DOP. — 1968. — N 22.
- 34a. *Hayes J.* Late Roman Pottery. — London, 1972.
35. *Jordanis.* De origine actibusque Getarum, 37 // MGH. — AAt. 5. — Berlin, 1982.
36. *Kislinger E.* Gewerbe im späten Byzanz // Handwerk und Sachkultur im Spetmittelalter. Internat. Kongress Krems an der Donau. — 7. bis 10. — Oktober 1986. — Wien, 1988.
37. *Const Porchyr.* De adm. imp. C. 42, 30—35. — G Moravsk P.J.H.Jenkins. — Budapest, 1949. — P. 307.
38. *Mango C.* Die byzantinische Architektur. — München, 1975. — 225 с.
39. *Migne PL.* — 1863. — T. 87.
40. *Patlagean E.* Panvrete économique et pauvreté sociale a Byzance: 3—8 s. — P. 1977.
41. *Rosser J.H.* A Research Strategy fo. Byzantine Archaeology // Byzantine Studies. — 1979. — Vol. VI. — S. 153—166.
42. *Russell J.* Transformations in Early Byzantine Urban Lifs: the Contribution and Limitations of Archaeological Evidence // The 17 th Internat. Byzan. Congress. — Major Papers. — N.Y., 1986.

В.Н.ДАНИЛЕНКО

ИЗ ИСТОРИИ ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА СРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНА

Статья посвящена изучению одного из типов художественной поливной керамики, происходящей в основном из раскопок средневекового Херсона. На основании морфологического, стилистического и семантического анализа находок автор приходит к выводу, что группа поливных блюд с сюжетными изображениями обладает многочисленными общими признаками. Эта продукция является изделиями одного мастера, который, как можно предполагать, работал в XIII в. в одной из Херсонских мастерских.

Довольно давно исследователи обратили внимание и выделили как имеющую самостоятельное значение многочисленную и разнообразную группу византийской красноглиняной керамики с рисунком, вы-

© В.Н.Даниленко, 1991

полненным тонкой врезной линией и покрытой бледно-желтой поливой, имеющей оливковый оттенок на местах, где отсутствует ангоб (она положена прямо на глину) [42, p. 32, 33, fig. 5, 14; 41, p. 117–139]. А.Мегоу назвал эту группу Зевксиповой керамикой по месту находки у бань Зевксиппа в Константинополе [40, p. 67–98, pL. 14–21]. Обычно эту керамику характеризуют следующим образом. Форма сосудов — чаши, миски, тарелки, блюда. Черепок тусклый от желто-красного до кирпичного цвета, нередко переходящего в черный к поверхностям от повышенной температуры обжига. Тесто хорошо промешано и отмучено. Стенки очень тонкие, в других группах, при соответствующих размерах сосудов, такие встречаются очень редко. Ангоб белый или слегка кремовый полностью покрывает внутреннюю поверхность, также часто и внешнюю до самого поддона. Иногда здесь полоса ангоба только около края, иногда — ”вертикальные линии, языки или петли”. Определяющей чертой этой керамики является полива — яркая, блестящая, слабо окрашенная в желтый цвет. Там, где ангоб выбран, цвет покрытия переходит в коричневый или оливково-зеленый. Орнамент выполнен тонкой или широкой врезной линией в виде кругов вдоль края, вокруг основания, примыкающих к кругам висящих треугольников, овалов, ”дугобразных и грибообразных деревьев”, трилистников, S-образных фигур, восьмерок, завитков. Иногда врезной рисунок подчеркнут мазками поливы, окрашенной окислами железа. Подчеркивается, что сосуды этой группы относятся к числу наиболее совершенных с точки зрения технологии и в наибольшей степени претендующих на художественность и высокое качество декора [40, p. 68].

”Зевксипова керамика” распространена весьма широко на территории Византии и, кроме Константинополя, встречается в Пергаме, Коринфе, на Кипре и во многих других пунктах. Одним из районов, где такая керамика встречается в больших количествах, является Северное Причерноморье, а здесь крупнейший в эпоху средневековья ремесленный, торговый и культурный центр — Херсонес. Некоторые сосуды из Херсонеса были найдены и опубликованы еще в дореволюционное время [28, с. 6, 7; 30, с. 28, 29, рис. 18].

Среди большого количества образцов посуды с оливковой поливой выделяется группа блюд с фигурными изображениями. На сегодняшний день насчитывается три десятка таких блюд, найденных в Херсонесе. Репертуар форм сосудов не богат: у одних блюд отогнутый наружу горизонтальный венчик, у других загнутый внутрь край, близкий к вертикальному (рис. 1): Первая форма решительно преобладает над второй (9 против 4). Поразительно близки размеры и пропорции сосудов. Диаметр блюд (D) колеблется от 30,8 до 36,8 см, высота (H) — от 5,0 до 6,6 см, диаметр кольцевого поддона (d) — от 8,2 до 11,0 см. Известно, что чем меньше коэффициент вариаций, тем однороднее совокупность. Причем, если все имеющиеся величины ранжировать, а затем

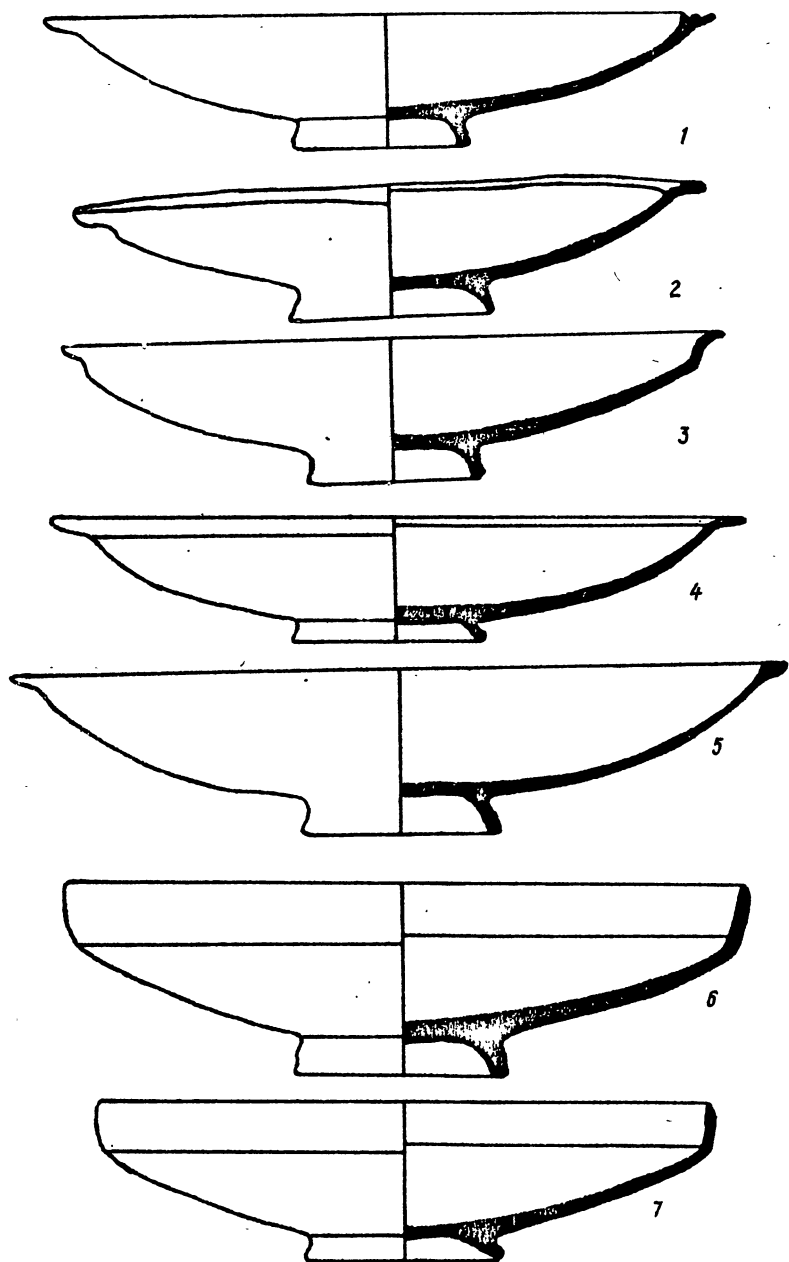

Рис. 1. Сравнительная таблица форм и пропорций поливных блюд

отбросить наименьший и наибольший показатели признаков (учитывая возможные случайности), то концентрация оставшихся признаков будет еще теснее группироваться вокруг средней арифметической величины. Так, в ряду диаметров блюд отклонение от средней арифметической составит от 1,55 до 2,25 см, в ряду диаметров поддонов — всего 0,7—0,9 см. Следовательно, в данном случае мы имеем дело с группой, внутри которой между входящими в нее экземплярами можно констатировать ближайшее внутргрупповое сходство.

Глиняное тесто, из которого сформованы все блюда, практически одинаково: темно-розовое, тщательно отмученное, почти без включений (изредка мелкие белые известковые точки). Обжиг производился при высокой температуре, благодаря чему иногда цвет черепка в изломе к внутренней и наружной поверхности темнее, переходящий почти в черный.

Ангоб — тонкий слой белой каолиновой глины — всегла и везде одинаков. Способ нанесения его на рассматриваемых блюдах несколько отличается от такового на других поливных сосудах. Ангобом покрывается не только внутренняя, но и вся наружная поверхность до кольцевого поддона, а иногда и он также. Внизу, у самого дна, ангоб затерт таким образом, что четкая граница между слоем ангоба и открытым черепком трудно улавливается. Обычный же способ — нанесение более или менее узкой полосы вдоль края сосуда, при этом слой ангоба имеет четкую границу.

Полива блюд прозрачная, слабо окрашенная в желтоватый, коричневатый или оливковый цвет, она имеет одну отличительную особенность — слегка, но все же достаточно явственно заметный серый оттенок, как бы флер, дымку, которая не искажает основные цвета, но придает покрытию особый тусклый блеск. Возможно, такого эффекта добивались сознательно, желая достигнуть и действительно достигая эффекта сходства с посудой из драгоценных металлов.

Орнаменты и изображения наносятся тонкой врезной линией. При этом на лучших экземплярах тонкая линия дополняется отдельными деталями, выполненными в выемчатой технике. Такое смелое сочетание разных техник делает изображение глубоким и сочным, придает ему выразительность. На других группах византийской поливной керамики сочетание тонкой врезной линии с выемчатой техникой почти никогда не встречается.

Все фигурные изображения на блюдах можно разделить на 12 групп. Некоторые группы сравнительно многочисленны, другие состоят из одного экземпляра. К числу наиболее распространенных сюжетов относится воин на коне, поражающий копьем дракона в виде извивающейся змеи. Одно из блюд с таким изображением было найдено во время раскопок 1964 г. в портовом районе Херсонеса [13, с. 74, рис. 2; 35, с. 153, рис. 2, б; 33, с. 121, рис. 77, 1; 29, рис. 34, 2]. Всадник в воинских доспехах, но без шлема (рис. 2, 1, 3). Прическа открывает лоб,

Рис. 2. Таблица сюжетов

волосы сзади спадают на шею. Лицо круглое, черты его, хотя изображены схематично, все же достаточно выразительны. Выражение лица спокойное, не соответствующее напряжению боя. Любопытно изображение глаз. Сам глаз в виде горизонтальной утолщенной черточке, выше (брови) и ниже — изогнутые жирные линии. Такой способ изобра-

жения придает лицу некоторую трагичность, он нередко встречается на иконах [5, № 225, 226], в мозаиках [39, ill. 52], фресках [21, т. 2, табл. 190]. Пропорции тела утонченные, вытянутые. Одет всадник в кафтан с длинными расшитыми рукавами и полами. По всей вероятности, это скарамангий — весьма распространенная одежда кавалеристов, заимствованная византийцами у иранских воинов, впоследствии ставшая придворным нарядом [26, с. 139]. Поверх скарамангия одет панцырь (или кираса). Трудно судить о том, какова была конструкция этого доспеха, но на фрагменте блюда с таким же всадником [37, с. 196, табл. XXVII, 107а; 14, илл. 207, с. 145; 17, т. 2, с. 131, рис. 666; 33, с. 121, 126, рис. 75, 1; 29, рис. 39, 4] ясно виден пластинчатый панцырь. Короткие, до локтя рукава панциря кольчужные, что хорошо передано сетчатой штриховкой. Ниже панциря широкий пояс с орнаментом в виде кружков и спиралей. На ногах сапоги, голенища которых срезаны косо, спереди поднимаясь до колена, сзади спускаясь ниже стиба. На сапогах шпоры в виде остроконечника с гладким колесиком. За спиной расшитый плащ, развевающийся от движения лошади вперед. За левым плечом как бы висящий в воздухе круглый щит. Подобным образом неоднократно изображался щит в византийском искусстве. Так, на миниатюре, изображающей экспедицию императора Теофила против арабов, у одного из конных воинов за спиной щит, ничем не соединенный со своим владельцем [8, рис. 19]. Левой рукой всадник натягивает поводья, правой, опущенной и несколько отведенной назад, он наносит удар дракону копьём с листовидным наконечником.

Под всадником могучий конь, великолепное животное, красивое и сильное. У него несколько преувеличена и утяжелена передняя часть — грудь и шея, стройный корпус и сухой зад. Конь величественно шагает, попирая извивающегося под ногами и поднявшего голову змея. Сбруя обычного византийского типа. Те же детали видны на чаше XII в. с изображением Георгия на коне [17, рис. 106; 38, рис. 216]. Кстати, есть сходство и в других деталях этих двух произведений: похожи поза всадников, их одежда, так же развевается за спиной плащ, так же висит за левым плечом щит.

Кто же изображен на описываемом и других блюдах из Херсонеса? Можно предположить, что это святой Георгий — драконоборец, покровитель армии и военного дела, могучий воитель, победивший страшного дракона. Легенды о жизни и особенно о подвиге Георгия были широко распространены по всей империи. Образ Георгия в виде воина был одним из любимых мотивов в росписях храмов, на алтарных преградах, посуде, предметах быта и т.д.

Миф о драконоборцах восходит своими корнями ко времени индоевропейской языковой общности [7, с. 318]. В Византии первоначально Георгий почитался как "рядовой мученик", проявивший непоколебимую стойкость во время истязаний, направленных на то, чтобы принудить его отречься от веры. В дальнейшем, когда Византия пере-

живает эпоху сплошных тяжелых (наступательных и оборонительных) войн, из образа мученика рождается победоносный воин. С X—XI вв. Георгий-воин изображается стоящим или сидящим с копьем, мечом, щитом, либо едущим на коне, либо в борьбе с драконом [20, с. 199, 200; 14, с. 147]. Последний из перечисленных сюжетов мог быть помещен на блюдо.

Чудовище в виде дракона или змея встречается еще в античных мифах (*Аполлодор*. Миф. библ., П. 5(2); *Гесиод*. Теогония, 295—318; *Еврипид*. Геракл, 420—423, 1273—1276). В эпоху средневековья змея сначала почитали как существо, покровительствующее людям, по мере распространения христианства он превратился в злую, враждебную силу и постепенно начал олицетворять язычество. Таким образом, Георгий выступает здесь как защитник христианства от язычников и ереси [12, с. 330].

Однако однозначно настаивать на отождествлении всадника с херсонесского блюда со св. Георгием или другим святым воином было бы рискованно. Дело в том, что святые обычно изображаются с нимбом вокруг головы. В нашем случае нимб отсутствует. Кроме того, вызывает сомнение, могло ли считаться этичным с точки зрения религиозного византийца помещение образа святого на посуде, куда кладется пища, где изображение будет испачкано. Правда, иногда говорят, что особенно красивые, декоративные поливные сосуды украшали стены жилищ или входили в состав праздничного набора [37, с. 167]. Никаких доказательств, кроме ссылки на то, что такое явление как будто имело место в Константинополе эпохи Палеологов, в пользу этого обычно не приводится. Судя по нашим раскопкам в портовой части Херсонеса, трудно что-либо сказать в пользу одного или другого мнения: блюда находят и вдоль стенок — в этом случае они могли храниться в шкафу или на полке, и в середине помещения. Если же блюда составляли часть праздничного набора, то из них должны были есть, но не ежедневно, а только по праздникам. Как бы то ни было, но при попытке определить, кто изображен на блюдах, следует учитывать все варианты. Вполне можно предположить, что в образе воина воплотились мечты широких слоев населения окраинных провинций об идеальном защитнике границ от набегов многочисленных противников, со всех сторон тревоживших империю.

Во время частых, ожесточенных войн Византии с арабами, болгарями, армянами, в IX—X вв. были сложены героические песни акритского цикла. Они пользовались неизменной популярностью и в последующее время, вплоть до падения империи и даже позже. В эпоху турецкого ига они бытовали в народе, передаваясь из уст в уста. Сохранившиеся версии поэм "Армурис" и "Дигенис Акрит" относятся к XIV—XV вв., другие песни записывались только в XIX в. [27, с. 84]. Вероятно, эти или подобные произведения были известны в Херсонесе и повлияли на распространение образа воина в живописи. Византий-

ское изобразительное искусство было тесно связано с литературой. Оно часто черпало сюжеты и образы из фольклора, библейских сказаний, из старой греческой и римской литературы, из популярных произведений на злобу дня [см., например: 1, с. 132—139, 251—252]. В свою очередь живопись оказывала определенное влияние на строй мыслей поэтов и писателей [31, с. 71]. При таком положении вещей вполне понятно, каким путем перешли на произведения прикладного искусства образы драконоборца и другие персонажи, изображенные на поливной керамике. Все это не что иное, как литературные реминисценции, нашедшие свое отражение в творчестве художников.

Следующие три сюжета связаны с изображением пешего воина: он спокойно стоит или идет со щитом и мечом в руках, сражается со змеем или львом, разрывает пасть льва. На одном из блюдов [37, с. 196, табл. XXVII, 107; 29, рис. 39, 5], воин, одетый в пластинчатый панцирь поверх длинной одежды, он держит в правой руке опирающуюся на плечо кривую саблю, на левой руке у него сидит сокол (?). Блюдо сильно обгорело, поэтому разобрать многие детали невозможно (рис. 12, 2), рисунок настолько испорчен, что А.Л.Якобсон усмотрел даже лошадь и сбрую на ней [37, с. 196]. В 1965 г. найдено также сильно пострадавшее от огня блюдо, на котором изображена фигура воина, очень похожая на предыдущую, но с саблей в поднятой правой руке, справа от него — змея, слева — какое-то животное, возможно, собака. Еще на двух сосудах представлена борьба воина со львом. На одном [6, с. 42—43, рис. 27; 5, № 217; 14, с. 153, илл. 221; 17, т. 2, с. 131, рис. 664; 38, № 231; 33, с. 121, 126, рис. 75, 3; 29, рис. 39, 2] воин держит в поднятой правой руке кривую саблю, левой рукой вонзил в горло поднявшегося на дыбы громадного льва короткий меч или кинжал (рис. 12, 3). На другом [37, с. 198; табл. XXVII, 105; 36, с. 94, рис. 82; 14, с. 153, илл. 75, 2] воин в одежде и доспехах почти таких, какие на конном змееборце, раздирает пасть льва, охватив его левой рукой за верхнюю, а правой — за нижнюю челюсть (рис. 2, 4).

Пеший воин может быть и Георгием Победоносцем, которого нередко изображали стоящим. Воин в схватке со львом, по мнению В.П.Даркевича, — это Дигенис Акрит [14, с. 153], это может быть и безымянный герой, защитник народа, борец со всякой скверной.

В следующих четырех сюжетах главную роль играет изображение грифона. Грифоны ведут свое происхождение с Востока, где они были связаны с подземным царством мертвых. Крылатые быки, крылатые львы, иногда с человеческими головами, порой с головами хищных птиц повсеместно встречаются в искусстве стран Передней Азии как сторожа, в том числе охранники гробниц. Впоследствии греки заимствовали эти фантастические образы, переосмыслили их по-своему, дали новые имена, придумали происхождение и виды деятельности (*Апполодор*. Миф. библ., 1, 1, 4; 1, 7, 20; 1, 9, 25). Естественно, что с этими мифологическими мотивами были знакомы и жители античных

городов Северного Причерноморья, тем более, что изображение грифона имело очень широкое распространение в скифском искусстве [4, табл. 3, 4, 30, 33, 101, 116, 118, 137, 161, 170, 248 и др.], а одним из мест обитания грифонов считались территории, лежавшие к северу от Скифии (*Герод.*, IV, 13) [9, с. 68]. Под влиянием этих обстоятельств образы грифонов закрепляются в мифологии и искусстве Боспора и Ольвии [24]. Изображения грифонов встречаются в Херсонесе довольно часто на протяжении всей античной эпохи: уже на монетах с 30-х гг. IV в. [15, с. 148, табл. XXXIV, 16; 2, с. 25, 26] помещаются их фигуры, в рельефах мы видим сидящего грифона, возможно, на торцовой стенке саркофага римского времени [3, № 501]. В средневековое время изображения грифонов в Херсонесе очень часто встречаются на белоглинной керамике [34, № 77–84]. (Здесь мы не касаемся вопроса о месте производства этой керамики). На блюдах рассматриваемой группы грифоны то величественно шагают, повернув голову назад [37, с. 195–196, табл. XXVI, 103; 36, с. 94, рис. 32; 33, с. 120, рис. 74, 5], то терзают лань [37, с. 196, табл. XXVII, 104; 33, с. 126, рис. 77, 2; 29, рис. 34, 1] (рис. 4), то сражаются со змеей [5, № 216; 40, р. 80, рL. 1а, в, 14, с. 192, илл. 299; 17, с. 130, № 661; 38, № 228; 35, с. 153, рис. 2а; 33, с. 126, рис. 76, 1], с птицей [40, р. 80, рL. 19а, в; 33, с. 126, рис. 76, 2]. Фигуры грифонов на всех изображениях удивительно похожи (рис. 12, 5–8). Это животные с могучим телом льва и головой орла. У него тяжелая грудь, удлинённый корпус, очень тонкий в талии, небольшие, хрупкие на вид крылья, которые, конечно же, неспособны поднять массивное тело. Тело покрыто небольшими кружочками или полукругами. Хвост оканчивается орнаментальным украшением в виде трилистника, бутона. Под головой, у основания шеи и поперек живота — полосы, украшенные спиральками, кружочками или волнистой линией. Все грифоны находятся в примерно одинаковых позах, движения лап во всех изображениях близки.

На фрагмент блюда из раскопок 1912 г. противостоят змея и птица (рис. 2, 9). Птица многим напоминает только что описанных грифонов. У нее столь же могучая выступающая вперед грудь, такие же орнаментированные полосы у головы и основания шеи, так же изображено небольшое крыло, дальнее от зрителя. Почти ничем не отличаются друг от друга и изображения змей, борющихся с птицей, с грифоном и с конным драконоборцем. Сюжет, в котором противостоят змея и птица, вообще относится к числу самых древних изображений, при этом птица (чаще всего орел) выражает положительное, а змея злое, отрицательное начало. В представлениях людей средневековой эпохи орел является олицетворением, кроме всего прочего, божественной любви и крещения, а змей — символом сатаны. Таким образом, здесь в завуалированной форме передается идея борьбы добра и зла, христианства и враждебных ему сил.

Еще два сюжета основаны на изображении львов. Лев в Визан-

тии — это символ силы, могущества, покровитель власти и величия. С другой стороны, он может олицетворять зло и смерть. Ранее мы встречались именно с такой ипостасью львов, когда храбрый воин поражает льва мечом или разрывает ему пасть руками. В следующих двух сюжетах львы выступают в качестве силы не враждебной человеку, а, напротив, покровительствующей ему в образе стражей, которые даже спали с открытыми глазами, а, возможно, здесь мы имеем дело с "символами евангелистов" (или, если угодно, написанных евангелистами "книг") [11, с. 13]. Роспись двух фрагментированных блюдец сделана как будто под кальку. Разнятся лишь одна деталь: по центральной оси изображен ствол растения с редкими листьями или кистями (дерево жизни): в одном случае это древесный ствол [13, с. 75; 29, рис. 35, 2], в другом — гибкая лоза [37, с. 196, табл. XXVII, 106; 29, рис. 35, 1]. Фигуры львов во всем напоминают фигуры лошадей, на которых сидят драконоборцы, за исключением, разумеется, того, что отличает лошадь от семейства кошачьих: длина ног (относительно корпуса), наличие копыт, форма хвоста, гривы и пр. (рис. 2, 10). Морда совсем не страшная, имеет, пожалуй, даже добродушное выражение, несмотря на подчеркнuto большие и острые зубы. Между зубами зажато что-то вроде цветка. Здесь использована геральдическая композиция, львы по сторонам древа жизни изображены почти симметрично. Голова полностью идентична голове льва, которому пеший воин разрывает пасть, только челюсти в последнем случае более вытянутые (видимо, для того, чтобы их легче было разорвать). Львы, как и другие животные в таких же позах, нередко встречаются в архитектурной орнаментике [32, № 15—19], на тканях [14, с. 190, илл. 289], в миниатюрах [16, рис. 3]. На блюдах из раскопок 1979 г. изображен лев со змеей—драконом (рис. 12, 11). Фигура льва такая же, как на блюде, где пеший воин всаживает ему меч в горло. Голова непропорционально крупная, выступающая вперед грудь, тело и лапы покрыты волнообразными линиями.

Наконец, последнее блюдо [6, с. 43—44, рис. 28; 5, № 218; 40, р. 80, рL. 17в; 17, с. 131, рис. 665; 38, № 230] украшено фигурой какого-то фантастического животного (рис. 12, 12). Г.Д.Белов определил его как бегущую лошадь, однако ряд деталей (форма головы, хвоста, отсутствие копыт) противоречат этой идентификации.

Итак, мы описали все 12 сюжетов, встречающихся на группе блюдец из Херсонеса. При этом были упомянуты целый ряд черт, сближающих все эти сосуды между собой. Практически одинаковы глина, ангоб и полива. Размеры и формы блюдец там, где их удастся установить, очень близки. Выше были приведены данные о размахе вариации абсолютных размеров блюдец. Наиболее важными характеристиками форм блюдец являются отношения наибольшего диаметра к высоте (Д:Н), которое определяет общие пропорции сосуда, и к диаметру поддона (Д:d), показывающее степень развала стенок. Статистический анализ

этих соотношений показывает теснейшую близость между экземплярами, входящими в группу. Так, например, одной из таких мер вариации, характеризующих колеблемость значений признака по всей совокупности фактора, является среднее линейное отклонение (d). По всей серии блюд этот показатель составляет для $D:H = 0,33$, $D:d = 0,48$. Для сравнения можно привести величину тех же показателей по группе краснолаковых тарелок из одного и того же могильника (Усть-Альминского) первых веков н.э.: 0,83 и 1,03.

Такую близость можно легко объяснить, если предположить, что все сосуды выполнены одним мастером. Дело в том, что в основе работы ремесленника лежит автоматизм. Во время выполнения определенной операции его рука совершенно бессознательно, вне зависимости от воли мастера занимает определенную позицию и по-иному она стоять не может, потому что именно такое положение, как наиболее рациональное, вырабатывалось многочисленными опытами и закреплялось стократным и тысячекратным повторением. Определенное волевое усилие как раз нужно было в том случае, если мастер под влиянием изменения моды, капризов заказчика (*Геопоники*, VI, 3) или собственного творческого порыва решил изменить форму сосуда, внести в нее новые элементы. Но если руки, инструменты занимают одинаковое положение, то и результат работы, в данном случае форма блюд, будут одинаковы или, по крайней мере, очень близки. Видимо, именно так и было в данном случае (рис. 1).

Можно указать и на другие признаки, объединяющие блюда в одну группу и в то же время отличающие ее от других групп.

Стенки всех сосудов необычайно тонки для их размеров. Во всей другой краснолаковой поливной керамике такие тонкие, а, следовательно, и хрупкие стенки встречаются только среди маленьких сосудов и лишь как исключение у сосудов значительных размеров.

Фигуры и орнамент, выполненные тонкой врезной линией, отличаются элегантностью, особым изяществом, утонченностью. Прежде всего, бросается в глаза уравновешенность композиции большинства рисунков. Отдельные фигуры и сценки умело вписаны в круг так, что он является для них совершенно естественным обрамлением. Сам рисунок сделан твердой уверенной линией, практически нет переделок, исправлений. Иногда, начав вести линию, художник обводит большую и сложную фигуру, и при этом начало и конец линии стыкуются с высочайшей степенью точности, почти идеально.

Это говорит о профессиональном мастерстве, особенно если вспомнить, что сама техника художественной росписи керамики не позволяла работать по подмалевку. Такая сложная работа со столь блестящими результатами, безусловно, говорит не только об устойчивых навыках, но и о больших способностях, даже таланте художника. Что, какие черты отличают подлинно талантливого художника от пусть добросовестного, даже не без способностей ремесленника? Ответить на этот

вопрос однозначно очень трудно, так как некоторые свойства талантливого произведения не передать словами, да и соответствующих терминов просто нет в языке, многое чувствуется, улавливается глазами или душой. Все же постараемся перечислить хотя бы некоторые внешние признаки, которыми обычно характеризуются талантливые произведения живописи. Это — новаторство, если не в выборе сюжета, то в приемах техники, уравновешенность композиции, лаконизм и в то же время выразительность общего вида и отдельных деталей, уверенность и точность линии или мазка. Все эти черты в большой мере присущи нашему мастеру. Он выбирает сюжеты действительно новаторские для такого рода материала, как керамика. Если драконоборец часто изображается на иконах, сцены звериного гона и терзания — на каменных рельефах, в резной кости и т.д., то в украшениях художественной керамики такие сюжеты сравнительно редки. Такое же новаторство характерно и в выборе технических приемов: так, художник смело сочетает тонкую гравировку с выборкой значительных площадей ангоба, рисует ноги людей и животных так, что зритель не понимает, какая из ног левая, какая правая, часто искажает пропорции фигур, чтобы сделать их более выразительными. Правда, последнее — исключение; деформация фигур, на первый взгляд, может показаться признаком неумелости художника. Но это не так. Византийские художники отказываются от прямого копирования предметов реальной действительности. "Специальные, художественно значимые деформации фигур выступали как активные элементы художественной лексики" [10, с. 154—155]. К ним можно отнести неестественно вытянутые пропорции фигур, широко открытые глаза и т.д. Служили такие деформации для усиления художественной выразительности, а, может быть, для утверждения определенных идей, таких, как прославление аскетизма, подвигов в защиту христианства. В исполнении нашего мастерства искажения изображаемых им фигур не лишает их реалистичности, а, напротив, придают им большую выразительность, создают у зрителя особое настроение.

Как отмечалось, композиция рисунка, его сочетание с формой блюда выше всяких похвал: фигуры и дополнительные геометрические и растительные орнаменты чрезвычайно органично вписываются в круг сосуда. Ничего лишнего, никаких деталей, отвлекающих взгляд зрителя от основной идеи, не сыскать в произведениях нашего мастера. Так, драконоборцы держат в руке копье, которым они и поражают змея. Обязательным вооружением конного рыцаря был длинный меч, висевший на перевязи на левом боку. В данном изображении меч отсутствует, поскольку в действии не принимает участия. Рисунок поражает твердостью, уверенностью линии. Все это дополняется изящной формой сосудов с необычайно тонкими стенками, высоким качеством ангоба и поливного покрытия, приятной для глаз цветовой гаммой, скромной, но изящной отделкой оборотной стороны.

Все перечисленные и многие другие детали, общее впечатление завершенности и большой глубины изображений заставляют признать безусловный талант мастера, создавшего такие прекрасные, утонченные произведения прикладного искусства. Различные авторы неоднократно сетуют на то, что поливные изделия несут отпечаток некоторой сухости и строгости [23, с. 22]. Наш мастер сумел счастливо избежать этого, умело применив желтые мазки, подчеркивающие контур. Своими нечеткими краями, разной насыщенностью они как раз и устраняют сухость и строгость, делают общий вид изделия мягким и декоративным.

Принадлежность всех блюд рассматриваемой группы руке одного, притом способного мастера подтверждается и некоторыми дополнительными соображениями. Так, когда один и тот же сюжет имеется в нашем распоряжении в нескольких экземплярах, мы видим, что мастер не повторяет сам себя, в каждое новое произведение он вносит новые черточки, которые, с его точки зрения, улучшали его, делали более динамичным выразительным. В изображениях конных драконоборцев рука воина с копьем то опущена вниз, то поднята вверх. Если бы изготавливал блюдо серый ремесленник, он мог бы только слепо копировать чужой образец, боясь внести в него хоть малейшую неточность. Рядовой художник при повторении самого себя, раз найдя наиболее выразительный, с его точки зрения, образ, повторял бы его до бесконечности, ничего не меняя. Перед нами же мастер, находящийся в постоянном поиске, стремящийся ко все более высокому совершенству.

Предположение, что росписи всех блюд выполнены одним мастером, косвенно подтверждается некоторой разницей в качестве росписи. При том, что все они имеют несомненно черты теснейшего сходства, в одних больше условности, имеются некоторые неточности и ошибки, в то время как другие являются совершенными небольшими шедеврами. Видимо, серия расписных сосудов зафиксировала длительный отрезок творческой жизни мастера. Именно ранние сосуды, хотя в них уже ясно проглядываются следы почти всех приемов, разработанных мастером, отличаются несколько более низким качеством изготовления, упрощенной композицией, более примитивными изобразительными приемами (разумеется, все это по сравнению с "превосходными примерами этой глазурованной керамики", как назвал их А.Мегоу [40, р. 78]). Можно думать, что пеших воинов художник рисовал раньше, когда его мастерство еще только вырабатывалось, не все приемы были им освоены, изображения всадников, напротив, являются образцами продукции вполне зрелого мастера. В рисунках пеших воинов не применяется выемчатая техника, что лишает их глубины и сочности. Композиция недостаточно выверена, иногда одиночная фигура воина располагается не по центру, сдвинута несколько в сторону, причем в ту сторону, куда обращен или движется воин, что является явной ошибкой. Недостаток живописности самого изображения восполняется услож-

ненным орнаментом по краю. Блюда со всадниками лишены этих, в общем-то небольших, недостатков. Трудно предположить, что ремесленник выпускал сегодня изделия более низкого, завтра — более высокого качества. Нужно думать, что между первыми и вторыми проходили годы, причем это были годы творческого поиска и напряженного труда.

Кстати, уже давно некоторые авторы высказывали уверенное мнение, касающееся не всей группы, а лишь нескольких экземпляров, что они выполнены "одним мастером" [6, с. 44], или, по крайней мере, "в одном месте" [40, р. 78].

Но если все описываемые блюда изготовлены одним мастером, что представляется несомненным, то возникает вопрос: где трудился этот мастер, в каком центре производилась эта керамика? Обычно считается, что блюда производились в Константинополе [14, с. 153] или более общо — "в одном из византийских керамических центров" [36, с. 94]. Никаких аргументов в пользу этого не приводится. Зато аргументов против можно привести сколь угодно. Можно упомянуть, что когда в IX—X вв. центральное правительство оказывало самое широкое покровительство константинопольскому ремеслу, гигантский город обеспечивал рынок сбыта, он мог поглотить всю продукцию местных эргастериев, а существенных стимулов для поисков внешних рынков у константинопольских ремесленников и торговцев не было. В XI—XII вв. положение меняется: растет провинциальное ремесло, которое составляет конкуренцию столичному, контроль же над константинопольским ремеслом и мелочная опека, которыми пришлось заплатить за покровительство в прошлом, не ослабевают, что в новых условиях, когда существенно сокращаются поступления денежных средств, является отрицательным, сдерживающим моментом [18, с. 254—255]. Проникновение на константинопольский рынок продукции венецианского и генуэзского ремесла наносит столичным мастерам новый удар. В таких условиях вряд ли можно ожидать более или менее широкого экспорта продукции из Константинополя. С 1207 г. должна была бы прекратиться и небольшая торговля, которая все-таки могла существовать, несмотря на указанные неблагоприятные обстоятельства.

Ряд мотивов, в частности Георгий в образе драконоборца, были не характерны для столичного искусства, зато были любимы на периферии [14, с. 147—148].

Поливная керамика получила самое широкое распространение и изготовлялась на обширных территориях от Балканского полуострова [25, с. 126] до Средней Азии [11, с. 265, 296], каждый небольшой городишко имел свои гончарные мастерские. Херсонес — старый и крупный центр гончарного ремесла. Он имел свою школу, старые, уходящие корнями в античность, традиции подобно другим ремесленным и художественным школам, которых было множество на территории Византийской империи. Множественность очагов культуры была, не-

сомненно, характерна еще для римского и раннесредневекового времени [19, с. 89, 90]. По мере роста населения, усложнения структуры государства, учащения войн, захватывающих территорию Византии, восстаний, междоусобиц и т.д., прерывавших на более или менее длительное время связь между отдельными областями, роль и значение провинциальных культурных центров должны возрастать, в уровень культуры на местах становится все выше, приближаясь к уровню столицы и крупнейших центров.

К настоящему времени сосуды, изготовленные нашим мастером, встречались только в Херсонесе. Не меняют дела находки одного фрагмента блюда с изображением конного змеборца и некоторого числа обломков сосудов той же группы в Судак*. В одном из музеев Берлина хранится коллекция находок из Пергама и Константинополя, часть которой опубликована О.Вульфом [44] и В.Ф.Вольбахом [43]. В ней есть блюда (11199, 11231), напоминающие рассматриваемые в данной работе**. Их сближает ряд черт: близкие черепок и глазурь, изображение выпянутых фигур воинов, очень похожи способы передачи черт лица, одежды. Внесет с тем в украшениях каждого из них встречаются такие детали, которые не характерны для херсонесских сосудов и которые заставляют отнести их к одной группе, но мешают считать вышедшими из рук того же мастера. К тому же три—пять сравнительно мелких фрагментов не могут соперничать с обширной серией целых блюд, относящихся к разным периодам творчества автора и, следовательно, отстоящих друг от друга не менее чем на 10—20 лет, и несравненно большим числом обломков***. Логично предположить, что группа керамики производилась именно там, где она найдена. Во всяком случае статистические данные позволяют считать более рациональной точку зрения о херсонесском, чем каком бы то ни было ином происхождении пышно и искусно украшенных блюд. Правда, по выражению одного старого историка, "в статистических фактах есть что-то грубое, и нельзя произвести ими сильное впечатление на тех, которые доверяют в качестве доказательств тонким стилистическим ощущениям знатоков искусства" (К.Бюхер), однако мы рискуем утверждать, что гипотеза, основанная на статистическом наблюдении, опирается на твердые факты.

Другое дело, что ремесленник (а, может, правильнее — художник?) совсем не обязательно должен быть уроженцем Херсонеса и выучеником местной школы. Говоря об экспансии византийской художественной культуры, В.Н.Лазарев намечает несколько путей, по которым осуществлялось ее проникновение в соседние районы: 1) в процессе торговли, 2) поступление, главным образом, предметов культа, через

*Об этом любезно сообщил И.А.Баранов.

**Сведения представлены А.И.Романчук, за что приносим ей глубокую благодарность.

***В 1990 г. в портовом районе найдено еще два блюда, несомненно, вышедших из одной мастерской.

поломников или религиозные делегации, 3) переезды художников по приглашению или по собственной инициативе, 4) местные мастера могли обучаться либо "стажироваться", перенимать опыт в Константинополе или другом крупном центре [19, с. 138]. К этому надо добавить такие возможности попадания византийских вещей в соседние страны, как дары [22, с. 91], военная добыча (пример — захват Владимиром в Херсонесе церковных сосудов, икон, памятников искусства). Любая из перечисленных возможностей подходит и для нашего случая: художник мог быть местным уроженцем или приезжим из чужих краев, мог обучаться вдали от Херсонеса, мог пользоваться, как образцами, привозными вещами и специальными "учебниками" для живописцев, распространенными в Византии.

История не сохранила имени мастера, изготовившего рассматриваемые сосуды, но кое-что об авторе рассказывают его же произведения. Сам выбор мотивов указывает на определенные мировоззренческие принципы и устремления. А избирались сюжеты на религиозные или связанные с суевериями темы. Воинов, пеших или конных, возможно трактовать, как святых, грифон имел апотропеические функции, фигурировал в искусстве как победитель враждебных сил, птица со змеей символизировала борьбу добрых и злых начал, парные львы также могли играть роль оберегов—апотропеев. Судя по этому, мастер был человеком глубоко религиозным, в его творчестве превалируют более или менее отвлеченные идеи борьбы христианства с язычеством и вообще противостоящими ему силами. С другой стороны, похоже, что особой симпатией мастера пользовались символы могущества, сильной власти, персонажи, покровительствующие воинству и войне (Георгий-драконоборец, львы, грифоны). Комбинация религиозности и власти, возможно, указывает и на власть церкви.

Уже отмечалось, что в основе некоторых изображений лежат образы, разработанные светской или церковной литературой. Особое распространение некоторых из них относится к античному периоду, именно в эту эпоху мифологические персонажи превратились в литературные. Вероятно, херсонесский гончар был человеком образованным и начитанным, он вполне сознательно строил сюжет, отчетливо представлял себе функции фантастических животных, заимствовал некоторые художественные приемы из арсенала античных мастеров. Все перечисленные качества в условиях Византии, скорее, были присущи монаху, а не простому ремесленнику. Можно предположить, что блюда были изготовлены в монастырской мастерской. Наличие монастырских ремесленных мастерских надежно засвидетельствовано многочисленными византийскими источниками.

Датировали блюда с фигурными изображениями и XI, и XI—XII, и XIII вв. В свое время А.Л.Якобсон утверждал, что эта керамика происходит из Константинополя и датируется XI—XII вв. [37, с. 195]. При этом из 11 сосудов, отнесенных к данной группе, для пяти отмечены

места находок: "пом. 8а, на 1-м полу", "пом. Е, горение", "квартал V, внутри монастырской ограды, под 1-м полом", "к востоку от Е, слой горения", "в пом. VII, верхнем слое". Верхний слой относится в XIV или XIII вв., и, следовательно, стратиграфические основания для более ранней даты сделанных в нем находок отсутствуют.

Единственным основанием для хронологизации служат А.Л.Якобсону аналогии. Но и здесь не всегда все в порядке. Так, для изображения на сосуде № 103 он усмотрел ближайшую аналогию на блюде из Салоник. Затруднение в том, что автор публикации о нем — Т.Д.Райс относит его к XIII в. Вывод таков: "Полагаю, что автор датирует его слишком поздним временем: оно кажется более ранним, чем в XIII в." [37, с. 196]. "Кажется" — и все, никаких доказательств не нужно!

А.Мегау, последовательно анализируя все места находок "зевксиповой" керамики, отмечает, что стратиграфических наблюдений для ее датировки нет, он предполагает ее распространение в XIII в. через посредство генуэзцев или венецианцев [40, р. 87].

В Херсонесе сосуды с фигурными изображениями постоянно встречаются в сопровождении монет и материалов XIII в. Такая картина наблюдалась в портовом районе, то же дают раскопки на северном берегу*. В более ранних слоях пока не найдено ни одного фрагмента сосудов рассматриваемой группы. На наших блюдах видны следы треугольных подставок, использовавшихся при обжиге для отделения одного сосуда от другого. По мнению ряда авторов, такие подставки начали употребляться только в XIII в. По-видимому, вся группа должна датироваться XIII в., что вполне вероятно, если учесть, что "зевксипова" керамика дожила до латинского завоевания, а в Херсонес, как и вообще на периферию, все доходило с некоторым запозданием.

1. *Аверинцев С.С.* Типология отношения к книге в культурах Древнего Востока, античности и раннего средневековья // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. — М. : Наука, 1973. — С. 6—27.
2. *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса. — Киев : Наук. думка, 1977. — 174 с., XXXII табл.
3. *Античная скульптура Херсонеса.* — Киев : Мистецтво, 1976. — 342 с.
4. *Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. — Прага; Л., 1966.
5. *Банк А.В.* Византийское искусство в собраниях Советского Союза. — М.; Л. : Сов. художник, 1966.
6. *Белов Г.В.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 г. // ХСб. — 1959. — Вып. V. — С. 13—69.
7. *Блаватский В.Д.* О змееборце в русской бытине // Древняя Русь и славяне. — М. : Наука, 1978. — С. 317—321.
8. *Божков А.* Миниатюры от Мадридские ръкопис на Йоан Скилица. — София : Изд-во на БАН, 1972. — 260 с.

*Свидетельство С.Г.Рыжова, за сообщение которого автор выражает ему благодарность.

9. *Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.* От Скифин до Индии. — М. : Мысль, 1983. — 206 с.
10. *Бычков В.В.* Византийская эстетика. — М. : Искусство, 1977. — 199 с.
11. *Вактурская Н.Н.* Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма // Керамика Хорезма. — М., 1959 (Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. — IV). — С. 261—342.
12. *Василенко В.М.* Образ дракона-змия в новгородских деревянных ковшах // Русь и славяне. — М. : Наука, 1978. — С. 326—332.
13. *Даниленко В.Н.* Некоторые итоги раскопок Херсонеса Таврического // УЗ ПТУ. — 1966. — № 143. — С. 70—89.
14. *Даркевич В.П.* Светское искусство Византии. — М. : Искусство, 1975. — 350 с.
15. *Зограф А.Н.* Античные монеты // МИА. — 1951. — № 16. — 262 с., 50 табл.
16. *Измайлова Т.А.* Рукопись 1200 г. // ВВ. — 1981. — Т. 42. — С. 129—138.
17. *Искусство Византии в собраниях СССР: Каталог выставки.* — М. : Сов. художник, 1977. — Т. I. — 191 с.; Т. II. — 155 с.
18. *История Византии в 3 т.* — М. : Наука, 1967. — Т. I. — 523 с.; Т. II. — 471 с.; Т. III. — 507 с.
19. *Лазарев В.Н.* Византийская живопись. — М. : Наука, 1971. — 405 с.
20. *Лазарев В.Н.* Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве // ВВ. — 1953. — Т. VI. — С. 186—222.
21. *Лазарев В.Н.* История византийской живописи. — М. : Искусство, 1947. — Т. I. — 455 с.; Т. II. — 350 табл.
22. *Литаврин Г.Г.* Состав посольства Ольги в Константинополе и "дары" императора // ВО. — М. : Наука, 1982. — С. 71—92.
23. *Майсурадзе З.* Керамика Афрасиаба. — Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1958.
24. *Погорелова Н.Н.* Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // КСИИМК. — 1948. — Вып. XXII. — С. 62—67.
25. *Полевой Л.Л.* Культурно-исторические традиции в средневековой поливной керамике с орнаментом сграффито Карпато-Дунайских земель // Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. — Кишинев, 1968. — С. 125—135.
26. *Поляковская М.А., Чкалова А.А.* Византия: быт и нравы. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. — 299 с.
27. *Попова Т.В.* Византийский народный и книжный эпос // Византийская литература. — М. : Наука, 1974. — С. 77—121.
28. *Производство раскопок в Таврической губернии* // ОАК за 1891 г. — СПб., 1892.
29. *Романчук А.И.* Херсонес XIII—XIV вв.: историческая топография. — Красноярск : Изд-во Красноярск. ун-та, 1986. — 192 с.
30. *Толстой И.И., Кондаков Н.П.* Русские древности в памятниках искусства. — СПб., тип. МПС, 1897. — Вып. V.
31. *Фрейберг Л.А., Попова Т.В.* Византийская литература эпохи расцвета IX—XV вв. — М. : Наука, 1978. — 285 с.
32. *Эффенбергер А.* Памятники византийской скульптуры. — Л. : Искусство, 1982. — 48 с.
33. *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. — Л. : Наука, 1979. — 163 с.
34. *Якобсон А.Л.* Раннесредневековой Херсонес // МИА. — 1959. — № 63. — 363 с.
35. *Якобсон А.Л.* Средневековая поливная керамика как историческое явление // ВВ. — 1978. — Т. 39. — С. 148—159.
36. *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. — М., Л. : Наука, 1964. — 231 с.
37. *Якобсон А.Л.* Средневековый Херсонес // МИА. — 1950. — № 17. — 256 с., X табл.

38. *Buzantine Art in the Collections of Soviet Museum. L.: Aurora. — 1977. — P. 5–28, 273–338.*
39. *Klosinska J. Stuka Buzantynska. Warszawa, Wiedza Powszechna. — 1975. — 279 s.*
40. *Megaw A.H.S. Leuxippus Ware // World Ceramics an illustrated History edited by R.J.Charleston. N-Y., McGrow-Hill. — 1968. — P. 67–88. Pl. 14–21.*
41. *Morgan Ch.H. The Byzantine Pottary // Corinth. — 1942. — XI. — 177 p.*
42. *Rise D.T. Byzantine glazed Pottery. — Oxford: Clarendon Press. — 1930. — 120 p.*
43. *Folbach W.F. Wittelaterliche Bildwerke aus Italien und Byzanz. — Berlin-Leipzig: Verlag von W. de Gruyter. — 1930. — 250 s. 32 tl.*
44. *Wulff O. Altchristliche und mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke. Berlin. — Druck und Verlag von G Reimer. — 1909–1911. — Bd. I. — 336 s. LXXV tf. — Bd. II. — 280 s.*

Е.А.ПАРШИНА

ТОРЖИЩЕ В ПАРТЕНИТАХ

На основании анализа письменных источников и нового археологического материала из раскопок автора в 1984–1988 гг. обоснована локализация древнего города в Партенинской долине, охарактеризованы основные этапы жизни города, формирование его как приморского торгового центра и экономические связи в различные периоды, начиная с VIII по XVI в.

Средневековые памятники южного бережного Крыма стали изучать с конца XVIII — начала XIX ст. Первые работы носили большей частью описательный характер, однако они и поныне сохраняют свое значение, поскольку в них зафиксированы уже не существующие или полуразрушенные объекты. Обобщающие исследования указанных памятников конца XIX — начала XX в. связаны с именами А.Л.Бертье-Делагарда, В.Г.Васильевского, А.А.Васильева, Ю.А.Кулаковского, Ф.К.Брауна и других ученых. Их работы базировались в основном на анализе немногочисленных и разновременных письменных источников. В результате раскопок различных категорий памятников — городищ, крепостей, укрепленных замков-исаров, монастырей, поселений и могильников — был получен разнообразный археологический материал, ставший эталоном для определения средневековой культуры значительного региона и предоставивший конкретные данные для реконструкции истории Таврики. Обобщению этого материала посвящены работы Н.И.Репникова [58, с. 3–80], В.П.Бабенчикова [6, с. 111], А.Л.Якобсона [72, с. 109; 74, с. 153] и других исследователей. Однако археологические работы в южной Таврике носили эпизодический характер, будучи связаны с новостройками. Результаты многолетних раскопок и разведок, проводившихся отделом археологии Крыма Института археологии АН УССР в данном районе, изложены в сборнике "Феодальная Таврика" (1974 г.), а также в отдельных статьях периодических изданий.

© Е.А.Паршина, 1991

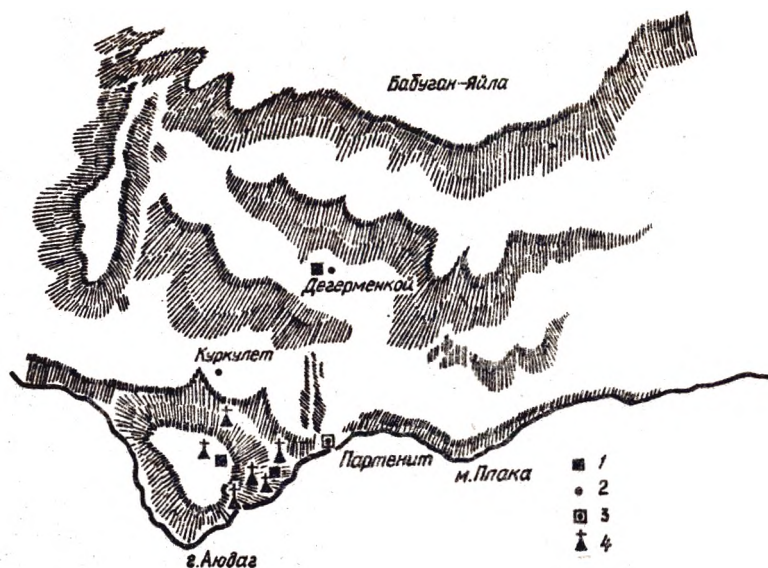

Рис. 1. План-схема расположения средневековых памятников в Партенитской долине:

1 — укрепленное поселение; 2 — неукрепленное поселение; 3 — город; 4 — храм.

О большинстве памятников этого густо заселенного в средневековье региона мы имеем только данные хронологического характера, полученные в результате разведок и небольших шурфовок. Одним из малоизученных объектов являются древние Партениты, название которых сохранила деревня Партенит, переименованная в 1946 г. в поселок Фрунзенское.

Партенитская котловина, расположенная у восточного подножия горы Аю-Даг, на востоке ограничена крутобоким массивом Тепелер (в переводе с татарского — "холмы", "вершины"). Среди его холмов выделяется высотой отвесно обрывающийся к морю Кале-Поти ("основание крепости", по Н.И.Репникову [59, с. 102]). В настоящее время Тепелер почти полностью застроен многоэтажными домами современного поселка, который вытеснил с его склонов старую деревню Партенит. Археологические исследования 1985—1988 гг., результатам которых посвящена данная статья, проводились на одной из террас старой деревни, на южном склоне холма, примыкающего с западной стороны к Кале-Поти (рис. 1).

Сведения о существовании древних Партенит в Тавриде содержатся в письменных источниках — "Житии Иоанна Готского" (815—842). письме хазарского кагана Иосифа придворному кордовского халифа Хасдаю Ибн-Шафруту, патриарших актах, генуэзских документах, записках путешественников, картах-портоланах.

В житии Иоанна Готского сообщается [18, с. 86—154; 19, с. 426,

427], что Иоанн, живший во второй половине VIII в., родом из Партенит, рукоположен на епископство в Иверии (Грузии), последовательный противник иконоборчества; возглавил антихазарское восстание, а после поражения был посажен под стражу в хазарскую крепость Фулы, откуда бежал в Амастриду, где спустя четыре года умер. Тело его было перевезено на родину в монастырь в Партенитах, посвященный Св. Апостолам.

В письме хазарского кагана Иосифа испанскому сановнику Хасдаю Ибн-Шафруту, датируемом серединой X в. (около 960 г.), каган, описывая свое царство, перечисляет "прекрасные города", принадлежавшие ему в Крыму: Керчь, Судак, Мангуп, Ламбат (Лампас греков) и Бартенит [30, с. 9; 5, с. 8—12; 56, с. 10].

Нубийский географ Идриси в описании Черноморского побережья (1154 г.) указывает на месте Партенита Бертабиту — небольшой, но хорошо населенный город, где строятся суда [20, с. 244—245; 87, с. 304—305; 11, с. 68—70]. Партенит неоднократно упоминается в патриарших актах (1317, 1384, 1390) (по поводу споров за приходы между митрополитами Херсонеским, Готским и Сутдейским [21, с. 445—473]). Интересно отметить, что в одном из актов (1390 г.) о возвращении Херсонскому митрополиту приморских мест Партенит и Ламбат они объединены одним названием — Лампадопартенита (*Λαμπαδοπαρθενίτα*) [21, с. 469].

В генуэзских документах XIV—XV вв. (казначейские списки Кафы, устав генуэзских колоний) Партенит (*Pertenite*) назван среди пунктов побережья, в котором находился представитель генуэзцев. В XV в. при назначении на должность последний должен был выплачивать четыре сонма [68, с. 675].

При малочисленности письменных источников немаловажное значение приобретают средневековые морские компасные карты и карты-портоланы, дающие возможность реконструкции черноморской береговой линии. Карты-портоланы XIII—XVI вв. отмечают на месте Партенита важный город и порт, который можно распознать по низкому голому и округлому острову, находящемуся перед ним, где располагалась гавань этого города. Ниже приводится перечень карт, хранящихся в библиотеке св. Марка (Венеция), в Венской библиотеке, в Парижской национальной библиотеке, в Парижском музее, в Алушкинском музее: *Compasso da navigare*, prima 1296 : *Pagropoli*; часть Венецианской карты XIII ст. Кавказских берегов Азовского и Черного морей — *Pangropoli*; часть карты генуэзца Петра Весконте 1318 г.; часть карты венецианца Франциска Пицигани 1367 г.; часть каталонской карты 1375 г. — *Rasgropoli*; часть карты Грациоза Бенинказы (из Анконы) 1480 г. — *Pangropoli*; часть карты Фредуче (из Анконы) 1497 г. — *Pangropoli*; портолан Якова Руссуса из Мессины (Сицилия) 1515 г. — *Agropoli*; *Cosmografia Italiana* 1550. — *Pongropoli*; *Portolan grec II*, 1573 — *μπαγκρόπολις*; *Portolano de Madrid* 1605—1634 — *Bagropoli*; *Poktolan de Leyde* 1563 — *παγονροπολι*; *Portolan frangais* — Barille. [15, с. 211; 7, с. 119; 83, с. 210; 31, с. 59; 42, с. 19; 43, с. 25; 45, с. 55—60].

В последнее время появился ряд работ, в которых сопоставлены сведения портоланов с современными лоциями [25, с. 217; 57, с. 81–91; 67, с. 172].

Большинство исследователей видят в названии Пангрополи и др. искаженное Партеополи [28, с. 160; 12, с. 21; 43, с. 1^г]. Следует вспомнить еще один источник, часто комментируемый исследователями Крыма — записки польского посла Мартина Броневского к крымскому хану (1578 г.), в которых Партенит отмечается в числе бывших греческих поселений, сохраняющих развалины, "каждое по несколько храмов" [14, с. 351].

Несмотря на отрывочность письменных источников, в совокупности они дают представление об истории этой местности, насыщенной важными событиями. Уже первые исследователи Крыма — Паллас и Кеппен — связывали деревню Партенит с "торжищем в Партенитах", упоминаемом в церковном источнике "Житие Иоанна Готского". Аргументированно это отождествление начинается с 1871 г., когда Д.М.Струков частично открыл у подножия горы Аю-Даг руины большого храма — базилики, раскопанной в 1907 г. Н.И.Репниковым [60, с. 137]. При раскопках была найдена надпись, датируемая 1427 г., о возобновлении в этом году храма митрополитом города Феодоро и всей Готии Даминианом. В надписи говорится, что этот храм святых апостолов Петра и Павла был построен в "давние времена иже во святых отцем нашим и архиепископом города Феодоро и всея Готии Иоанном Исповедником" [20, с. 308–317; 40, с. 58–65]. Эта надпись явилась достаточным основанием для того, чтобы считать Партенитскую базилику построенной в VIII в. Иоанном Готским.

Позже был обнаружен еще один эпиграфический документ — надгробие Аввы Никиты, игумена монастыря Святых Апостолов, скончавшегося в 906 г., — которое дало новое доказательство существования монастыря Св.Апостолов в Партените в начале X в. [40, с. 60–65]. По утверждению В.Х.Кондараки, в Партените была, кроме того, найдена другая надпись, датируемая 1427 г., в которой упомянут "Алексей владетель Феодоро и приморского берега". В архиве Струкова хранится рисунок еще одного камня с монограммой "Дамиан" и надписью по кругу "митрополит города Феодоро", найденного при раскопках партенитской базилики в 1871 г. [63].

Паллас и Кеппен, касаясь Партенита, в основном дают описание древних памятников горы Аю-Даг — кольцевому укреплению на его вершине и остатками церквей и строений на юго-восточных склонах, руины которых в их время были более внушительными и еще не задержанными [47, с. 168–170; 28, с. 166–173]. В.Х.Кондараки на основании двух надписей 1427 г. отождествляет Партенит с резиденцией греческих князей Феодоро [32, с. 83–92; 32, с. 83–92]. Против этой версии выступил Г.Караулов, помещавший Феодоро на Мангупе. Г.Караулов возражал также против того, что Партенит был "коммерческим

цветущим городом". И та и другая версии базируются на толковании немногочисленных и разновременных письменных источников и логических рассуждениях авторов [26, с. 308–317].

Упомянутые в "Житии Иоанна Готского" события, связанные с антихазарским восстанием, неоднократно привлекали внимание исследователей как в прошлом, так и настоящем [17, с. 204–215; 16, с. 51; 13, с. 11; 36, с. 180–202; 37, с. 49–72; 4, с. 146–151; 73, с. 41–44; 74, с. 31–32; 3, с. 326–328; 9, с. 151–162]. Несмотря на различную оценку самого восстания — подчеркивается либо его антихазарский: заговор церковной и военно-феодальной знати (А.А.Васильев, М.И.Артамонов), либо классовый, антифеодальный (В.П.Бабенчиков, А.Л.Якобсон), либо социально-политический характер (И.А.Баранов) — и особенно роли его вождя, в которой сказались модные тенденции того или иного времени, все авторы связывают описанные в этом источнике события с Таврикой и однозначно отождествляют "торжище в Партенитах" с крымской деревней Партенит.

Археологические исследования Партенита практически не проводились. Разведки и частичные раскопки Н.И.Репникова в 1905–1907 гг. [61, с. 199; 60, с. 91–140], разведки отдела археологии Крыма Института археологии АН УССР в 1968–1969 гг. [22, с. 38–41; 8, с. 250–253] затрагивали в большей своей части саму гору Аю-Даг — укрепление на его вершине, поселение, монастырь, двух часовен и могильников на его склонах. Относительно поселения в самом Партените археологические данные весьма незначительны. Так, Н.И.Репников зафиксировал на плоской вершине Тепелера, над татарской деревней, остатки стены, сложенной из извести, толщиной 1,25 м, идущей в направлении В — З, и фундамент небольшой часовни с апсидой, ориентированной на СВ, и на утесе Кале-Поти — следы стенок, сложенных из извести [59, с. 101–102]. В 1969 г. О.А.Махневой доследовались остатки жилищ прибрежного поселения и могильника, вскрытых и частично уничтоженных при строительстве лодочной станции, а также укрепления на вершине Тепелера [29, с. 257–260].

В настоящее время изучению конкретных памятников уделяется большее внимание, поскольку определение их исторического места и социально-экономического характера подготавливает объективную научную базу для воссоздания целостной картины истории Таврики.

Охранные раскопки в Партените, связанные с курортным строительством, проводятся с 1985 г. [52]. Это — первые археологические исследования данного памятника столь значительного масштаба. На площади свыше 1200 м² выявлены многослойные остатки средневековой застройки. Мощность культурного слоя составляет от 3,0–3,5 до 5,0 м. Получен обильный археологический материал от VII–XIII до XV–XVI вв.

Особенность Партенита как многослойного памятника, практически непрерывно существовавшего с VII–VIII вв. и до наших дней, сказа-

лась на сохранности ранней застройки, поскольку поздние культурные напластования большей частью, а иногда и полностью уничтожают предшествующие. Тем не менее, на данном участке сохранились отдельные строительные комплексы и соответствующие им культурные слои, достаточные для того, чтобы составить представление о застройке, планировке и типах домов.

Терраса, на которой проводились раскопки, находится на слабо выраженном склоне одного из холмов Тепелера, полого спускающегося к ЮЗ — пойме речки и более круто к ЮВ — в сторону моря. С северной стороны склон резко поднимается, обуславливая необходимость сооружения подпорной стены. Здесь и была открыта древняя подпорная стена на длину 12,5 м с сохранившейся кладкой высотой 0,7—1,2 м. Она была сложена из крупного бута на грязи, расположена углом, подчиняясь рельефу местности и определяя направление древней естественной террасы и соответственно подпорной стены в восточную и северо-западную стороны.

На этом же месте проходила и подпорная стена старой деревни Партенит, которая отстояла от древней на 1,0—15,0 м южнее. Новая (бетонная) подпорная стена сооружена севернее и с некоторым изменением направления.

Материком в данном месте является слой серовато-зеленых тяжелых глин, насыщенных галькой и обломками пород. Последние лежат обычно в слое мелкоструктурной глины оранжево-коричневого цвета, образующейся при размыве верхних террас.

За четыре года раскопок изучены полностью или частично 17 разновременных усадеб. По археологическим данным в жизни поселения выделяется четыре различных строительных горизонта, частично перекрывающие друг друга. Самые ранние комплексы относятся ко времени VII—VIII вв. (возможно, конца VI—VIII вв.). — Это — строительные остатки четырех усадеб, расположенных на одной террасе, и усадьбы, расположенной на верхней террасе (рис. 2). Сохранность строительных остатков различна, так как три усадьбы были сильно разрушены при поздних перестройках и рытье котлована для современного строительства.

Первая выявленная нами застройка была приспособлена к местности с незначительной нивелировкой поверхности. Усадьбы состояли из двух—трех помещений, небольшого дворика или вымощенной площадки с крытым водостоком. Размеры помещений 25—30 м². Стены их сложены в два панцыря из равномерного бута средней величины с хорошей перевязкой углов и забутовкой мелкими камнями и обломками керамики на "грязевом" растворе. Этот раствор довольно прочен, особенно в данном урочище, поскольку земля здесь содержит большой процент глины. Для фасада, углов зданий и дверных проемов употреблялись более ровные камни. На камнях фасадной части нередко имеются следы подтески. Встречена здесь и иная техника кладки —

"в елку", сложенная из более мелких плоских, уложенных под наклоном камней (на усадьбе, расположенной на верхней террасе). Следует заметить, что на некоторых участках оба вида кладки наблюдаются в одной стене, поскольку отчетливо виден шов между этими кладками или же на нижних двух рядах обычной бутовой кладки последующие ряды сложены "в елку". Видимо, при возобновлении разрушенной постройки использовалась сохранившаяся часть и к ней пристраивались стены (или участки стены) в иной технике.

Жилые помещения, вероятно, располагались на втором этаже, так как нижние этажи были приспособлены для хозяйственных нужд. В крытых двориках или отдельных помещениях были врыты в землю крупные пифосы (5—8 экз.). Судя по наличию семи крупных пифосов, на стенках которых сохранился винный камень (виннокислая известь), вымощенных площадок, корытообразных сооружений, а также находке на данном участке двух давящих камней, весь комплекс можно рассматривать как винодельческий. Усадьбы погибли от пожара, о чем свидетельствуют рухнувшие черепичные кровли, мощный горелый слой (0,2—0,4 м), разрушенная подпорная стена (рис. 3).

Сгоревшие строительные остатки перекрыты слоем суглинка зеленоватого цвета, толщина которого неравномерна на всей террасе — практически сходит на нет в восточной части и увеличивается в юго-западную сторону, к руслу реки. Возможно, образование этого слоя связано с селевыми потоками, которые в данной местности нередки.

Археологические материалы, полученные при раскопках Партенита, весьма разнообразны: керамика, изделия из металла (замки, хозяйственные орудия, пряжки, монеты), стеклянные сосуды и украшения. Самыми массовыми являются керамические изделия, которые по своему назначению могут быть разделены на следующие группы — строительная керамика, тара, бытовая, поливная, и в том числе художественная керамика, ремесленного назначения (грузила, прслица).

К строительной керамике относятся кровельная черепица — керамида и калиптеры, плинфа. Основная масса кровельной черепицы Партенита найдена в завалах рухнувшей кровли домов, погибших от пожара. Менее значительную часть ее составляет так называемый перетолженный материал — фрагменты черепиц, использовавшихся в забутовке стен, в засыпке ям или нивелировке площадок. Последние, как правило, сильно фрагментированы.

Партенитские керамиды имеют традиционную для всей средневековой Таврики прямоугольную форму, унаследованную от античности, прямоугольные или слегка скошенные, реже треугольные боковые бортики высотой 2,0—4,0 см, в большинстве случаев водосливные валики, сужение в нижней части. Встречаются отдельные экземпляры без валиков и без сужения. На многих керамидах имеются рельефные метки в виде букв или сочетаний букв греческого алфавита, различных знаков или изображений животных.

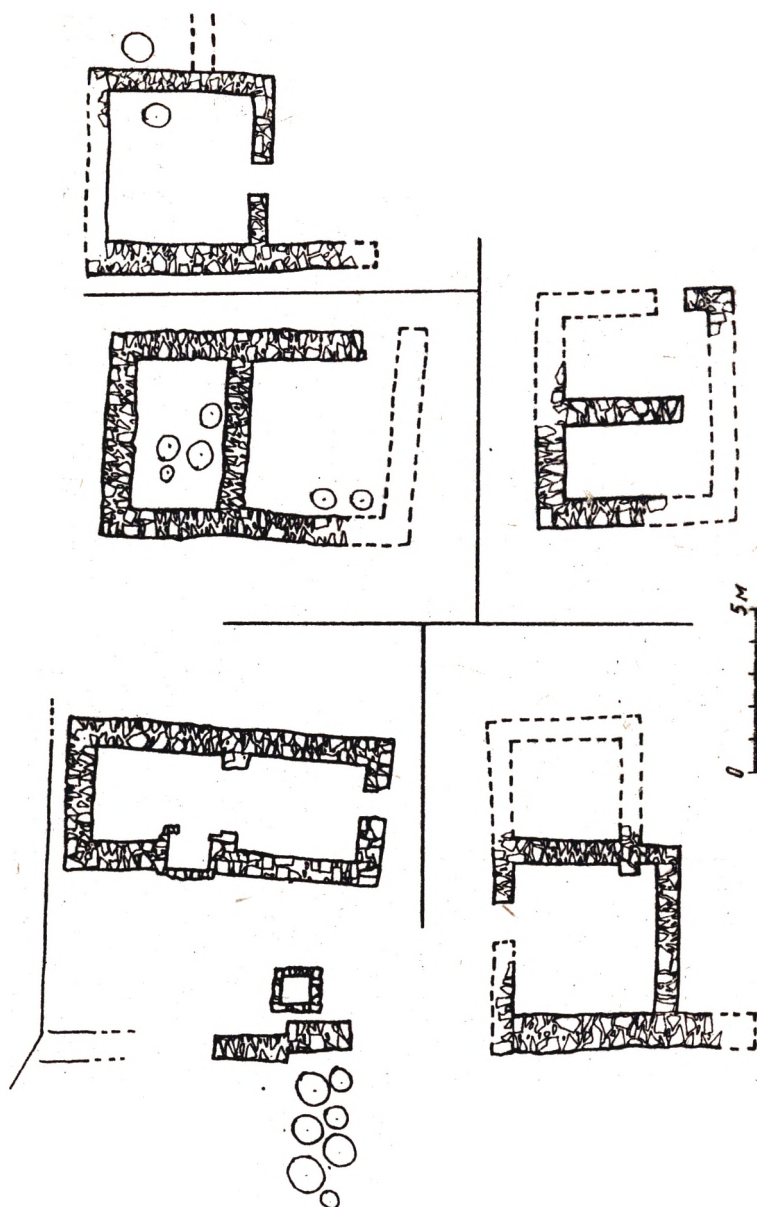

Рис. 3. Планы усатёб

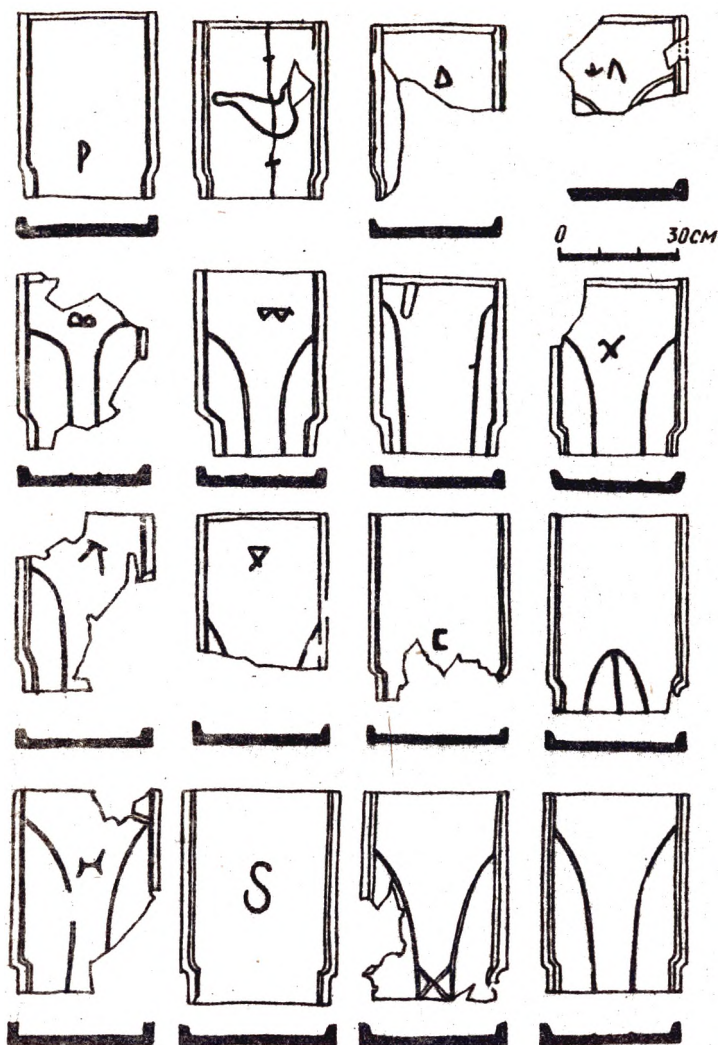
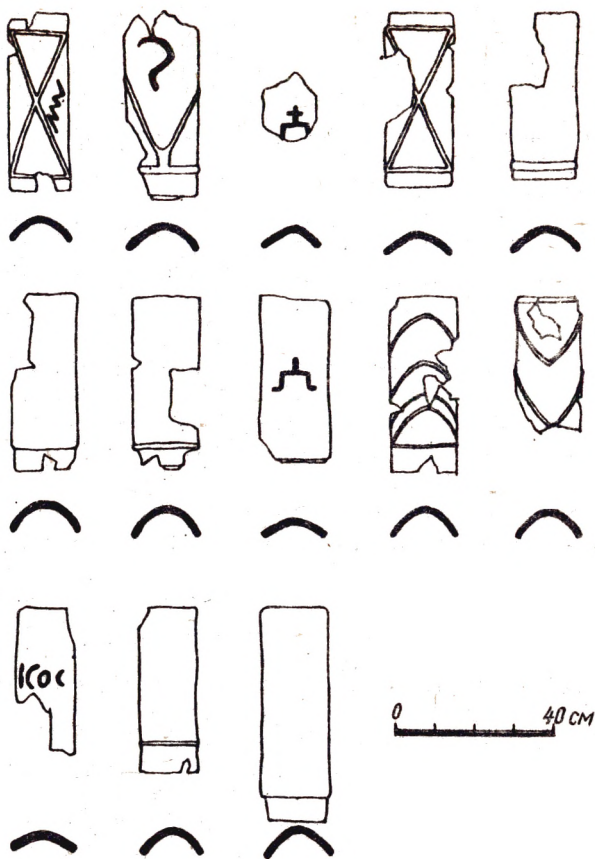

Рис. 4. Строительная керамика

Черепичные комплексы, хорошо датируемые по амфорному материалу и монетам, относятся к различным периодам существования поселения — VIII–IX, X–XI, XII–XIV вв. Керамиды VIII–IX вв. отличаются довольно крупными размерами — 47,0 x 35,0(33), 46,0 x 35, 45,0 x 35,0(34), 45,0 x 33,0, 44,0 x 35,0(34), 43,0 x 33,0 см, имеют

черепок красного цвета (различных оттенков) с примесью шамота, песка, чаще прямоугольные боковые бортики высотой 3,0–4,0 см. Значительное количество керамид имеет метки, большинство которых находят аналогии в слоях VIII–IX вв. других крымских памятников [77, с. 93–107]. Встречены экземпляры и без меток (рис. 4). Калиптеры, по количеству сильно уступающие керамидам, имеют размеры 47,0 x 20,0, 45,0 x 17,0, 44,0 x 16,0 см. На них также есть метки, но чаще в виде изображений: серпа, ломаной линии (змеи?). Аналогичная картина наблюдается на поселении в урочище Сотера (VIII–X вв.), где на калиптерах встречены изображения змеи, рыбы, дельфина [5, с. 104–116, рис. 38, 3; 51, рис. 102, 103]. В черепичных комплексах одной крыши можно обнаружить несколько экземпляров черепиц, изготовленных в одной форме.

Самую массовую группу керамических изделий составляет домашняя и торговая тара, служившая для хранения и перевозки жидких и сыпучих продуктов. Основными ее формами являются пифосы, амфоры, крупные плоскодонные кувшины с одной, двумя и тремя ручками, фляги. Пифосы — наиболее монументальный и массовый вид тары — составляли обязательную принадлежность каждой жилой усадьбы. Это крупные сосуды (высота — 1,65–1,8 м) с гладким яйцевидным туловом или расчлененным горизонтальными ребрами. Днище в виде узкой подставки, широкое горло имеет выступающий треугольный в сечении венчик. Черепок плотный, светло-красного цвета. Другой тип пифосов — сосуды несколько меньших размеров (высота — 1,2–1,3 м), имеющие шаровидное тулово и горло наподобие стоячего воротничка с утолщенным венчиком. В верхней части под венчиком такие пифосы украшены валиком с частыми пальцевыми вдавлениями. Эти формы широко распространены в крымских памятниках VIII–IX вв. (поселения близ сел Гончарное, Поляна, в Планерском и др.) [75, с. 45, 46, рис. 11–14]. Встречены фрагменты стенок пифосов, украшенных врезными волнообразными или ломаными линиями, образованными вдавленными ямками. Один пифос имел поверхность, заглаженную многорядовым мелким штампом. Такую же поверхность имел кувшин, который также следует отнести к группе тарной керамики. Это крупный сосуд (высота — 0,49 м) с широким плоским дном, отогнутым наружу венчиком, массивной ручкой, имеющей разное сечение — почти круглое в верхней части и уплощенное, напоминающее "ленточные" ручки, — в нижней. На некоторых пифосах имелись граффиты в виде букв, сочетаний букв и надписей (рис. 5).

Наиболее ранний амфорный материал VI–VII вв. представлен фрагментами стенок светло-желтых амфор с бороздками или уступами, а также желобчатых амфор с вытянутым корпусом, имеющих красный черепок с включениями извести и дробинки окислов железа, на внутренней поверхности — мелкие буторки. Такие амфоры встречаются в ранних слоях Херсонеса. К VII–VIII вв. относятся желобчатые амфоры с плотным черепком темно-коричневого цвета с большим содержанием слюды и такие же амфоры с нечетким закругленным венчиком и отходящими непосредственно от него ручками с черепком красно-коричневого цвета, мелкозернистым, с примесями извести и песка. Оба типа амфор — привозные (рис. 6).

Значительное место среди находок занимают амфоры с яйцевидным туловом, круглым дном, имеющие узкие полосы неглубокого рифления по плечикам (так называемыми "поясками гребенки"). Ручки овальные в сечении, с продольным ребром. По форме венчика выделяются две разновидности: с валикообразным или плоскосрезанным венцом. Горло желобчатое, черепок красного цвета различных оттенков, примеси — мелкоизмельченная известь, иногда и слюда. По-

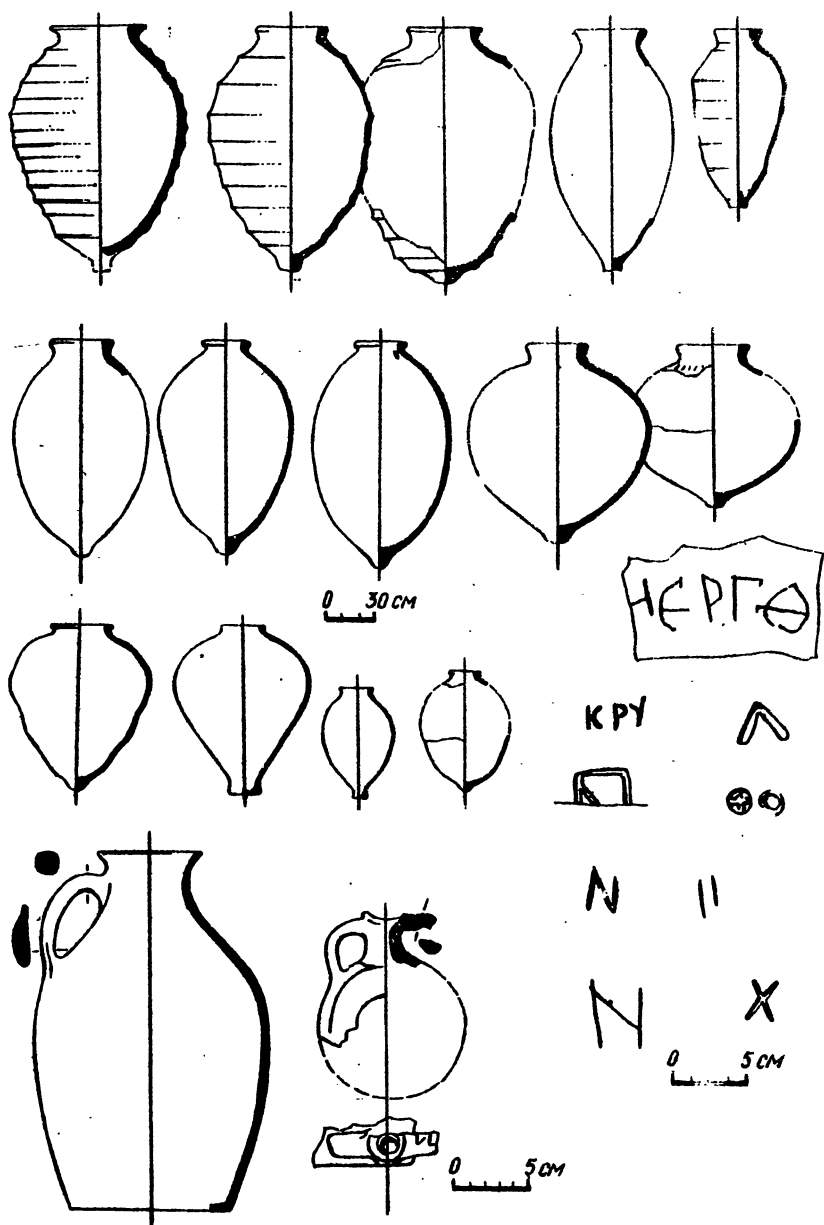

Рис. 5. Домашняя тара

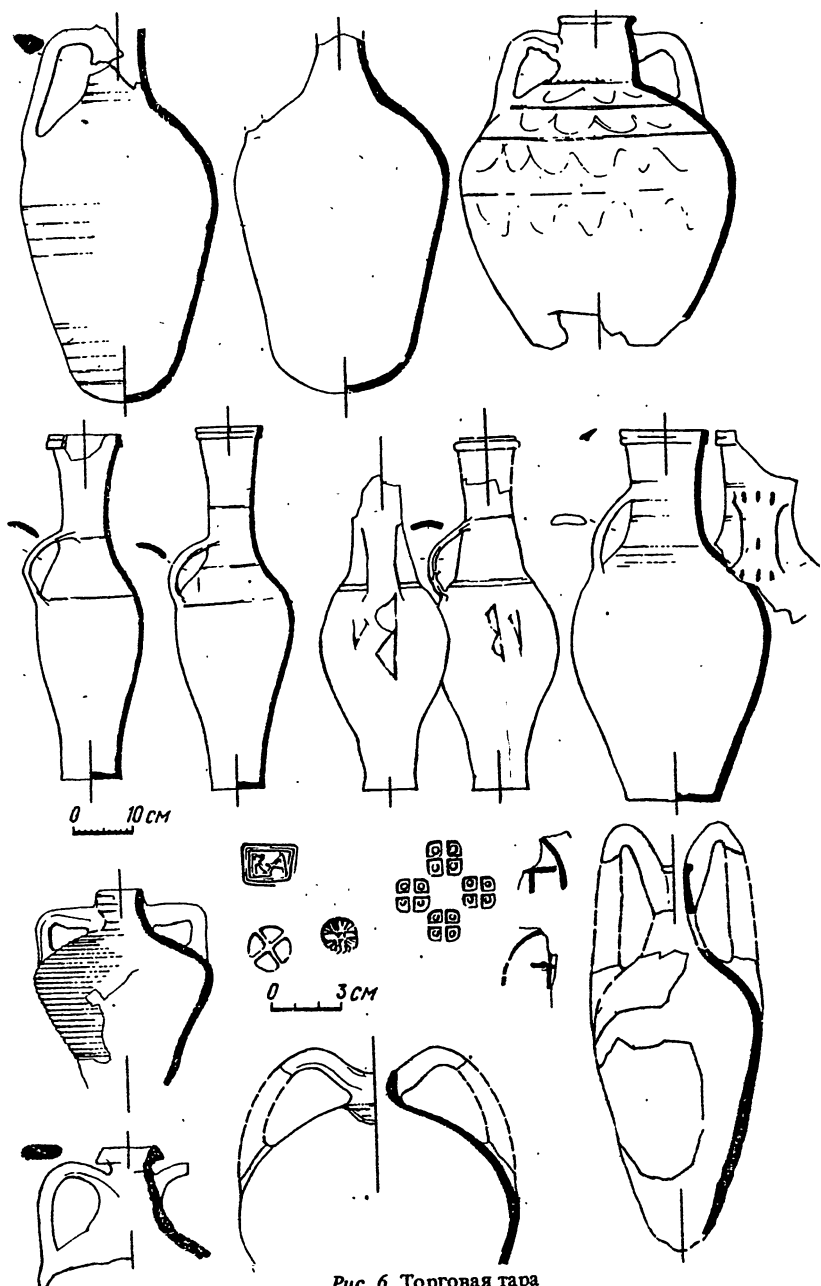

Рис. 6. Торговая тара

добные амфоры были широко распространены в Крыму в VIII—X вв., известны и гончарные печи (Херсонес, Мисхор, Ливадия, Кипарисное), изготавлившие подобную продукцию по византийским образцам. В Партените по черепку выделяются как привозные, так и местные таврические экземпляры.

Встречены здесь и желобчатые амфоры VIII—IX вв. с овальным корпусом и округлым дном. Черепок у них плотный с включением измельченной извести, часто пережженный до зеленовато-серого цвета. Следует отметить такие амфоры VIII—IX вв., по форме близкие к причерноморским, с овальным вытянутым корпусом, валикообразным венчиком и ручками, прикрепленными у венчика. Их черепок светло-красного цвета с примесями песка, слюды. Характерной особенностью этих амфор является наличие золотистых блесток пирита в глиняном тесте и обмазка оранжевого цвета. Эти амфоры также являются привозными. На некоторых фрагментах встречаются граффити в виде греческих букв или знаков.

Найдены фрагменты фляг — круглых сосудов с небольшим узким горлом и двумя ручками, имеющими один плоский, а другой сильно выпуклый бока. Подобные фляги нередки в находках Таврики, известны и центры их производства. Они изготовлялись и обжигались в тех же печах, что и амфоры: в Юго-Западном Крыму (гончарные печи близ с.Трудолюбовка) [76, с. 42—48], в Восточном Крыму (Чабан-Куле, Канакская балка) [69, с. 133—151], на южном берегу (гончарные печи близ Ливадии) [49, с. 59, рис. 3].

Кухонная керамика представлена шаровидными горшками высотой 0,2—0,25 м с отогнутым профилированным венчиком, под которым протянута многорядная волна. Подобные горшки имеют обычно серый черепок, поверхность покрыта сплошным или частичным рифлением, встречаются сосуды и с гладкой поверхностью. Найдены различного рода кувшины (высокие, приземистые) с более или менее отогнутым венчиком. Интересен красноглиняный сосуд, имеющий шаровидное тулово с перехватом, ручку, круглую в сечении, на месте нижнего крепления заканчивающуюся выступом. Перехват на тулове и горло подчеркнуты валиками. Венчик не сохранился, но, вероятно, имел совкообразный слив. Поверхность почти сплошь покрыта лощеными полосками (рис. 7). Точной аналогии ему пока не найдено, что и не удивительно, поскольку стандартизации столовых сосудов почти не существовало и многие формы еще не восстановлены. По фактуре и пропорциям он ближе к праболгарскому кругу посуды, а подчеркивание формы валиками встречается на аланской керамике, имеющей темно-серую лощеную поверхность. Наличие элементов салтово-маяцкой культуры, носителями которой были хазары, аланы, болгары, фиксируется также фрагментами сосудов, имеющих светло-коричневый черепок, лощеную поверхность, украшенных характерными двойными ромбами с круж-

ками на вершинах. Подобные сосуды широко распространены на салтово-маяцких памятниках VIII—IX вв. [55, с. 73, рис. 46, 19].

Среди других находок следует отметить керамические пряслица, сильно фрагментированные стеклянные изделия (бокалы, лампы), монеты византийских императоров Михаила (811—813), Василия I с соправителем Константином (869—879).

Второй строительный горизонт, как показала разборка целика и грунта под фундаментами стен, датируется серединой X в. Он перекрывает строительные остатки первого и имеет иное планировочное решение: усадьбы меньших размеров, располагаются ближе одна к другой и разделяются узкими переулками. Тенденция увеличения заселенности жилых кварталов в X в. характерна и для других центров Таврики (особенно ярко это иллюстрирует Херсон), что было связано с экономическим подъемом как Византии, так и ее провинций. Но рост городов происходил, как правило, в пределах старых территорий, за счет увеличения скученности. В крупных городах это объясняется обычно наличием крепостных стен, возведенных еще в античное время и укрепленных в раннее средневековье. Аналогичные явления в таких небольших приморских городах как Партенит можно объяснить тем, что окружающие его земли были заняты монастырскими и княжескими владениями и использовались для возделывания сельскохозяйственных культур, под сады и огороды. Партенитская долина является одним из самых плодороднейших участков Южного бережья. Заманчиво было бы предположить и здесь наличие крепостных стен или естественного защитного рельефа, однако решить этот вопрос будет довольно трудно, поскольку в данной местности в XIX и вплоть до 30-х гг. XX в. существовали каменоломни, резко изменившие облик местности. Значительное влияние оказала также современная застройка, интенсивно растущая с 1946 г.

Усадьбы имели два—три помещения почти квадратной в плане формы с выходом в проулок или неширокую улицу, расположенную по краю террасы. При устройстве помещений использовался строительный материал старых усадеб, поэтому бутовая кладка отличается разномерным камнем. В стенах, примыкающих к старой подпорной стене, использованы крупные блоки последней. Стены построек сложены в два панцыря с забутовкой мелким камнем и обломками керамики на "грязевом" растворе. Зафиксированы различные ремонты, перестройки, закладки дверных проемов, неоднократные укрепления покосившихся стен помещений в пределах одной усадьбы.

Культурный слой второго горизонта насыщен обломками тарной керамики. Это, прежде всего, грушевидные желобчатые амфоры X в. с широким желобчатым горлом, валикообразным венчиком, с ручками, чаще овальными в сечении или слегка желобчатыми, прикрепленными под венчиком и после резкого перегиба опускающимися на

плечики. Эти амфоры имеют плотный черепок различных оттенков коричневого цвета с многочисленными включениями известняка, а также редких темных частиц. Поверхность покрыта светло-желтым ангобом. На двух амфорах встречены граффити в виде одной или нескольких греческих букв, знаков, точек-наколов, на одной ручке — клеймо в виде монограммы (рис. 6). Эти амфоры, византийского происхождения [81, с. 148—149, рис. 199], широко распространены в Черноморском бассейне [89, с. 250—252, рис. 4, 5; 80, с. 515, рис. 1]. В Таврике они часто встречаются в Херсоне [77, с. 73, 74; 71, с. 336, рис. 6, 7], Бакле, Керчи с византийскими монетами, начиная с Василия I и кончая Василием Болгаробойцем (976—1025). Найдены они и в слоях Саркела хазарского периода [54, с. 244, рис. 29, 1].

Самым распространенным типом амфорной тары в Партените являются грушевидные сосуды с воронкообразным горлом и поднятыми над венчиком ручками. Они представлены несколькими вариантами. Один из них — амфоры с массивными ручками, овальным корпусом, гладкой поверхностью, округлым дном, в придонной части — желобок. Черепок темно-коричневого цвета с включениями извести и лакунами от добавок соломы. Поверхность покрыта светлым ангобом. Другой вариант — амфоры с воротничковым венчиком и частично бороздчатой поверхностью. Дно круглое, ручки массивные, широкие уплощенные, черепок темно-коричневого цвета с включением извести. На многих экземплярах встречены граффити в виде букв и знаков.

Амфоры с воронкообразным горлом широко известны в Северном Причерноморье — в Херсоне [77, с. 109, рис. 68, 1, 2], Саркеле [54, с. 244, рис. 318], Тмутаракани [53, рис. 29], на Боспоре, одна амфора поднята со дна моря близ Анапы [77, с. 110, рис. 68]. В настоящее время византийское происхождение этих амфор у большинства исследователей не вызывает сомнений. В константинопольском квартале Мангана они составляют 75 % всех найденных сосудов и датируются X—XI вв. Амфоры этого типа найдены повсеместно при раскопках средневековых памятников Болгарии (Плиска, Силистрия) [78, с. 30, рис. 2, 15; 5, 6] и Румынии (Диногетия, Мангалия) [79, с. 257—259, рис. 159]. Обращает внимание большое количество и разнообразие вариантов таких амфор в Партените сравнительно с другими центрами Таврики, в частности, Херсонесом. В меньшем количестве и фрагментарно представлены в Партените светлоглиняные амфоры X—XI вв., имеющие горло раструбом, от которого горизонтально отходят ручки с неглубокими желобками. Стенки слабо желобчатые. Черепок желтовато-белого цвета с большим количеством мелких частиц, слюды, обжиг ровный. Как уже указывалось, почти на всех группах амфор встречены граффити, прочерченные тонкой линией, изображающие различные буквы, знаки или сюжеты в виде стилизованных лодок,

кораблей, елок. Реже попадаются дипинти — на двух стенках сосудов имеются изображения креста под аркой и спиралевидного завитка, нанесенные темно-красной краской.

Наряду с амфорами в качестве тары использовались кувшины определенного типа. Это высокие с овальным стройным туловом и высоким горлом сосуды с небольшим диаметром горла и дна. Плоские в сечении ручки (так называемые "ленточные") крепились у них одним концом к середине горла, другим — к плечу. Черепок характерный, красного или красно-коричневого цвета, с примесью черных вкраплений окислов железа и пироксена. По плечикам и горлу нередко проведен линейный орнамент в виде бороздок в несколько рядов (чаще всего два-три), а ручки с внешней стороны зачастую украшены рядами наколов. Среди тарной керамики из раскопок 1986 г. эти кувшины преобладают. Они представлены несколькими вариантами, различающимися по форме и составу глины. Встречаются кувшины вытянутых пропорций с узким горлом, имеющим небольшой раструб, и относительно широкогорлые с сильно раздутым туловом. Среди них есть экземпляры толстостенные и с тонким черепком, достигающие, однако, больших размеров. Формы венчиков варьируют: 1) венчики с двумя валиками (раздутым верхним или нижним), 2) с двумя одинаковыми по размеру валиками, 3) одноваликовые (наиболее часто встречающиеся). Следует отметить, что формы венчиков в профилях весьма разнообразны — изгиб, ширина и толщина практически не повторяются, так что предложить более детальную типологию их не представляется возможным. Ручки в виде плоской широкой ленты, иногда загнутой по краям, незначительно варьируют по ширине. На некоторых из них заметны отпечатки пальцев — при изготовлении полоске глины придавали нужную форму. Отпечатки чаще сохраняются на внутренней стороне ручки, верхняя поверхность которой заглаживалась. Нижнее крепление ручки иногда оформлялось в виде трех лопастей. С внутренней стороны многие кувшины покрыты черным смолистым веществом для уменьшения водопроницаемости.

Подобные кувшины являются удобной тарой для перевозки в трюмах. Они широко распространены в крымских и приазовских городах, нередко встречаются и на поселениях этой территории. Датируются они VIII—XI вв., в последнее время датировка несколько сужена — конец IX — конец XI в. [77, с. 33, рис. 14, 4; 55, с. 74].

Центры их изготовления неизвестны. Исходя из большей по сравнению с амфорами хрупкости, места производства определяют в пределах ареала распространения — Тамань, Саркел, несколько крупных поселений на Нижнем Дону, иногда для X в. — Херсонес.

Бытовая керамика представлена шаровидными горшками с плоской ручкой, черепок у них большей частью красный, корпус гладкий или мелкорифленый. Встречены также кувшины разных размеров,

некоторые имели слив, ручка иногда с отверстием для подвешивания; миски и крышки; светильники, кувшины-ойнохои, небольшие тонкостенные кувшинчики и кубки, украшенные по плечикам полосками, арками или кругами, выполненными белой или красной краской. Подобный ассортимент обычен для средневекового Крыма (Херсон, Панае, Горзувиты). Обращает внимание почти полное отсутствие лепной керамики (ее находки единичны), а также выделяются небольшие тонкостенные одноручные горшки с нехарактерным для Крыма черепком (плотным, со множеством блесков), вероятно, служившие малой тарой, в которой привозили масла, канифоль, пряности и т.п. К импортной таре также следует отнести небольшой тонкостенный сосуд необычной формы. Он имеет низкое горло в виде трилистника, мелко-желобчатые стенки, сплюснутое с одной стороны, шаровидное тулово, образующее плоскость. Широкая плоская ручка с отверстием в верхней части отходит от венчика и крепится несколько выше дна, под нею, у дна, находится вторая маленькая петлевидная ручка, прикрепленная горизонтально (рис. 7).

Многочисленны находки византийской поливной керамики, покрытой свинцовой светло-желтой или зеленой пятнистой поливой. Она представлена различными формами: открытыми чашами на кольцевом поддоне с рельсовидными венчиками, вазами на высоком поддоне с петлевидными ручками, чашами или курильницами на высоком прорезном поддоне. Изящные по формам, покрытые блестящей свинцовой глазурью, они нередко украшались штампованным рельефным орнаментом — различные звери и птицы, помещенные в медальонах, или подглазурной росписью марганцем. Некоторые из перечисленных форм имели крышки — это относится почти ко всем сосудам с рельсовидным венчиком. Кроме сравнительно крупных сосудов встречены небольшие тонкостенные чашечки, кубки. Часть сосудов была расписана под глазурью красной и коричневой красками, тулово некоторых сосудов было украшено вертикальными вмятинами, придававшими поверхности гофрированный вид, иногда вмятины подчеркивались врезными полосками. Вмятины так же, как и рельефные штампы, как приемы украшения керамического сосуда генетически связаны с декором металлической посуды. Поливная посуда IX—X вв. пришла на смену парадной металлической посуде, имитировала последнюю и воспроизводила наиболее эффектные ее черты. В IX—X вв. эта керамика была особенно популярна в византийских городах, откуда развозилась в различные области империи [84, с. 36—49; 90, табл. XIX, XX].

Особо следует отметить находки расписной белоглиняной посуды, принадлежащей к малоизвестному и недостаточно изученному виду византийской керамики. В самой Византии она появляется в IX в. [85, с. 17; 88, с. 38, 58; 84, с. 67]. Видное место в ней занимают сосуды с изображениями животных. На таких чашах и блюдах централь-

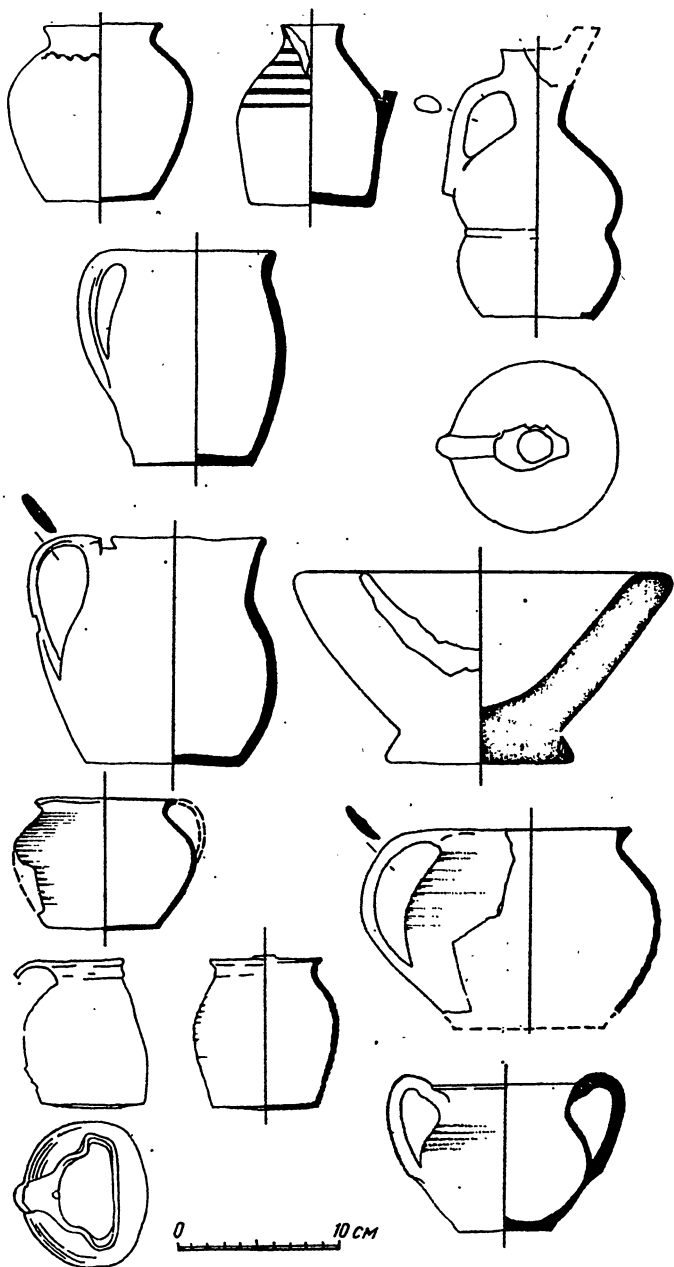

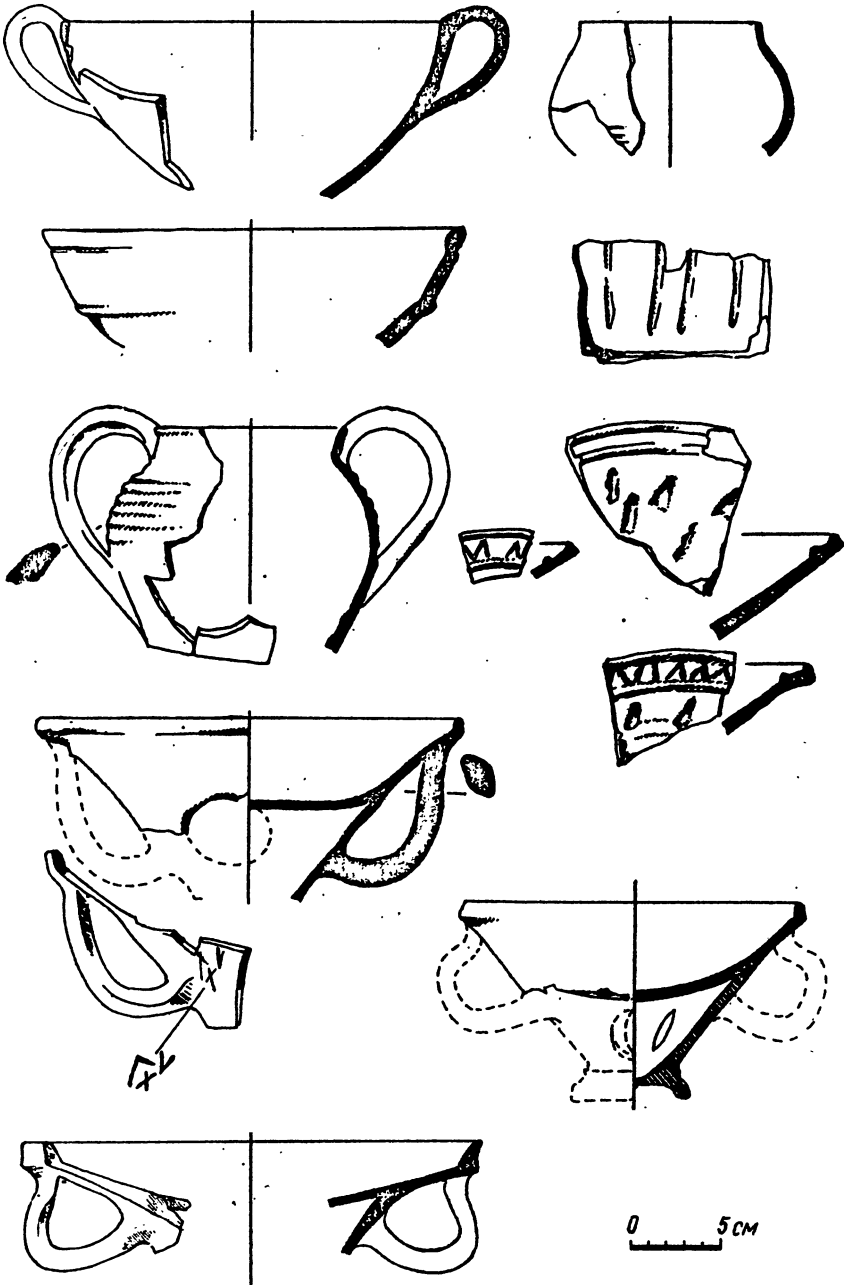
Рис. 7. Столовая и кухонная посуда

ные медальоны заняты изображениями полуфантастических зверей с пятнистыми шкурами. Чаще всего это существа кошачьей породы — лев, пантера, реже встречаются изображения парнокопытных, но с такими же пятнистыми шкурами. На фрагменте чаши на кольцевом поддоне из Партенита в центральном медальоне помещено изображение лани. Медальон окружают две полосы и орнамент в виде спиралевидных завитков (пальметы). Контуры отличаются четким рисунком чернокоричневого цвета, нанесенным кистью. Само изображение лани выполнено в трехцветной гамме — коричнево-желто-розовой (рис. 8). Ближайшей аналогией этой находке является фрагмент блюда X в. с изображением головы лани, найденный в Херсонесе [24, с. 27].

Другую группу поливной керамики составляют красноглиняные сосуды (преимущественно миски, тарелки, блюда, кувшины) (рис. 9), украшенные врезным орнаментом по белому ангобу под кроющей свинцовой поливой светло-желтого или светло-зеленого цвета. Эта керамика широко распространена в Таврике в XII—XV вв. Партенитские находки можно подразделить на ряд хронологических и стилистических групп. Следует отметить поливные блюда XII в. с сюжетным рисунком, выполненным выемчатой техникой. Центром изготовления подобных сосудов считают города западного побережья Малой Азии (Пергам) и Греции [84, табл. LIII, 77, с. 131]. Почти все находки поливных сосудов IX—XII вв. Партенита привозные. Центры производства этой праздничной посуды пока не открыты, но самые большие ее серии происходят из Константинополя, Коринфа, Азии и городов западного побережья Малой Азии [84, с. 37, 42—45, 54—56, 162—164, рис. 24, 29, 30, 32, 36, 37, 225, табл. V, XV, XVII, XVIII, XXI, LI, LIII; 86, рис. 28, 29; 88, табл. 21—25].

Из других керамических изделий встречены грузила, пряслица различной формы — биконические, круглые, в виде колесика. Последние украшались треугольным штампом, расположенным по кругу или радиально. Найдены пряслица, изготовленные из стенок амфор. Что же касается строительной керамики — черепиц, плинфы, то в количественном отношении ее найдено много, но, к сожалению, в очень фрагментированном состоянии. Керамиды по форме не отличаются от более ранних образцов, однако заметно уменьшение размеров (по реконструируемым керамидам они имели стандарт 40—38 x 36—34 см). На них также имеются метки в виде букв, знаков и изображений животных и всадников.

Значительное место среди находок составляют изделия из стекла. По функциональному признаку они подразделяются на две основные группы — сосуды и украшения. Кроме того, следует отметить фрагменты круглого оконного стекла. Сосуды изготовлены из голубоватого или зеленоватого стекла. Судя по сохранившимся фрагментам, они представлены различными бокалами, стаканами, лампадами

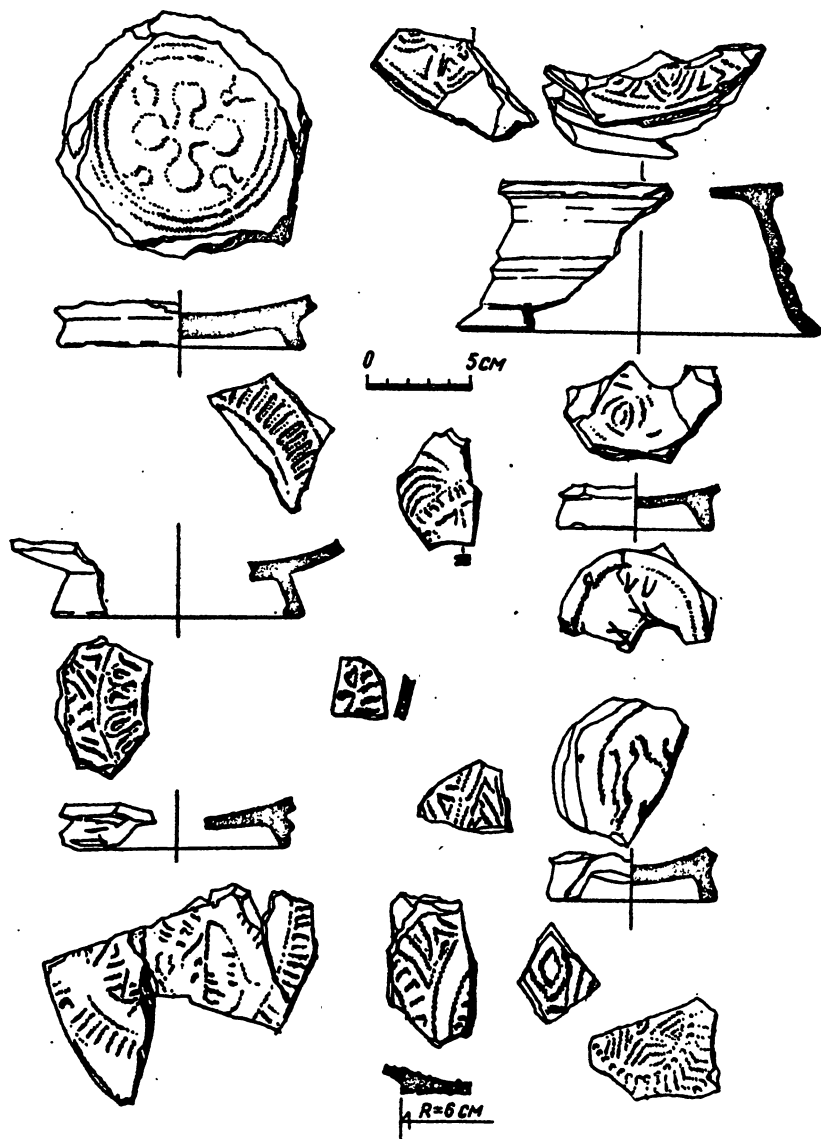
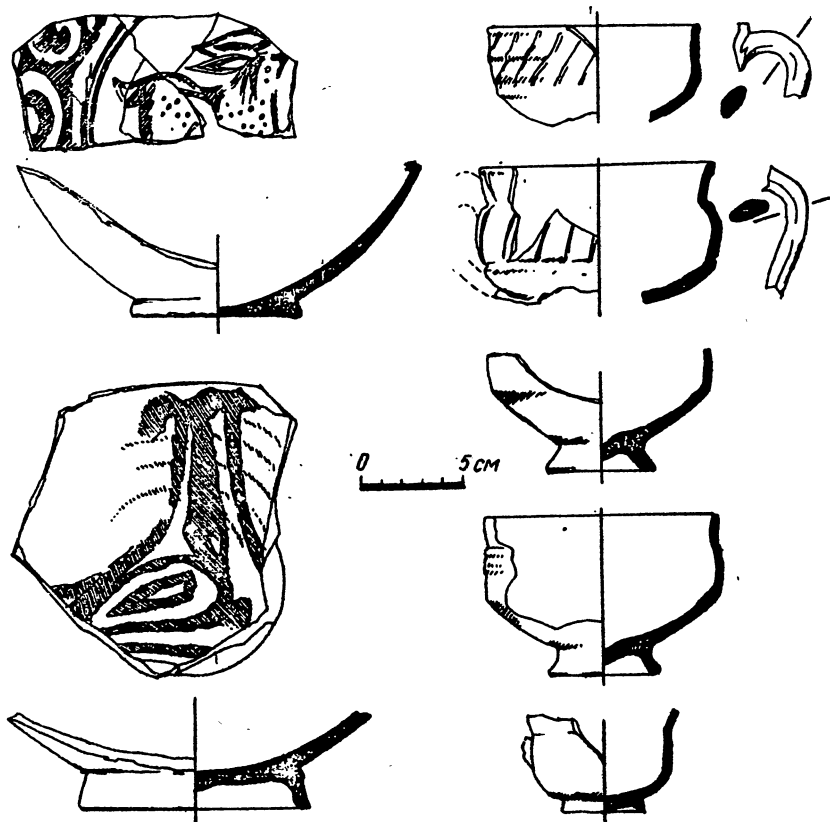

Рис. 8 (а, б, в). Белоглиняная поливная керамика, украшенная росписью или рельефным штампом

с более или менее отогнутым наружу венчиком на кольцевом поддоне, рюмкообразной ножке или с округлым доньшком. Отдельные сосуды были украшены "налепными" стеклянными полосками, волнообразны-

Окончание рис. 8

ми тонкими нитями того же или цветного (в частности, синего) стекла. На отдельных фрагментах имеются небольшие ушки, напаянные на тонкой стеклянной нити. Подобные ушки служили для подвешивания сосудов типа лампадок, имевших форму стакана с округлым дном.

Стеклянные украшения, за исключением небольшого количества пастовых бусин, представлены браслетами. Они изготовлены в основном из синего стекла, единичные экземпляры — из зеленого или коричневого. По сечению браслеты можно разделить на группы: плоско-выпуклые (или, как еще их называют, сегментовидные), круглые и прямоугольные. Преобладают изделия первой группы. Единичны находки витых браслетов. Все типы таких браслетов широко распространены в византийских городах Северного Причерноморья в IX–XII вв. Большая часть найденных стеклянных изделий принадлежит византийскому импорту X–XII вв. [35, с. 136; 66, с. 374, 375].

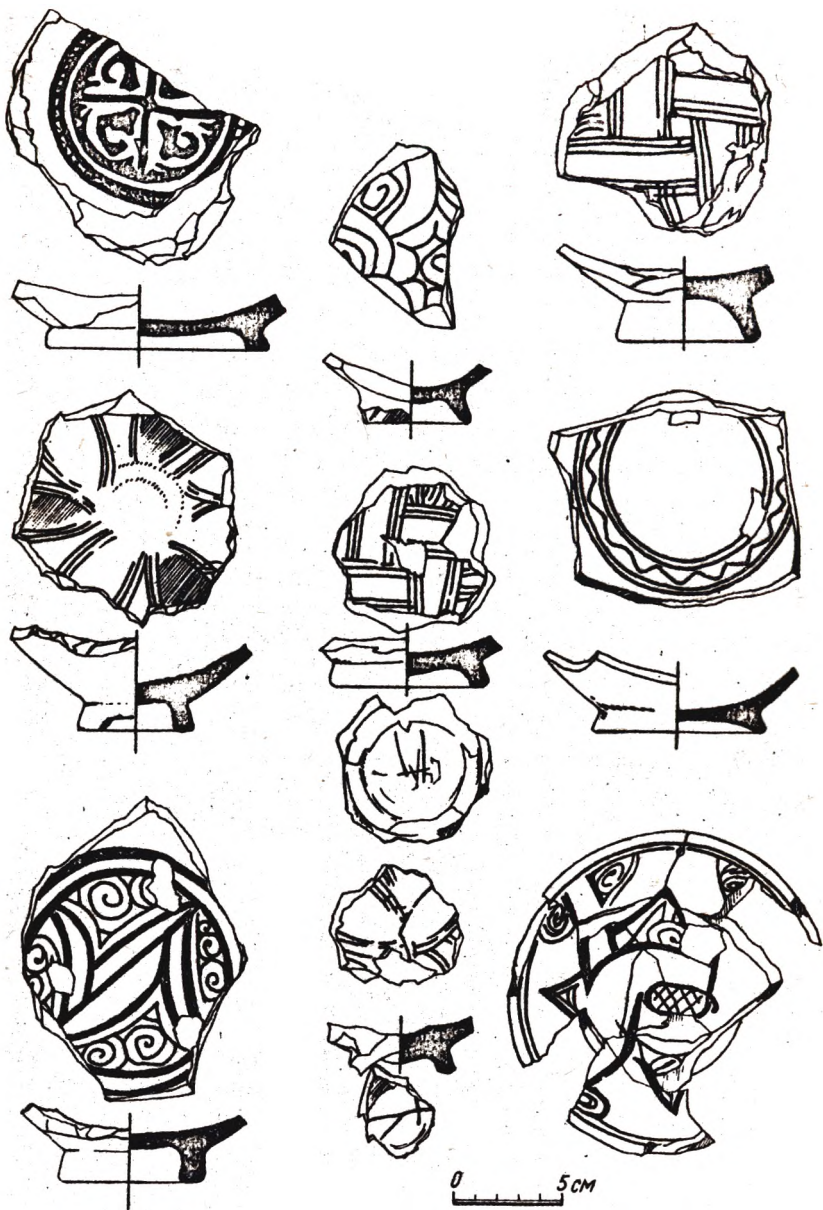

Рис. 9. Красноглиняная поливная керамика, украшенная врезным орнаментом

Из других украшений следует отметить костяные закладки и обкладки, украшенные "коптским глазом", характерные для IX—X вв.

Металлические изделия представлены железными коваными гвоздями, фрагментами замков, дверными петлями для последних, бронзовыми рыболовными крючками различных размеров, проволочными кольцами и серьгами, перстнями, свинцовой печатью — моливдовулом, фрагментом креста — энколпиона с изображением евангелиста в медальоне, бронзовыми монетами Константина Багрянородного 920—944 гг., Иоанна Цимисхия (969—976), анонимным фоллисом константинопольского монетного двора 1042—1050 гг., херсонской монетой времени императора Романа IV (1067—1071).

Третий строительный горизонт в основном повторяет планировку предыдущего. Отдельные усадьбы перепланировались. Так, например, была засыпана выложенная каменными плитами площадка с лестницей, соединяющей две террасы, в результате чего площадка верхней расширилась. Следует сказать, что на данном участке полной картины застройки XII—XIV вв. мы не имеем, так как она сильно пострадала в результате позднейшей хозяйственной деятельности.

В культурных слоях этого времени найдено значительное количество археологического материала. Из строительной керамики преобладает черепица — керамиды, калиптеры почти не встречаются. Керамиды по форме повторяют черепицы предшествующего времени, их размеры 42—40 x 36—34 см. Черепок темно-красный, иногда с лиловым оттенком. Встречаются керамиды со светлой ангобированной поверхностью. Интересно отметить, что среди меток больше аналогий херсонесским. Пифосы этого времени небольших размеров (высота 0,9—1,1 м) с яйцевидным или шарообразным туловом. На некоторых имеются граффити в виде букв или монограмм. Среди керамического материала преобладают амфоры веретенообразной формы с массивными овальными в сечении ручками, высоко поднимающимися над узким горлом и с резким перегибом опускающимися на плечи. Венчик воротничковый, иногда нечетко выраженный. По черепку и поверхности тулова различаются два варианта: 1) пористый черепок коричневого цвета с примесью частиц извести, поверхность бороздчатая; 2) светлый пористый черепок, поверхность слабо желобчатая. Значительный процент приходится на круглодонные амфоры с дуговидными, овальными в сечении ручками, имеющими овальный венчик, грушевидный, сильно раздутый корпус с желобчатой поверхностью, покрытой светлым ангобом. Встречены здесь также плоскодонные амфоры с бочковидным гладким туловом и уплощенными ручками, прямым венчиком с заокругленными краем, иногда небольшим раструбком или "воротничком", с ангобированной поверхностью. Плечевая часть украшена линейно-волнистым орнаментом, черепок плотный с включениями извести, обжиг ровный. Характерной особенностью этих сосудов является бугристая внутренняя поверхность. Эти амфоры принадлежат, по мнению

отдельных исследователей, херсонесскому производству, они особенно распространены там в слоях XIII—XIV вв. [77, с. 113, рис. 69, 2—3; 2, с. 95, рис. 27—29]. Встречены здесь фрагменты крупных трехручных сосудов, тулово которых украшено налепным валиком с насечками, а горло и венчик валиками с пальцевыми вдавлениями. Подобные сосуды найдены в Херсонесе [2, с. 113, рис. 69, 8—9], Эски-Кермене [62, с. 281, рис. 3].

Поливная керамика представлена многочисленными фрагментами красноглиняных мисок с вертикальным бортиком, тарелок и чаш на кольцевом поддоне и небольших кувшинчиков. В основной массе сосуды украшены врезным геометрическим или стилизованно-растительным орнаментом под желтой или зеленой кроющей поливой, иногда с подкраской окислами металлов. Подобные сосуды широко распространены в Таврике в слоях XIII—XV вв. — Херсон, Алустон, Сугдея [77, с. 83—87; 44, рис. 56, 57, 66—76; 10, табл. 5—8]. Аналогии ей имеются и в золотоордынских памятниках других районов — Старом Орхее [1, с. 99], средневековом Белгороде [33, с. 65—70, рис. 25—27; 34, с. 179—190]. Несмотря на то, что непосредственно печей, изготовлявших поливную керамику, пока не найдено, многие серии этих сосудов относятся к местному производству Таврики, о чем свидетельствуют находки брака, заготовок (мисок и тарелок, покрытых ангобом и украшенных врезным орнаментом, но еще не покрытых поливой), подставок для обжига. Не исключено, что отдельные серии изготавливались в Партените. Условия для этого имеются (наличие пригодных глин и воды). У подошвы восточного склона Аю-Дага известен карьер для выборки глины, которым пользовались в XVII—XVIII вв. Для решения вопросов о местном производстве необходим сравнительный анализ таврических серий поливной посуды.

Самый поздний строительный горизонт, зафиксированный на данном участке, сохранился крайне фрагментарно. Это остатки северо-восточного угла помещения (юго-западная часть срезана строительным котлованом). Он врезан в склон, а точнее — в обширный каменный развал остатков предыдущего строительного горизонта. Кладка стен выполнена из плоского бута без четкой порядовки. Пол помещения глинобитный, на его уровне у восточной стены найден железный круглодонный котел и пять монет Крымского ханства середины XVI в.

Другой частично открытый дом находился в восточной части раскопа. Его северо-восточный угол перекрывает ранние строительные остатки, остальная часть уходит в борт строительного котлована. Вход в помещение находился в восточной стене. Перед домом имелась площадка, огороженная небольшой стеной. Здесь были зачищены два пятна белой и красной глины, севернее обнаружена яма, обложенная с трех сторон мелкими камнями и заполненная хорошо отмученной глиной, приготовленной для работы. Весь этот комплекс датируется серебряными монетами 1550—1577 гг.

Раскопки памятника еще далеко не завершены. Тем не менее, даже на сравнительно небольшой площади получен важный археологический материал, дающий ценную информацию. Прежде всего, он достаточно велик в количественном отношении (коллекция насчитывает свыше трех тысяч предметов различного назначения) и многообразен. Среди находок есть изделия как местного крымского производства, так и византийского, и малоазийского импортов. Среди них имеются экземпляры, ранее неизвестные в Таврике или встречаемые крайне редко — граффити и дипинти на керамической таре и поливных сосудах, клейма на амфорах, надписи на пифосах, метки и знаки на строительной керамике. В большей своей части материал стратиграфически увязан со строительными горизонтами и культурными слоями, что еще больше повышает его информативность.

Результаты археологических исследований "торжища в Партениках" с неизбежностью ставят вопрос, что же представляет собой этот средневековый населенный пункт — город, поселение, богатое монастырское поместье, посад вокруг замка? В исследовании провинциальных византийских городов ряд проблем не получил до сих пор однозначного решения, что объясняется прежде всего недостаточностью письменных источников, особенно по раннему периоду (VII—IX вв.). Это обстоятельство придает археологическому материалу первостепенное значение.

Византийское общество пережило сложную и длительную эпоху перехода от античности к феодализму. Советские исследователи определяют первую раннефеодальную фазу развития византийского общества IV—VI — концом XI — началом XII в. И этот процесс наряду с общими закономерностями имел в различных районах империи свои специфические черты. В связи с этим изучение каждого конкретного города имеет особое значение. Оно связано с дискуссионным вопросом о масштабах сохранения античных городов в раннефеодальной Византии, о том, в какой мере византийский феодальный город рождался преемственно от античного в результате внутренней трансформации и в какой мере он был новообразованием.

Традиционная точка зрения на проблему возникновения городов сводится к тому, что город в Византии сохраняет значение административного, военного, религиозного и культурного центра, унаследованное от античности. Не что иное как подобная полифункциональность обеспечивала непрерывность существования города как такового, хотя в период, переходный от античности к средневековью, и наблюдается известная аграризация его экономики [64, с. 27]. Это положение базируется на фундаментальном исследовании письменных источников и отдельных памятников. Однако новый археологический материал, полученный в результате раскопок малых и средних городов, позволяет несколько иначе взглянуть на византийский город переходного периода. Ценность археологических данных, в частности, заключается в

том, что они показывают масштабы социально-экономических процессов, в то время как письменные источники освещают единичные факты или события. В последние годы, когда объектом целенаправленных раскопок стали и крупные, и малые города, полученный материал позволяет проследить эволюцию каждого из них на протяжении нескольких столетий.

Как уже отмечалось, раскопками открыты — в большей или меньшей степени — строительные горизонты, соответствующие основным этапам существования Партенита. Материалы этих раскопок дают конкретные данные для решения спорного вопроса — приложимо ли понятие "город" к исследуемому памятнику. Как социально-экономическое явление город определяется рядом конкретных факторов, из которых важнейшими являются наличие укреплений вокруг поселения, четко выраженное отделение ремесла от сельского хозяйства, устойчиво зафиксированное доминированием транзитной торговли, либо сочетание того и другого. Несмотря на то что каждый город имел свою судьбу, в развитии византийских городов можно найти как общие тенденции, так и отличия, характерные для этого процесса в различных регионах.

В развитии византийского города в настоящее время различают три этапа [38, с. 100]. Первый этап — IV—VI вв. — византийский город, полученный в наследство от античности, медленно деградирует. Сохранение старого античного города в новых общественных условиях объясняется преемственностью и развитием византийского общества при сохранении сильной государственности, но и она не смогла остановить начавшийся процесс. В Византии — "стране городов" — от античности их сохранилось несколько десятков.

Второй этап — VII — середина IX вв. — время упадка византийских городов, наблюдаемого почти на всей территории империи. Большинство городов деградировало до "негородского состояния". Даже в крупных городах VII — начала IX в. не было развито массовое производство на вывоз. Города этого времени существовали преимущественно как региональные центры торговли или прямого обмена продуктов производства своего региона преимущественно на продукты сельского хозяйства. Обедневшие колонны устремляются в монастыри и деревни. Именно с процессом нараставшего обеднения населения городской общины связаны расширение домашнего производства в деревне, рост церковной собственности и монастырей. Аграризация городов плюс внешние вторжения и разрушения — основные причины упадка городов этого времени [65, с. 44]. Археологические исследования конкретных памятников показали, что многие византийские города в течение VII в. были восстановлены, а их дальнейший упадок был результатом последовавшей собственной эволюции.

Третий этап — X—XI вв. — эпоха становления византийского феодального города. С конца IX в. наблюдается оживление городской

жизни, а с конца X в. — подъем и расцвет провинциальных городов Византии, численность которых в XII—XIII вв. значительно возрастает.

Массовое возрождение провинциальных городов связано с имущественной дифференциацией деревни, обеднением и разорением крестьян и уходом последних с земли, концентрацией земель в руках днагов, церкви, монастырей, что вело к развитию различных форм феодальной зависимости. В X в. наблюдается стремительный рост светского, частного и особенно церковно-монастырского землевладения. Средневековый город поднимается вместе с ростом потребности феодалов в обмене продукции их хозяйств на иные товары. Попытаемся с этих позиций, то есть общих тенденций развития византийского города суммировать накопленные сведения о Партените.

Из письменных источников (в основном византийской агиографии) известны следующие факты. Во-первых, на южном побережье Таврики с середины VIII в. существуют две епархии — Готская и Сугдейская. Во-вторых, в это время наблюдается интенсивный приток иконопочитателей в Крым. В-третьих, имеется "торжище в Партенитах", которые были родиной, а позднее и резиденцией епископа Готской епархии Иоанна Исповедника — иконопочитателя, родители которого были малоазийскими эмигрантами. Из жития также известно, что Иоанн, глава разгромленного антихазарского восстания, основывает у себя на родине монастырь, снабжает его богатыми сосудами и книгами.

По археологическим данным у подножия Аю-Дага находится монастырь с трехнефной трехапсидной базиликой, богато украшенной резным мрамором и мозаичными полами, неоднократно разрушавшейся и восстанавливавшейся. На восточной окраине Партенитской долины с VII в. существует крупное поселение, основой хозяйства которого было рыболовство, садоводство, огородничество. В частности, было развито виноделие, о чем свидетельствуют находки каменных давяльных прессов, раскопанные домашние винодельни с давяльнями, стоками и отстойными ваннами, а также наличием в каждой усадьбе по 7—9 пифосов емкостью по 450—650 литров, указывающие на товарный характер производства. Судя по отдельным случайным находкам поселение занимало почти всю прибрежную полосу котловины, но основная его часть размещалась в восточной ее половине, на склоне одного из холмов Тепелера.

Таким образом, у нас нет ни сведений письменных источников, ни археологических данных считать Партенит VII—IX вв. городом. В это время могли складываться только исторические предпосылки для перерастания отдельных крупных поселений в города.

Борьба иконоборцев и иконопочитателей, разделившая всю Византийскую империю на два лагеря, в различных формах длилась в течение VIII — первой половины IX в. Это сложное явление, возникшее в 20-х гг. VIII в. при императорах сирийской династии, отразилось на

византийских провинциях. Так, приток в Крым нового населения способствовал экономическому подъему края. С иконопочитательской волной связано возникновение новых монастырей в Таврике, окончательная победа христианства, дальнейшее и более ускоренное развитие феодальных отношений, появление крупной земельной собственности. Наиболее богатыми были монастыри в Партенитах и Симеизе. Не исключено, что и первоначально центр Готской епархии находился именно в Партенитах — резиденции ее епископа. Этому могло способствовать выгодное географическое положение — центральная часть Крымского полуострова (середина морских путей, связывающих восточную часть Черного моря с западной), кратчайший путь по прямой в Константинополь, удобная бухта, хороший ориентир для моряков — гора Аю-Даг, местоположение между двумя известными с VI в. византийскими крепостями — Алустанов и Горзувитами, плодороднейшая долина. Находки вислых свинцовых печатей VIII в. — моливдовулов, почти не встречаемых при раскопках сельских поселений Таврики, свидетельствуют, что именно здесь, в Партенитах, было средоточие деловых связей.

Партенит в ранний период своего существования (VII–VIII вв.) представлял собой крупное богатое поселение, или, возможно, группу поселений во главе с феодальным сеньором в лице монастыря. Раскопками зафиксирована гибель усадеб от сильного пожара, датируемого по керамическому материалу VIII в., что можно связать с хазарским разгромом после подавления восстания. Однако поселение быстро восстанавливается, усадьбы отстраиваются, сохраняя прежнюю планировку, незначительно увеличивая площадь жилых помещений. Выгодное положение, плодородная долина и морская торговля способствовали быстрому восстановлению и экономическому подъему Партенит в условиях византийско-хазарского двоевластия.

Проникновение хазар в Таврику происходило постепенно с начала VIII в. [73, с. 39; 9, с. 152] и носило относительно мирный характер. Несмотря на столкновение византийских и хазарских интересов в Крыму отношения между Византией и Хазарией на протяжении VIII в. были дружественными — в 729 г. г.Константинополь направил в Хазарию посольство, в 732 г. союзные отношения закрепляются женитьбой Константина V на дочери кагана, хазарское вторжение на Кавказ в 730 г. помогло империи вернуть Абхазию и удержать Лазику. Важную роль Хазария играла и в византийской торговле, снабжая империю золотом с Урала и шелком из Китая, восполняя потерю Египта и Сирии. Византия предпринимала попытки внедрить христианство в Хазарию. Иудаизм широко распространился в Хазарии только с IX в., а в VIII в. религиозная ситуация была сложной и неустойчивой. Среди населения распространялись и христианство, и иудаизм, а после поражения от арабов в 737 г. хазары были вынуждены ненадолго принять мусульманство [70, с. 12]. Иконоборческая борьба, ослабившая Византию, привела к уси-

лению хазарской экспансии в Крыму. На какое-то время плодородные речные долины Таврики стали предметом раздоров между хазарами и византийскими монастырями, в свою очередь находившимися в оппозиции к императорской власти. Движение иконоборцев использовало в своих целях различные классовые силы, вследствие чего его социальная окраска неоднократно менялась. Утверждение хазар в Таврике в конце VIII в. привело к изоляции Херсона и дало толчок для самостоятельного развития других районов, в частности, южнобережного. Об этом свидетельствует письмо хазарского кагана Иосифа, в котором говорится о крымских городах, находившихся под его контролем; где Партенит (Б—р—т—нет) отмечен в числе других городов (Боспор, Корчев, Судак, Алустон, Мангуп, Гурзуф и др.). Идриси, описавший Черноморское побережье в 1154 г., говорит о Партените как о густо населенном городе, расположенном между городами Гурзуфом и Ламбатом.

X в. знаменует собой возникновение и расцвет городов как на востоке, так и на западе. Так, в Колхиде многие крупные винодельческие поселения вырастают в города. На западе образуются региональные союзы городов — в Далмации до XI в. существовал союз далматинских городов во главе с лидером — Задаром [82, с.111—128]. Вполне возможно, что цепочка городов, тянувшихся вдоль крымского побережья — Горзувиты, Партенит, Ламбат, Алустон, также могли представлять собой некий союз во главе с Алустоном. Главный город являлся резиденцией византийского наместника — проконсула, стратига или катепана. Причиной выбора главного города могло послужить сохранение епископальной организации — возможно, после разрушения Партенитского монастыря в X в. центр Готской епархии переносится в Алустон или, как полагал А.Л.Бертье-Делагард, на север в связи с расширением Готской епархии [12, с. 41—49]. Нам кажется, что экономическому подъему Партенита также способствовала победа иконопочитателей в Византии в 843 г., усилившая роль патриархов в политической жизни страны. Партенит — верный оплот иконопочитательства — быстро восстанавливает прежние торговые связи с метрополией, о чем свидетельствуют находки византийских монет, печатей, а также ранних образцов константинопольской белоглиняной керамики — расписной и с рельефными штампованными изображениями.

С 80-х гг. X в. влияние Византии в Таврике усиливается. Именно на этот период приходится самый большой процент константинопольского импорта — амфор, столовых сосудов, поливной художественной керамики, стеклянных сосудов и браслетов.

Небезынтересно сравнить также массовые керамические находки из Партенита, полученные в результате последних раскопок, с аналогичным материалом сельских поселений Таврики. Такие довольно крупные приморские населенные пункты, как комплексы поселений Ласпи,

Симеиза, Гурзуфа, урочища Сотеры [48, с. 183–186; 49, с. 56–57; 50; 51] не дают такого количества импортной тарной керамики и парадной посуды, как Партенит. Нигде нет, в частности, такого количества прекрасных образцов белоглиняных поливных расписных и украшенных рельефным штампом ваз. Подобные находки в названных поселениях исчисляются единицами и почти полностью отсутствуют в горных поселениях Таврики [75, с. 39–56]. В количественном отношении вышеуказанный материал из Партенита сопоставим с материалами таких городов-портов, как Херсон, Алустон, Сугдея.

Раскопками зафиксировано значительное разрушение строений в X в. Характер разрушений свидетельствует, скорее, о стихийном бедствии — землетрясении, сель. После этого город вновь отстраивается, но его планировка резко меняется — уплотняется застройка. По склону холма взбираются дома, отделенные один от другого узкими проулками, террасы расширяются, укрепляются подпорными стенами, вдоль террас прокладываются улицы. Очевидно, к Партениту, начиная с X в., уже вполне применим термин "город", хотя провести четкую грань между небольшим городом и крупной деревней достаточно сложно. Одним из основных признаков города для многих исследователей является наличие крепостных стен. Однако Г.Г.Литаврин, рассматривая вопрос о провинциальном византийском городе, приводит письменные источники, согласно которым сами византийцы не придавали этому признаку существенного значения. Так, согласно Евстафию Ромею (юрист XI в.), большинство провинциальных городов не имеет стен, либо не имеет их со стороны моря, если это прибрежный город. По сообщению посла Оттона I, епископа кремонского Лиутпранда, многие византийские города стен не имеют, и Никифор II (963–969) повелел возвести стены вокруг множества городов восточных провинций с целью обезопасить созданные в них крупные склады продовольствия для войска. "Не стены сделали эти города — городами" [41, с. 7–8]. Это высказывание может быть применимо и к Партениту, хотя совершенно не исключено, что его городская территория могла быть как-то укреплена, особенно с северной, уязвимой стороны. Выше говорилось о сложности выяснения оборонительной системы города. Партенит мог иметь и естественную защиту, так как холмы Тепелер оканчивались крутыми утесами на востоке — к морю и на западе — к реке. Можно предположить, что обрывистые утесы были укреплены каменными стенами, сложенными насухо и впоследствии разрушенными карьером или еще ранее разобранными жителями для жилых построек. Остатки укреплений X–XV вв. на плоской вершине Тепелера, где производились только разведочные работы [59, с. 102; 29, с. 258], также могли быть связанными с защитой Партенита.

Главной экономической функцией византийского города было превращение натурально-хозяйственного продукта в товар. В городе сосредоточивались администрация и духовенство. Партенит доминиро-

вал над округой, где разведками зафиксировано существование нескольких поселений — двух на юго-восточных склонах Аю-Дага, одного на месте поселка Лавровое (бывш. Куркулет) и два поселения с укреплением на месте с.Запрудное (бывш. Дегерменкой). Ремесленники могли быть сосредоточены в монастыре и около него, главной функцией Партенита была морская торговля. Таким он оставался до XVI в., о чем свидетельствуют письменные источники (Идриси, портоланы). По археологическому материалу (в основном амфорная тара) расцвет торговли с Константинополем приходится на правления императоров македонской династии и Комнинов.

После крестовых походов, ослабивших Византию, ее влияние в Таврике заметно уменьшается. С утратой Византией контроля над Боспором в XIII в. Черное море оказалось открытым для торговых связей стран Западной Европы — особенно Северной Италии. Это подтверждается находками в Партените итальянской поливной керамики. С установлением господства на Черном море генуэзцев, когда за ними с 1380 г. закрепляется побережье от Чембало до Каффы, Партенит сохраняет значение важного торгового порта, о чем свидетельствуют упоминания его в генуэзских документах и портоланах. Важное место в согласовании внутричерноморских и мировых связей занимала генуэзская Каффа, в которой концентрировались продукты промыслов аграрного и скотоводческого хозяйств всей Таврики в целях последующего экспорта, а также распределялась импортная продукция во все страны черноморского региона.

В реализации этих функций Каффа опиралась на сеть крупных и мелких пунктов, служивших складо-перевалочными местами на пути дальнейшего продвижения товаров [23, с. 77]. В ряде этих пунктов оформился консулат, подчинявшийся Каффе, в некоторых находились временные консульские представительства. Из устава для генуэзских черноморских колоний, изданном в Генуе в 1449 г., известно, что в Партените находилось консульство, причем при вступлении в должность его чиновник обязан был платить 4 сонма — ровно столько же, сколько платил чиновник консульства Херсона и Боспора и вдвое больше, чем чиновники Алушты и Ялты.

Во второй половине XV в. Каффа перестает быть монопольным центром сбора местной продукции. Последствием этого было выдвигание ряда центров, расположенных по всей береговой линии Черного моря. Судя по картам и портоланам, Партенит не утратил своего значения торгового порта.

Завоевание Крыма турками ознаменовалось погромами и пожарами. Такая же участь постигла и Партенит. Однако после пожара он восстанавливается и продолжает достаточно интенсивно развивать ремесла, в частности, гончарное. Раскопками зафиксирован пожар, относящийся ко второй половине XVI в. (датирован монетами 1550–1575 гг.), прослеживаемый почти по всей территории раскопанной

площади. После пожара Партенит восстанавливается в виде небольшого поселка. К XVII в. он утрачивает бывшее значение, и поздние портоланы упоминают его среди других "незначительных мест" побережья.

На протяжении нескольких столетий Партенит являлся неотъемлемой частью греко-византийского мира. Его повседневная жизнь сформировалась под влиянием Византии, ее политического, социального и военного устройства, церковной практики, правового мышления, денежной системы и т.п. С другой стороны, будучи одним из населенных пунктов Таврики — центральной части Северного Причерноморья, являвшейся контактной зоной для различных по этносу и экономическому базису обществ, — Партенит не мог не воспринять многие стороны их жизни. Археологические исследования Партенита еще далеки от завершения, они лишь намечают круг вопросов его истории, требующих дальнейшего всестороннего изучения.

1. *Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А.* Древности старого Орхея, золотоордынский период. — Кишинев : Штиинца, 1981. — 100 с.
2. *Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И.* Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. — 1971. — Вып. 7. — С. 81—101.
3. *Артамонов М.И.* История хазар. — Л., 1962. — 521 с.
4. *Бабенчиков В.П.* Из истории Крымской Готии // ИГАИМК. — 1935. — Вып. 117. — С. 146—151.
5. *Бабенчиков В.П.* Средневековое поселение близ с.Планерское (раскопки 1949—1951 гг.) // КСИИМК. — 1953. — Вып. 49. — С. 104—116.
6. *Бабенчиков В.П.* Средневековая гончарная печь в Мискоре // КСИА. — 1957. — Вып. 7. — С. 111—112.
7. *Багров Л.* Перечень древних карт Черного моря. — Пгр., 1914. — 119.
8. *Баранов І.А.* Нові середньовічні пам'ятки на горі Аю-Даг // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. — Київ : Наук. думка, 1972. — С. 250—253.
9. *Баранов И.А.* О восстании Иоанна Готского // Феодалная Таврика. — Киев : Наук. думка, 1974. — С. 151—162.
10. *Баранов И.А.* Отчет об археологических раскопках в Судакской крепости в 1985 г. // НА ИА АН УССР. — 1985. — 12 б.
11. *Бейлис В.М.* Ал Идриси о портах Черноморского побережья и связях между ними // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. — Ростов-на-Дону, 1988. — С. 67—76.
12. *Бергье-Делагард А.Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. — 1920. — № 57. — С. 3—134.
13. *Браун Ф.А.* О крымских готах. — СПб., 1890. — 391 с.
14. *Мартин Броневский.* Описание Татарии // ЗООИД. — 1867. — Т. VI. — С. 333—368.
15. *Брун Ф.К.* Черноморье. — Ч. I. — Одесса, 1879. — 277 с.
16. *Брун Ф.К.* Черноморские готы и следы долговременного пребывания их на юге России // Черноморье. — Ч. II. — Одесса, 1880. — 408 с.
17. *Васильев А.А.* Готы в Крыму // ИГАИМК. — 1927. — Т. V. — С. 179—282.
18. *Васильевский В.Г.* Житие Иоанна Готского // ЖМНП. — Янв. 1878. — С. 86—154.

19. *Васильевский В.Г.* Труды. — Т.П. — Вып. 2. — 122 с.
20. *Гаркави А.Я.* Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе // Тр. IV АС. — Казань, 1891. — Т. 2.
21. *Древнейшие акты константинопольского патриарха, относящиеся к Новороссийскому краю* // ЗООИД. — Т. VI. — 1867. — С. 445—473.
22. *Домбровский О.И.* Средневековые поселения и "исары" крымского южного бережья // Феодальная Таврика. — Киев : Наук. думка, 1974. — С. 5—55.
23. *Емаков А.Г., Попов А.И.* Торговля на Черном море в XIII—XV вв. // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. — Ростов-на-Дону, 1988. — С. 76—87.
24. *Залеская В.Н.* Византийская белоглиняная расписная керамика. — Гос. Эрмитаж. — Каталог выставки. — Л., 1985. — 52 с.
25. *Зенкович В.П.* Берега Черного и Азовского морей. — М., 1958. — 374 с.
26. *Караулов Г.Э.* Недавняя археологическая находка в Крыму (древний христианский храм, открытый художником Струковым в Партените в октябре 1871 г.) // ЗООИД. — 1872. — Т. VIII. — С. 308—317.
27. *Каталог карт, планов, чертежей, рисунков, хранящихся в музее Одесского общества истории древностей.* Сост. А.Л.Б.—Д. — Одесса : Тип. А.Шульце, 1888.
28. *Кеппен П.* Крымский сборник (о древностях южного берега Крыма и гор Таврических). — СПб., 1837. — 409 с.
29. *Когонашвілі К.К., Махнюва О.А.* Роботи в Парте́ніті // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. — С. 257—260.
30. *Кокощев П.К.* Европейско-хазарская переписка в X в. — Л., 1932. — 135 с.
31. *Кондараки В.Х.* Важная археологическая новость в Крыму // Одесский вестник. — 1871. — № 280.
32. *Кондараки В.Х.* Универсальное описание Крыма. — СПб., 1875. — Ч. XIV. — 235 с.
33. *Кравченко А.А.* Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII—XIV в.). — Киев : Наук. думка, 1986. — 125 с.
34. *Кравченко А.А., Столярик Е.С.* Керамика византийского круга из Белгорода XIII—XIV в. // Материалы по археологии Северного Причерноморья. — Киев : Наук. думка, 1983. — С. 179—190.
35. *Кропоткин В.В.* О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья на Руси // КСИИМК. — 1957. — Вып. 68. — С. 35—45.
36. *Кулаковский Ю.А.* К истории Готской епархии в Крыму в VIII в. Где находились Фуллы? // ЖМПН. — Февр. 1898. — С. 180—202.
37. *Кулаковский Ю.А.* Прошлое Тавриды. — Киев, 1906. — 154 с.
38. *Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е.* Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Становление и развитие раннеклассовых обществ. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. — С. 336.
39. *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. — СПб., 1896. — 143 с.
40. *Латышев В.В.* Новая надпись из Партенита // ЗООИД. — Т. XIV. — 1886. — С. 58—65.
41. *Литаверин Г.Г.* Провинциальный византийский город на рубеже XII—XIII вв. (по материалам налоговой описи Лампсакса) // ВВ. — 1976. — № 37. — С. 17—39.
42. *Маркевич А.И.* Географическая номенклатура Крыма как исторический материал // ИТОИАЭ. — Т. II (59). — 1928. — С. 17—32.
43. *Мурзакевич Н.* Атлас Черного моря. ЗООИД. — Т. II. — 1848. — С. 722—725.

44. *Мыц В.Л.* Отчет о раскопках средневекового укрепления Алустон в 1984 г. // НА ИА АН УССР. — 1984. — 76.
45. *Незнамов П.А.* Портоланы Алуштинского Гос. историко-бытового музея // Сб. трудов Алуштинского историко-бытового музея. — I. — Ялта : Крым-полиграфтрест, 1930. — С. 55–60.
46. *Никитский А.* Житие преподобного отца нашего Иоанна епископа Готии // ЗООИД. — Т. XIII. — 1883. — С. 26–34.
47. *Паллас П.С.* Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // ЗООИД. — Т. XII. — 1881. — С. 62–208.
48. *Паршина Е.А.* Средневековая керамика Ласпи и Симеиза (по материалам раскопок 1966 г.) // Археологические исследования на Украине 1965–1966 гг. — Вып. I. — С. 183–186.
49. *Паршина Е.А.* Средневековая керамика южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965–1969 гг.) // Феодальная Таврика. — Киев : Наук. думка, 1974. — С. 56–93.
50. *Паршина Е.А.* Раскопки средневекового поселения в урочище Сотера в 1982 г. // НА ИА АН УССР. — 1982. — 5а.
51. *Паршина Е.А.* Раскопки средневекового поселения в урочище Сотера в 1983 г. // НА ИА АН УССР. — 1983. — 10а.
52. *Паршина Е.А.* Отчеты об археологических исследованиях средневекового Партенита в пос. Фрунзенское // НА ИА АН УССР. — 1985. — 12 ж; 1986. — 25а; 1987. — 27а; 1988. — 30а.
53. *Плетнева С.А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. — М., 1963. — С. 5–72.
54. *Плетнева С.А.* Керамика Саркела Белой Вежи // МИА. — 1959. — Вып. 75. — С. 212–272.
55. *Плетнева С.А.* Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР. — М. : Наука, 1971. — С. 62–77.
56. *Плетнева С.А.* Хазары. — М., 1976. — 91 с.
57. *Постников А.К.* Развитие картографии и вопросы использования старых карт. — М., 1985. — С. 81–91.
58. *Репников Н.И.* Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. — Вып. 19. — 1906 с. — С. 3–80.
59. *Репников Н.И.* Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 г. // ИАК. — Вып. 30. — 1909. — С. 101–130.
60. *Репников Н.И.* Партенитская базилика // ИАК. — Вып. 32. — 1909. — С. 91–140.
61. *Репников Н.И.* Археологические памятники (археологические работы Академии на новостройках в 1932–33 гг.) // ИГАИМК. — Вып. 109. — 1935. — С. 195–200.
62. *Репников Н.И.* Краткая информация о раскопках в Эски-Кермене в 1936 г. // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. — Л., 1941. — С. 280–283.
63. *Струков Д.М.* Дело ИАК о предоставлении художником Струковым альбома рисунков крымских древностей с просьбой об ассигновании 6 тыс. руб. // Архив ЛОИА АН СССР. — Р. 1. — № 619.
64. *Сюзюмов М.Я.* Византийский город (середина VII — середина IX в.) // ВВ. — 1966. — Т. 27. — С. 38–70.
65. *Сюзюмов М.Я.* О функциях средневекового города // АДСВ. — 1977. — Вып. 14. — С. 34–51.
66. *Тиханова М.А.* Базилика // МИА. — № 34. — 1953. — С. 334–389.
67. *Тодорова Е.* Северное Причерноморье в период позднего средневековья. Историко-археологическое исследование // История СССР. — 1989. — № 1. — С. 172.

68. *Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г.* // ЗООИД. — Т. V. — 1863. — С. 675.
69. *Фронджоло М.П.* О раннесредневековом ремесленном производстве в юго-восточном Крыму // Археологические исследования средневекового Крыма. — Киев : Наук. думка, 1968. — С. 133–151.
70. *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения. — М. : Наука, 1980. — 214 с.
71. *Якобсон А.Л.* Средневековые амфоры Северного Причерноморья // СА. — 1951. — Т. XV. — С. 325–344.
72. *Якобсон А.Д.* Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты // КСИИМК. — 1954. — Вып. 53. — С. 109–120.
73. *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. — № 63. — 1959. — 364 с.
74. *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. — М.; Л., 1964. — 233 с.
75. *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые поселения юго-западной Таврики // МИА. — № 168. — 1970. — 224 с.
76. *Якобсон А.Л.* Гончарные центры VIII–IX вв. в Таврике // КСИА. — Вып. 150. — 1977. — С. 42–48.
77. *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. — Л. : Наука, 1979. — 164 с.
78. *Антонова В., Дамянов С.* Материалы от сондажни проучвания в Плиска // Археология. — 1969. — № 2. — С. 25–42.
79. *Barnea I.* I Ceramika de import // *Dinogetia Bucuresti: Editura Academiei Republiciv Socialiste Romanie.* — 1957.
80. *Barnea I.* Amforela feudale de la *Dinogetia SCIV*, 3–4 Anul V. — 1954. — С. 573–530.
81. *Demangel R. Mambouru E.* Le quartier des Manganes et la premiere region de Constantinople. — Paris, 1939. — P. 167.
82. *Klaic N.* Zadar, dalmatinska metropolija do XIII stoljeca // *Zadarska revija.* — Zadar 1967. — С. 111–128.
83. *Kretschmer K.* Die italienischen Portolane des Mittelalters. — Berlin, 1903. — С. 210.
84. *Morgan Ch.* The byzantine pottery // *Cortinth.* — 1942. — Vol. XI. P. 373.
85. *Talbot-Rice D.* Byzantine glazed Pottery. — Oxford, 1930. — 130 p.
86. *Talbot-Rice D.* Brick Stamps and Pottery // *The Great Palace of the byzantine Emperors. Second report, Reprinted.* — 1959. — С. 110–113.
87. *Tomaschek W.* Zur Kunde der Hamus-Halbinsel. II. // *Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien. Phila.* — Hist. I. — Wien, 1887. С. 304–325.
88. *Stevenson R.* The Pottery // *The Great Palace of the byzantine Emperors.* — London, 1947. — P. 31–63.
89. *Чангова Й.* Средневековне амфори в България // ИБАИ XXII. — София, 1959. — С. 243–260.
90. *Wulff O.* Altchristliche und mittelalterliche, byzantinische und italienische B-lawerke., B. I. — Berlin, 1909. — С. 289, B II, Berlin, 1911. — С. 315.

ЗАСТРОЙКА ВИЗАНТИЙСКОГО ПОСАДА НА УЧАСТКЕ ГЛАВНЫХ ВОРОВ СУДАКСКОЙ КРЕПОСТИ

Статья посвящена средневековой Сугдее — одному из наиболее крупных византийских и поствизантийских торгово-ремесленных центров Причерноморья почти не освещенном в археологическом отношении.

Изучение догенуэзских древностей Сугдеи ограничивалось вопросами политической и церковной истории (библиографию см.: [42, с.1–7]). Эпизодические раскопки 1926–1930 гг. (А.А.Фомин, Ю.В.Готье и Н.Д.Протасов) и 1965–1974 гг. (М.А.Фронджуло) почти ничего не добавили к исследованию византийского города: скудные сообщения о них малоинформативны, а большая часть полученных археологических материалов оказалась утраченной или депаспортизированной [11, с.501; 30, с.139–150; 29, с.190–193]. Вопросы исторической топографии Сугдеи и ее многоэтничной культуры были поставлены лишь в ходе планомерных раскопок Судакской экспедиции Института археологии АН УССР. В рамках их решения на участке Главных ворот города Санта-Элиа в 1977–1982 гг. раскрыты остатки построек одного из районов торгово-ремесленного посада византийского периода Сугдеи, перекрытые генуэзскими фортификационными сооружениями — привратными башнями Раффаэле Ультрамарино 1381 г. и Якобо Торселло 1385 г. и прилегающими к ним куртинами оборонительных стен (рис.1). Анализу последних посвящены специальные работы [7, с.81–97; 8, с.58–61].

Византийские строительные остатки обнаружены на площади 1200 м² и залегали на глубине до 5 м. Наиболее древние кладки выявлены в северо-восточной части участка Главных ворот под двориком и оборонительными стенами предмостного укрепления — барбакана XVII–XVIII вв. Постройка имела вытянутую в плане базиликальную форму и ориентирована с северо-востока на юго-запад. Она частично разрушена с восточной стороны при возведении стены барбакана и сооружении крепостной экспланады. Две продольные кладки этого здания параллельны друг другу. Их длина 5, 6 м при толщине 1,0 м и высоте от уровня древней дневной поверхности до 0,5 м. Расстояние между кладками 4,0 м. В западном торце стены 2 вперевязь построена кладка 3, ориентированная с юга на север и разрушенная при планировке двора барбакана. Ее длина 3,4 м при толщине 0,9 м. Все кладки ранней постройки сложены на известковом растворе из бута в два панциря и поставлены

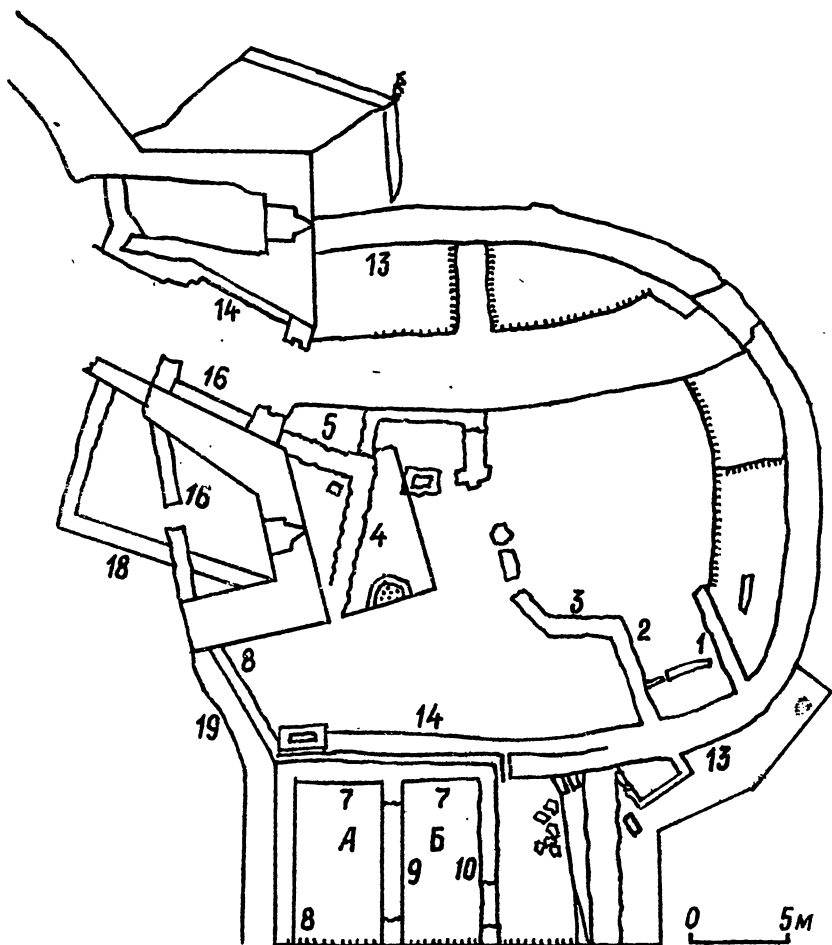

Рис. 1. Ситуационный план раскопок на участке Главных ворот Судакской крепости

на фундамент без цоколя. Судя по неровным фасадам стен фундаментов и налипшим к известковому раствору комочкам земли и керамике, фундаменты этого здания бутились непосредственно в траншее глубиной 2,0 м. Субструкция фундаментов находится на материковом сланце. В стенах этой постройки на уровне древней дневной поверхности зачищены хорошо сохранившиеся горизонтальные прокладки из дубового кругляка диаметром 0,3 м.

Деревянные связи в каменных стенах домов различного назначения нередки в средневековом Крыму. Судя по археологическим данным, 102

этот прием строительной техники, связываемый обычно с антисейсмичностью конструкций, появляется в Таврике в X—XII вв. Такие прокладки известны в доме с фресками, перекрытом башней № 5 Судакской крепости, в стене аналогичной постройки в квартале между зданием таможни и башней № 5, а также в кладке стен усадьбы X—XII вв. на мысе Троицы близ с.Оползневое; раскопанной нами в 1968 г. [2, с.3—15]. Антисейсмичные прокладки широко применялись и в сельских каменных постройках Горного Крыма [16, с.18].

Руины здания первого периода перекрывал завал плинфы, имевший конусообразную форму. Он прослежен на площади около 3,0 м². Скопление кирпича на относительно небольшой площади позволяет предполагать, что здание имело какую-то кирпичную конструкцию перекрытия, скорее всего, купол. Судя по обломкам полихромных фресок, лежавших под плинфой лицевой стороной вниз, купол постройки был расписан сюжетными фресками. На одном из обломков сохранились остатки греческой надписи, на других — фрагменты ликов и драпировок.

У стен постройки зачищены каменный склеп с коробовым перекрытием (рис. 2) и пять плитовых могил, ориентированных по оси здания. Погребения совершены на спине с вытянутыми руками и ногами, сложенными на тазе или вытянутыми вдоль туловища. Под костяками была подсыпка из мелкого песка и углей. В могиле № 1 обнаружены две полые сферические пуговицы из тонкой латуни, фрагмент шелковой ткани и литая бронзовая бляшка в виде щитка, украшенного трилистником, напоминающим трезубец. Поле бляшки между орнаментом и ободком щитка покрыто глухой зеленой эмалью (рис. 3, 14). Подобные украшения встречаются в погребениях поздних кочевников Восточной Европы и датируются временем не позднее X в. [27, с.52—53, тип VIII.K].

Каменный склеп состоял из квадратной погребальной камеры, стены которой сложены из хорошо подогнанных блоков известняка и бута. Кладка на извести, ее внутренняя поверхность оштукатурена. Размер камеры 2,0х2,0 м при высоте до начала свода 1,0 м (рис. 2). От свода сохранились два ряда кладки в западной стене, позволяющие реконструировать его как коробовый. Остальная часть свода разрушена при возведении стены барбакана. Вход в погребальную камеру и небольшой дромос с каменной ступенькой находились в южной стене склепа. Ширина входного отверстия 0,63 м при длине сохранившейся части дромоса 0,8 м.

Погребения в склепе ориентированы на запад. Костяки уложены ярусами по три в каждом. Два верхних яруса погребенных потревожены при реставрационных зондажах 1977 г. Обряд погребения можно проследить лишь на костяках нижнего яруса, уложенных на спине с вытянутыми руками и ногами. На полу склепа, как и в плитовых могилах, имелаась подсыпка из мелкой гальки. Погребальный инвентарь от

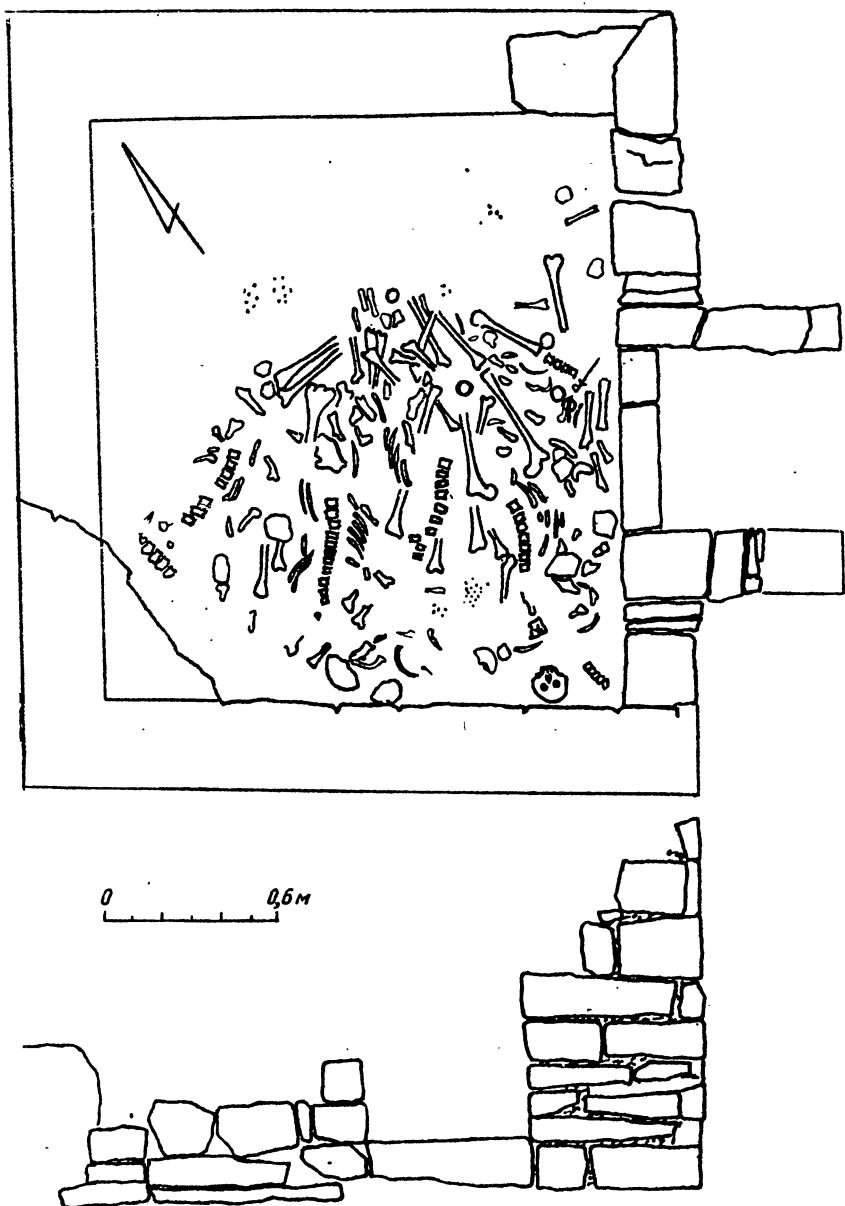

Рис. 2. План и разрез склепа X–XII вв. под северо-восточной стеной барбакана

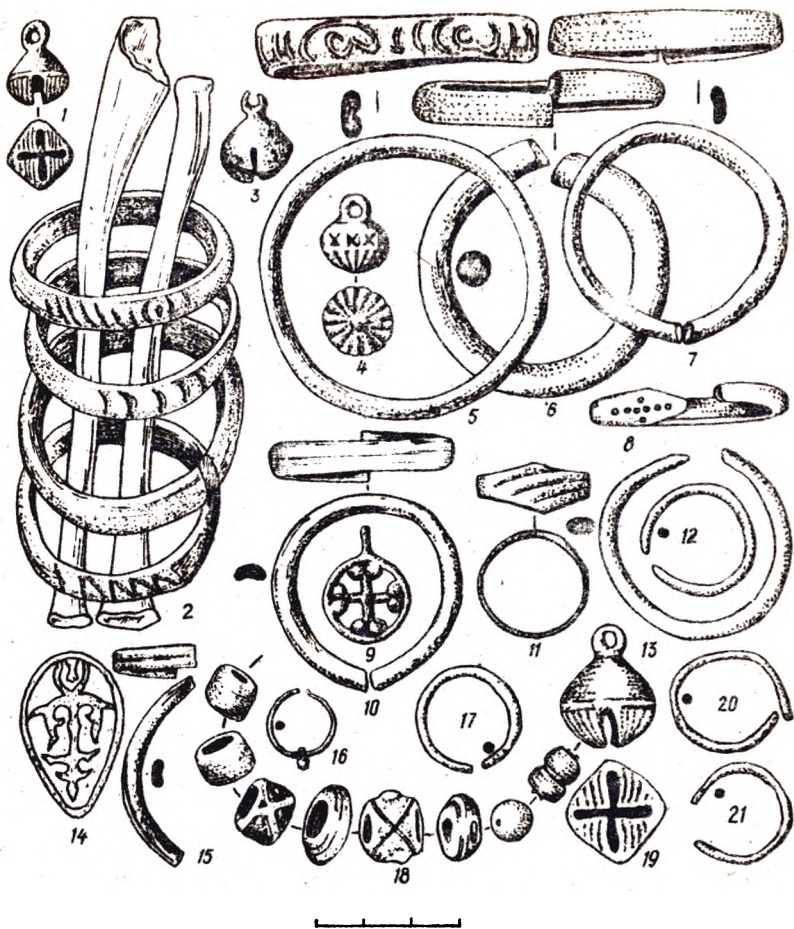

Рис. 3. Погребальный инвентарь из могилы № 1 (14) и склепа (1–13, 15–21)

носителю многочисленен. Среди разрушенных костяков верхнего яруса обнаружены два целых и пять фрагментированных браслетов из синего прозрачного стекла (рис. 3, 6–7). Остальные находки происходят из нижнего яруса: на правой руке среднего погребенного был надет браслет из прозрачного синего стекла с росписью золотыми завитками (рис. 3, 5). Ту же руку южного погребенного украшали четыре аналогичных браслета (рис. 3, 2), а левую — литой бронзовый браслет в виде змейки (рис. 3, 8). Кисть левой руки была перевязана ниткой пастовых бус (рис. 3, 18). Кроме того, на полу склепа без привязки к конкретным костякам найдены бронзовый литой медальон с прорезным крестом в круте (рис. 3, 9), бронзовые литые пуговицы (рис. 3,

4), пуговицы-бубенчики с крестовидной щелью (рис. 3, 1, 19), бронзовый проволочный браслет (рис. 3, 13), бронзовые проволочные серьги с разомкнутыми концами (рис. 3, 12, 17, 20, 21) и серебряный перстень с плоской жуковиной (рис. 3, 11).

Медальон с крестом в круге, совершенно аналогичный судакскому, обнаружен в Херсонесе с таким же инвентарем, где он датируется 1143—1180 гг. пятью золотыми солидами Комнинов — Иоанна, Алексея и Мануила [18, с.89, рис. 227]. Стекланные же браслеты находят широкие аналогии в материалах Дунайской Болгарии, византийской Италии, в Херсонесе, Двине, Дманиси, Тамани и в Подонье. В большом количестве они обнаружены нами в хазарском святилище второй половины IX в. на участке куртины XV Судакской крепости. Согласно периодизации Г.Р.Давидсон и З.А.Львовой, уплощенные браслеты из синего стекла с росписью золотыми волнистыми линиями бытовали не позднее XII в. [40, с.112; 2, с.316—323], что и дает дату существования судакского склепа, использовавшегося в течение нескольких поколений. Учитывая, что до середины X в. северный склон горы Джаневез-Кая был занят хазарским укрепленным лагерем и существование там византийских построек маловероятно [8, с.49—53], то датировку склепа можно ограничить второй половиной X—XII вв.

Склепы, подобные нашему, известны в Херсонесе, на Бакле, в Верхнем Джулате на Кавказе, а также в Греции, Южной Италии и Палестине [31, с.231—252; 21, с.54—58; 26, с.121—128; 5, с.129—133]. Все они датируются в пределах X—XIII вв. и являются церковными склепами-криптами на памятниках византийского круга. Наиболее близка этому склепу храмовая усыпальница на городском некрополе Судак-II, обнаруженная под полом часовни XI—XII вв. [30, с.147—149].

Склеп с коробовым перекрытием на участке Главных ворот находился внутри здания первого периода. Плохая сохранность кладок этой постройки не позволяет вполне обоснованно произвести его атрибуцию. Однако такие признаки, как ориентация здания, наличие в росписях сводов ликов святых, характер перекрытия, стартиграфическая взаимосвязь кладок с примыкающими к ним плитовыми могилами и, наконец, местоположение склепа, тип которого известен как храмовый или прихрамовый, позволяют предполагать, что наиболее ранняя постройка этого участка посада являлась храмом. Этническая принадлежность комплекса устанавливается наличием фрески с фрагментом греческой надписи, а также греко-малоазийским происхождением плитовых могил, являющихся наиболее устойчивым признаком погребального обряда этой этнической группы средневековой Таврики [3, с.154; 15, с.90—91]. Малоазийские греки осели в Судакской долине в иконоборческую эпоху, в VIII—IX вв., и являлись здесь наиболее многочисленной этнической группой, игравшей доминирующую роль в экономике и культуре Сутдеи [42, с.3]. Мы не располагаем пока данными письменных ис-

точников об этнической топографии Сугдеи. Однако, опираясь на материалы Хиоса, Галаты, Маврокастро и других средневековых городов Причерноморья и Средиземноморья [37, с. 179–227], можно предположить, что квартал Сугдеи с византийским храмом и прихрамовым могильником принадлежал греческой общине.

Время строительства храма устанавливается материалом из слоя строительного мусора, накопившегося в ходе возведения его стен. Здесь обнаружены обломки высокогорлых кувшинов с ленточными ручками и фрагменты расписных ойнохой баклинского типа, датирующиеся не позднее X в. [6, с. 57]. Ограничивая эту дату, как сказано выше, серединой столетия, мы можем датировать возведение храма второй половиной X в. Время же гибели церкви устанавливается нумизматическим материалом. На плитах пола храма под завалом плинфы от рухнувших при пожаре стен и сводов (кирпичи покособились от сильного жара) обнаружены 10 монет золотоордынских ханов, наиболее поздняя из которых чеканена в Сарай ал-Джедиде ханом Токтамышем (1377–1396). О катастрофическом разрушении постройки свидетельствуют и обуглившиеся бревна антисейсмичных прокладок в стенах церкви. В слое пожара внутри здания вместе с монетами обнаружено каменное ядро-бола диаметром 0,12 м, ядра для пращи диаметром 0,02–0,03 м, а также наконечники арбалетных стрел-болтов с многогранными головками. Заметим, что в Византии и в византийских городах Таврики применялся тяжелый лук, а арбалет являлся чисто европейским оружием и получил распространение лишь на территории Генуэзской Газарии. Все это позволяет предполагать, что разгром Сугдеи связан с каким-то нападением на город, и в составе нападавших находились генуэзские арбалетчики. После пожара церковь не восстанавливалась, и ее руины были разобраны при сооружении экспланады перед привратными башнями и пряслон оборонительной стены не позднее 1381 г.

С юга и запада вокруг храма раскопаны руины стен производственных сооружений и жилища, совмещенного с торговой лавкой. Мастерская состояла из дома ремесленника, металлургических горнов, двора с кузницей и еще каких-то помещений, почти до основания разрушенных позднейшими перестройками и перепланировкой участка.

Жилище ориентировано с севера на юг, и вход в него, вероятно, находился в южной стене, уничтоженной при возведении восточной привратной башни 1381 г. От жилища сохранились лишь две стены — 4 и 5 длиной 5,0 и 8,5 м. Они сложены на известковом растворе с наполнителем из морского песка и поставлены на фундаменты из крупного бута и плит сланца, уложенных в траншею насухо. Глубина фундаментов 2,0 м, толщина стен жилища 0,9–1,0 м при толщине их фундаментов 1,2 м. Все фундаменты поставлены на материковый сланец и были рассчитаны на значительную нагрузку, что совершенно излишне в одно-

этажных постройках. По аналогии с синхронными постройками Херсонеса и других византийских городов Причерноморья, жилище судакского ремесленника, скорее всего, было двухэтажным. При этом верхний этаж мог использоваться в качестве жилья, а нижний — хозяйственного. На первом этаже на земляном полу в углу между кладками 4—5 зачищен бытовой очаг размером 0,7х0,7 м, сложенный из мелких плиток песчаника, поставленных на ребро. Пол жилища сохранился на площади около 10 м² и покрыт плотным слоем черной гари, отмученной до лылеобразного состояния. В гарь втоптаны мелкие обломки кричного железа, шлаков и каплевидные частицы меди и бронзы. Этот слой, накапливавшийся в течение десятилетий, связан с производственной деятельностью. Он перекрывает первоначальный пол жилища. На уровне цоколя постройки зачищены пятна известкового раствора — строительный мусор времени строительства, в котором обнаружена медная монета византийского императора Мануила I Комнина (1143—1180), позволяющая датировать возведение стен жилища серединой — второй половиной XII в. Внутри же дома на полу, в слое производственной гари, обнаружены четыре медные монеты конца XIII — первой половины XIV в., чеканенные в городе Крым. В этом же слое найдены наконечник ножен кинжала с двустрочной арабской надписью, нанесенной штампом, а также обрубленная с четырех сторон медная пластина, на которой ремесленник опробовал штамп в виде шестиконечной звезды с изречением из Корана. Наличие этих предметов указывает на определенную степень мусульманизации заказчиков в XIII в., когда Суджая становится главным портом крымского улуса Золотой Орды и в ней постоянно находился ордынский наместник с военным отрядом.

Время гибели жилища ремесленника определяется находками из слоя пожара, перекрывшего производственную гарь. Большая часть материала из этого слоя представлена обломками красноглиняных амфор двух типов: плоскодонных с зональным рифлением и плоскими ручками, укрепленными под раструбовидными горловинами, и так называемыми веретенообразными амфорами с мелкой гребенчатой желобчатостью и высоко поднятыми над горлом ручками, круглыми в сечении. Оба типа амфор широко представлены в закрытых комплексах Херсонеса и датируются XIII—XIV вв. [1, с.93—95].

Кухонная керамика из дома ремесленника изготовлена на ножном круге из плотной глины. Найденный у очага почти целый горшок с небольшой плоской ручкой при высоте 17 см имеет диаметр горла 25 см и дна 9 см. Его высокий и сильно профилированный венчик напоминает сосуды балкано-дунайской культуры (рис. 4). За пределами Судака такая керамика в Крыму нам неизвестна. Более традиционны кувшины с широким горлом и вертикальным венчиком, украшенным зональным рифлением (рис. 4, 4), а также ойнохойевидные кувшины со слабо профилированным венчиком и плоской ручкой. Оба типа сосудов

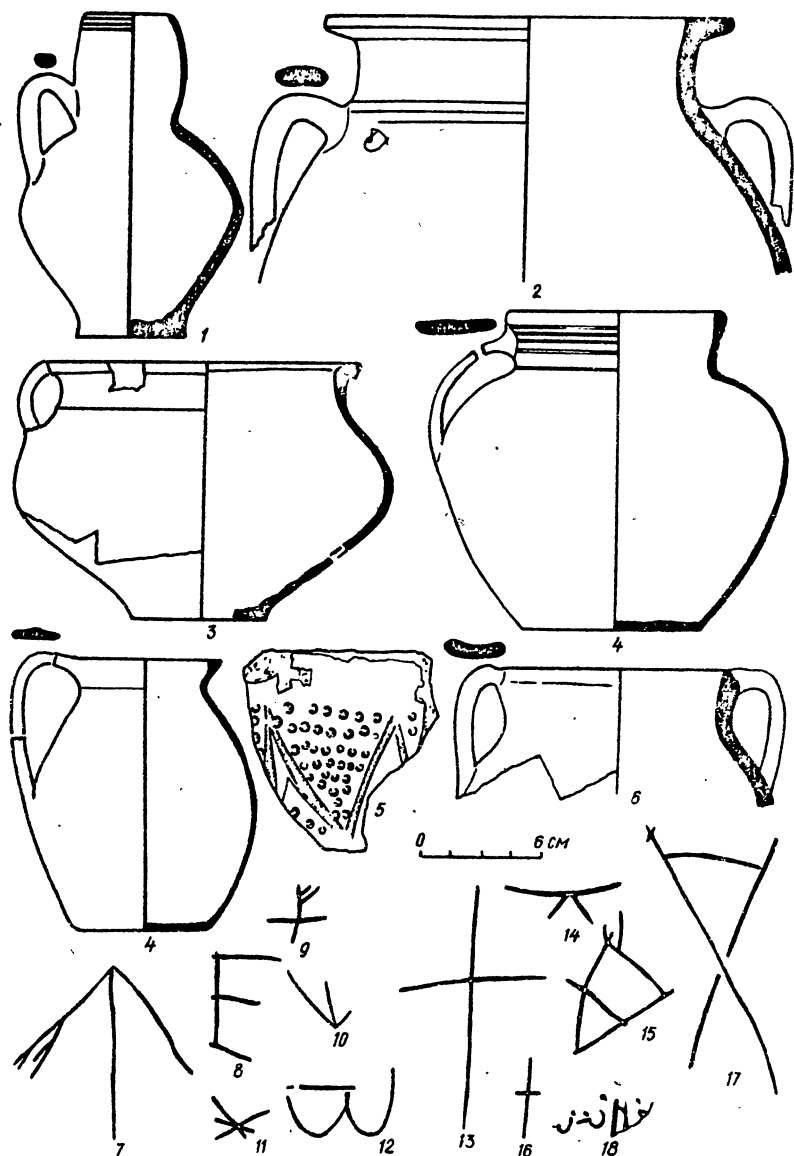

Рис. 4. Керамика XII–XIII вв. с первоначального пола двора мастерской

изготовлены из коричнево-красной глины и широко представлены в верхнем слое Херсонеса [24, с.14–16], а также почти всех поселений и городищ XII–XV вв. на Крымском Югобережье и в Юго-Западной

Таврике. Все перечисленные сосуды имеют закопченную поверхность, что свидетельствует об их кухонном назначении.

Неглазурованная столовая керамика представлена обломками буроглиняного плоскодонного кувшина, украшенного штампованным орнаментом в виде зигзагообразных линий и полусфер (рис. 4, 5). При раскопках Судакской крепости в комплексах XIII—XIV вв. нами обнаружено несколько десятков фрагментов таких кувшинов на кольцевом поддоне, не дающих, к сожалению, представления о типе сосуда. Орнаментация таких сосудов разнообразна и ни в одном случае не повторялась. Встречаются украшения в виде виноградной лозы, соляных символов, разнообразных розеток, стилизованных растительных мотивов, геометрических фигур и пр. Штампованная керамика в Юго-Западной Таврике и Херсонесе не встречается. Она была распространена лишь в Восточной Таврике на территории той же Генуэзской Газарии, куда была занесена в золотоордынскую эпоху из Средней Азии, Поволжья или Закавказья [10, с. 58, рис. 37; 23, табл. 48]. В конце XIII—XIV в. штампованные сосуды и сфероконусы начинают изготавливать в гончарных мастерских Сугдеи. Четыре гончарных печи с керамическим браком и штампами обнаружены М. А. Фронджуло на посаде к западу от крепости. Другим центром производства штампованной посуды, судя по нашим находкам штампов для формовки кувшинов в 1962 и 1969 гг., являлся ордынский Солхат. Аналогичная керамика найдена там же при раскопках 80-х гг. М. Г. Крамаровским. Можно предположить, что с конца XIII в. в Юго-Восточной Таврике начинают формироваться гончарные центры, связанные с рынками Золотой Орды и, возможно, обслуживаемые рабами-ремесленниками, угнанными ордынцами из Закавказья, Ирана и Средней Азии. Аналогичные производства керамики в мастерских типа "карханэ" известны на территории столицы Золотой Орды — Селистренском городище [28, с. 54]. Аналогичная мастерская, обслуживаемая рабами-ремесленниками из Средней Азии, Палестины, Малой Азии, Кавказа и Западной Европы, раскопана нами в Судакской крепости на участке куртины XIV—XV. Последняя существовала одновременно с мастерской на участке Главных ворот.

Столовая глазурованная посуда представлена кувшинами, тарелками и чашами. Большинство кувшинов изготовлено из плотной красной глины и покрыто прозрачной поливой, нанесенной по белому ангобу. Кувшины плоскодонные с шаровидным (реже удлиненным) туловом, узким ойнохойевидным горлом и тонкими ленточными ручками, прикрепленными у венчика и на плече. Они широко представлены в комплексах Судакской крепости, а также на большинстве крымских памятников XIII—XV вв. Единичная находка небольшого (высотой 21,5 см) кувшина с биконическим туловом, имеющим четкое ребро и высокое бочкообразное горло высотой 8,0 см. К нижней части горла прикреплена петлеобразная ручка (рис. 4, 1). Сосуд изготовлен из темно-красной глины и покрыт прозрачной зеленой поливой, нанесенной по белому

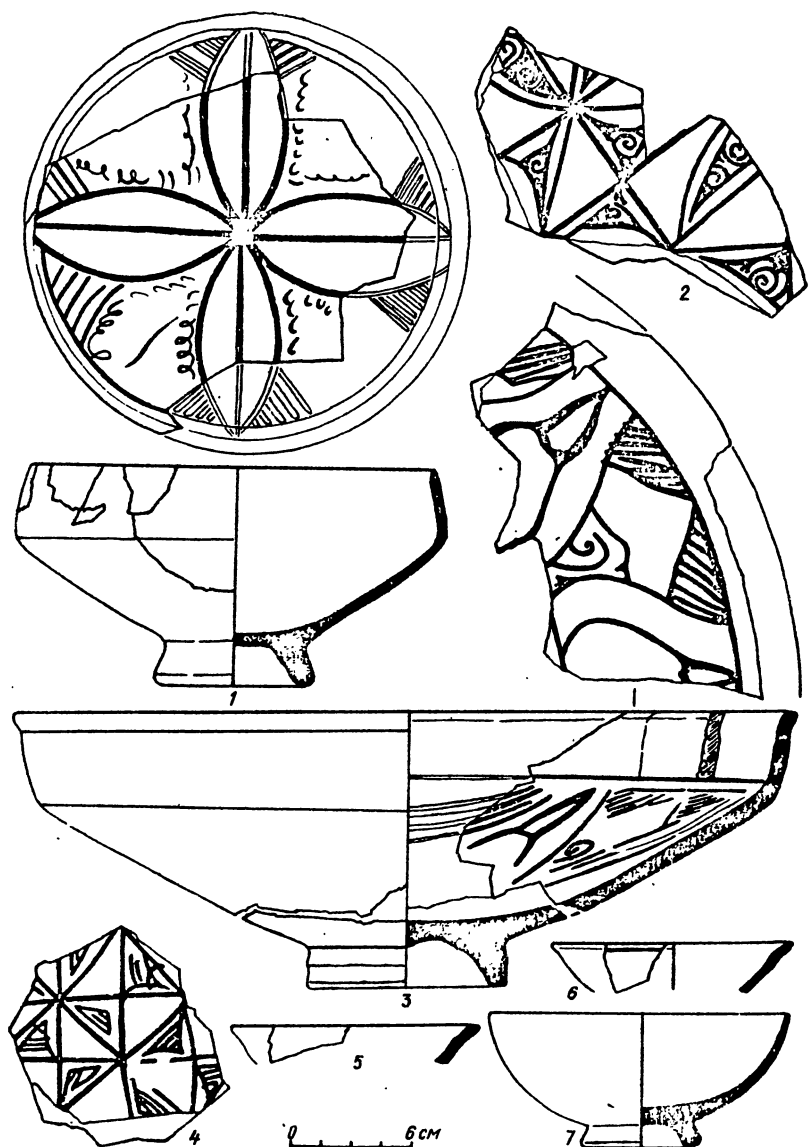

Рис. 5. Керамика из слоя разрушения жилища ремесленника (пожар 1380 г.)

ангобу выше ребра тулова. В форме этого кувшина можно определенно усматривать латинские черты [20, с.123–124] и предполагать появление этого типа сосудов под влиянием гончарства Лигурии.

Поливные тарелки изготовлены из красной плотной глины и покрыты желтой или зеленой прозрачной поливой, нанесенной по белому ангобу. Одна тарелка украшена по центру стилизованным растительным орнаментом в виде четырехлепестковой розетки (рис. 5, 1), две другие — разделенными на треугольники квадратами, половина поля которых покрыта спиралями и завитками (рис. 5, 2, 4). Орнамент нанесен широкой палочкой в сочетании с гравировкой тонкой линией. Все орнаментированные тарелки имеют пятна поглазурной росписи коричневого, желтого и темно-зеленого цветов. Прямых аналогий декору этих тарелок за пределами Судака мы не знаем, что позволяет предполагать их местное производство. На это указывает и стиль орнаментики, а также техника декорирования заготовок поливных тарелок из судакских гончарных печей XIII—XIV вв. Последние совпадают с тарелками из мастерской на участке Главных ворот и по составу керамического теста. По форме венчика их можно разделить на две группы: полусферические и с вертикальным венчиком, несколько загнутым внутрь. Типологически они близки херсонесской поливной керамике XIV—XV вв. [25, с.106—113]. Датировка такой посуды вне закрытых комплексов затруднительна. В доме ремесленника она обнаружена в верхнем слое вместе с несколькими десятками медных и серебряных монет джучидских ханов второй половины XIV в., наиболее поздняя из которых чеканена Токматышем. не ранее 1377 г. Если принять во внимание, что в 1381 г. на месте жилища ремесленника была экспланада перед башней Раффаэле Ультрамарино и воротами, то датировка пожара, уничтожившего мастерскую, может быть ограничена 1377—1381 гг.

Особый интерес в керамическом комплексе жилища представляет широкогорлый поливной сосуд с вертикальным горлом и геометрически-профилированным венчиком, отогнутым наружу. У основания горла имеется рельефный валик, к которому на равном расстоянии по периметру сосуда прикреплены пять уплощенных ручек. Ширина горла 28 см при высоте 8,0 см (рис. 4, 2). Внутренняя часть сосуда, а также лицевая сторона до середины тулова покрыты ярко-зеленой прозрачной поливой, нанесенной поверх розового ангоба. На его плече имеется подглазурное граффито, представляющее, по мнению Э.М.Кархмязян, монограмму из букв средневекового армянского алфавита. Граффито может являться меткой заказчика сосуда либо начальными буквами имени святого, как это наблюдается в византийской керамике [44, с.74—79]. Византийские тарелки с монограммами имен Михаила, Николая, Иоанна и других святых широко представлены в Сугдее, Каффе и Херсонесе. Чаша с аналогичной монограммой греческого святого обнаружена нами в Солхате, а армянского — В.А.Сидоренко при раскопках монастыря Сурб-Хач. Возвращаясь к сосуду из мастерской, отметим, что до XIII в. подобные сосуды в Крыму не встречаются. Они не имеют генетических связей ни с одним из типов провинциально-византийской керамики и получают распространение в Таврике лишь в

золотоордынскую эпоху. Ближайшие аналогии таким сосудам можно найти только в Закавказье, Иране и Средней Азии, откуда они могли проникнуть в города Поволжья и Крым. В Армении они известны под названием карасы и были распространены там еще в эпоху раннего средневековья, восходя к образцам более раннего времени. Карасы Двина XII—XIII вв. по составу керамического теста, глазури, декору и форме почти идентичны крымским [17, с.15, рис. 5]. Можно предположить, что в Таврике их появление было связано с оседанием армянских беженцев. Скорее всего, на изучаемом нами участке Сутдеи в конце XIII в. поселился мастер-армянин, а его потомки работали в той же мастерской до 80-х гг. XIV в. Он мог быть одним из тех армянских мастеров, которые были переселены джучидами из Армении в золотоордынские города Поволжья, откуда в 1299 г., вопреки воле хана, ушли в Крым [20, с.102]. Эти мастера, работая по заказам ордынцев, писали на заказных изделиях изречения из Корана и употребляли арабский язык как свой письменный язык на территории Золотой Орды [20, с.102—104]. Отметим, что в Золотой Орде арабский язык уже при хане Узбеке стал государственным. Армянские мастера в Крыму в конце XIII в. составляли меньшинство населения и были вынуждены селиться в кварталах других этнических общин. Исклучение составлял армянский храм в квартале карханэ в Судаке (участок куртин XIV—XV вв.), специально сооруженный для рабов христиан армянами и используемый всеми христианами квартала как для литургии, так и в качестве кладбищенской часовни. В квартале же на участке Главных ворот армянин-ремесленник поселился, скорее всего, в греческой части ремесленного посада. Такая же картина наблюдалась и в Каффе, где во второй половине XIII в. и в конце XIV—XV вв. соседями армян были не только греки, составлявшие большинство населения, но и "латиняне", сирийцы, татары и др. [13, с.304].

Возвращаясь к мастерской, отметим, что ее двор использовался, главным образом, для производственных нужд. Особый интерес представляет уникальная для Таврики медеплавильная печь, обнаруженная у северной стены жилища. Она представляет собой подквадратную яму, размером 1,5х1,5 м при глубине 0,5 м с вертикальными бортами и плоским, несколько понижавшимся к центру тарелкообразным дном (рис. 2). В ее центре имелось углубление размером 0,1х0,05 м при глубине 0,1 м, а вокруг печи сделана галечная вымостка на известковой подмазке. Борта и пол ямы покрыты толстым слоем обмазки из хорошо отмученной глины, прокалившейся и частично спекшейся с грунтом в процессе работы печи. В заполнении ямы и во дворе мастерской обнаружены шлаки, флюсы (сера и мел), застывшие брызги меди, обломки бронзы. На некоторых кусках шлака имелись недоваренные куски медного колчедана*. Здесь же найден обломок отливки из рыхлой ноздре-

* Определение медной руды произведено доктором геолого-минералогических наук В.Н.Супрычевым.

ватой меди с налипшей к ней глиной и копотью. Такие же отливки обнаружены нами в 1984 г. при раскопках аналогичной мастерской в квартале 1 и в 1985 г. — в мастерской на месте храма Девы Марии в Судакской крепости.

Помимо перечисленных, следы литья из цветных металлов обнаружены в Судакской крепости на северо-восточном участке у башни 1409 г. в портовой слободе, а также на городском посаде у подножья горы Перчем. В квартале на участке Главных ворот металлообрабатывающие мастерские составляли большую часть комплексов XIII—XIV вв. Их концентрация на относительно небольшой территории может свидетельствовать о цеховом характере металлообработки византийской и ордынкой Сугдеи и позволяет догадываться о ее высоком экономическом потенциале. Помимо Судака, литье из цветных металлов отмечается в Солхате, на Тепсене, Кордон-Обе, Бакле, Каламите и в Херсонесе [4, с.242—245; 33, с.325—331; 32, табл. XIV]. Однако, за исключением Судака, все остальные матерские обрабатывали готовую медь: выплавленную в сырьевых районах. Появление же в Сугдее иной технологии и организации производства можно связывать с ремесленными традициями мастеров Закавказья, у которых варка меди из руды являлась начальным этапом производственного цикла. Отсутствие в Таврике собственного сырья для производства меди заставляет предполагать, что медная руда для судакских горнов привозилась из близлежащих копей Закавказья, Урала или Малой Азии. В тех же районах известны и медеплавильные печи, аналогичные судакской. Все они представляли собой четырехугольные ямы, вырытые в грунте и открытые в верхней части для доступа воздуха. На дне печи разводился огонь и укладывалась шихта из пластов древесного угля и медного колчедана. Выплавленная медь собиралась в углублении на дне ямы и после остывания имела вид лепешки или бруска [9, с.383—384]. Отметим, что отливка меди в форме лепешки обнаружена в меднолитейной мастерской на участке храма Девы Марии, а бруска — близ башни Флиско Лавани в Судаке.

Кроме медеплавильной ямы, во дворе мастерской находилась кузница с домной для варки железа и кузнечный горн. Домница круглой в плане формы и расположена в центре двора. Ее диаметр 0,8 м. Сохранился лишь под печи, сложенный из крупных фрагментов черепиц-кермидов красной глины на глиняном растворе. Они почернели и потрескались от жара. Такие печи, предназначенные для варки стали из криц известны на мысе Троицы в комплексе X—XII вв., на укреплениях Яман-Таш и Гаспра-Исар [14, с.31]. Наиболее ранняя домница этого типа обнаружена в Судакской крепости в салтово-маяцкой мастерской под куртиной XV и датируется первой половиной X в.

Выявленные в домнице стальные заготовки шли на обработку в кузницу, расположенную здесь же, в большом сарае, где хранился и запас сырья — более 60 полусферических криц, диаметром до 0,2 м. По-

мещение кузницы трехстенное и открыто со стороны двора. Ее стены толщиной 0,6 м, сложены насухо из крупного бута и сохранились на высоту одного-двух рядов кладки. В глубине сарая рядом с запасом криц стоял большой гладкостенный пифос, основание которого было вкопано в землю, а в центре — хорошо сохранившаяся дубовая колода с подтесанными боками и нижней частью. Верхняя часть колоды расщеплена, и в трещине обнаружен обломанный железный клин шириной 0,05 м. Поверхность колоды и трещина были покрыты порошкообразной окисью железа, которая образовалась в результате окисления какого-то крупного железного предмета. Скорее всего, дубовая колода служила основанием кузнечной наковальни.

У входа под навес зачищена квадратная в плане печь размером 2,0х2,0 м при высоте 0,5—0,7 м. Она сложена из крупных плит сланца и бута и забита слежалым пеплом и гарью, смешанными с древесными углями. В заполнении печи обнаружены обломки криц, кованые железные гвозди, заготовка ножа с черешковой рукоятью, обруч для ведра, железный рыболовный крючок, а также бесформенные железные пластины и бруски со следамиковки. Рядом с печью прослежен слой пепла и гари, аналогичный ее заполнению: у печи гарь достигла высоты 0,2 м и выклинивалась до 0,05 м, равномерно покрывая пол двора. Рядом с горном найдены обломки криц и два кованых рыболовных крючка. Аналогичный кузнечный горн раскопан нами в кузнице поселения Кордон-Оба VIII—X вв., где рядом с печью находился керамический накопник для кислородного поддува. Других аналогий судакскому горну нам не известно. Следует отметить, что обработка черных и цветных металлов в одной мастерской, помимо мастерских Сугдеи, отмечена лишь на Кордон-Обе.

Продукция ремесленника продавалась в лавке, здание которой примыкало к мастерской с востока. Оно возведено на косогоре и располагалось ступеньчато террасами по склону оврага. В начале строительства в склон были врезаны две террасы с перепадом высоты между ними 1,5 м. Продольные стены 9—10 сложены вперевязь с поперечной стеной 7, которая приставлена к западному торцовому борту террас. С восточной стороны обе продольные кладки уходят в борт раскопа и перекрыты современной лестницей. Длина кладки 7 в пределах раскопа 12,0 м при ширине 1,0 м и высоте до 2,5 м. Кладки 9 и 10 одинаковы: их длина по 8,0 м при толщине 1,0—0,9 м и высоте до 1,5 м. Выше цоколя стены этого здания сложены на известковом растворе из бута. Кладка двупанцирная с забутовкой из мелкого камня. Внутри помещений стены оштукатурены. Они поставлены на глубокие фундаменты, сложенные насухо в траншеях шириной 1,2 м. Между кладками фундаментов и бортами траншей оставался зазор шириной до 0,1 м. Верхние камни фундаментов были залиты жидким известковым раствором (толщина слоя извести 0,1 м), поверх которого уже ставились стены. Таким образом, в технике кладки торговой лавки прослеживаются те

же строительные приемы, что и в жилище ремесленника. Полы обеих помещений лавки вымощены плотно подогнанными плитами сланца, а здание имело сводчатое перекрытие, о чем свидетельствуют находки клинчатых камней из пиленого известняка. Кроме того, в северной части постройки имелась открытая галерея—портик с мощеными полами и коробовым сводом, усиленным подпружными арками из пиленых известняковых блоков размером 0,3х0,4 м. При зачистке северной стены портика обнаружена прямоугольная плита из такого же известняка размером 0,5х0,7х0,15 м со следами раствора с одной стороны. Скорее всего, плита использовалась в качестве базы круглой известняковой колонны диаметром 0,3 м, обломки которой обнаружены с внешней северной стороны портика. Наличие этих деталей позволяет реконструировать здание.

Лавка была двухэтажной. Нижний этаж использовался, по-видимому, как торговое помещение. На существование второго этажа и его назначение указывает стратиграфия участка, а также массивность несущих конструкций, рассчитанных на значительно большую нагрузку, нежели требовалось в одноэтажной постройке. В культурных же отложениях внутренних помещений лавки прослежены две горизонтальные прослойки углей и гари — следы пожара. Они разделены полутораметровым завалом клинчатых камней и бута от обрушившегося свода первого этажа. Нижняя прослойка гари перекрывает плиты пола торговых помещений А и Б, верхняя — завал перекрытия. В верхней прослойке гари обнаружена вся кухонная керамика, найденная при раскопках лавки, а также обломки печины и прокаленные докрасна плиты песчаника, связанные, скорее всего, с конструкцией печи или камина. Аналогичная стратиграфическая ситуация прослежена нами при раскопках башни 1409 г. в Судакской крепости, а также при раскопках двухэтажного византийского дома на поселении под Загайтанской скалой в Инкермане. По аналогии с инкерманской постройкой VI—IX вв., можно предполагать, что и в судакской лавке второй этаж был жилым.

Первый этаж лавки представлял собой портик с циркульными, судя по клинчатым камням, арками, которые опирались на круглые колонны. Два смежных помещения первого этажа южнее портика (помещения А и Б) предназначались для хранения товаров и имели коробовый свод, укрепленный подпружной аркой. На втором этаже находились жилые помещения и кухня.

Аналогичные постройки с портиками, являвшиеся служебными помещениями, а также жилыми верхними этажами были распространены в XII—XV вв. в крупных городах Средиземноморья и Причерноморья. Они известны в Генуе, Венеции, а также в ряде торговых городов и укрепленных факторий их колоний: на Корсике (Лоджия Коммуны в крепости Бонифацио), в Анатолии на средиземноморском побережье Малой Азии и др. [45, с.266—267, рис. 330—332]. Описание таких лавок, совмещенных с жилищем купца, имеются в Массариях Каффы вто-

рой половины XIII в. В подобных постройках, называемых в документах Генуэзской Газарии *fundicus* торговали и жили влиятельные купцы Хасан Сириец, генуэзцы Джиакомо ди Сан-Ремо, Факино ди Виваччи и др. [38, с.201]. В портиках таких лавок нотариусы Каффы и Солдаи оформляли сделки и завещания [38, с.201–202]. Этот тип торгового дома сохранился в Крыму до XVII–XVIII вв. и примером тому могут служить торговые ряды в Симферополе и аналогичная лавка в Евпатории. Конструктивное единство лавок торговых городов Причерноморья и Средиземноморья не было связано с влиянием генуэзцев, как пытался доказать Э.Полегги [43, с.25–30]. Оно являлось лишь отражением функционального единства, связанного с общими закономерностями урбанизации приморских торговых центров и выработкой в течение XII–XIII вв. стереотипа торгового здания. Культурные влияния и архитектурный стиль могли бы проявляться лишь в элементах архитектурного декора и в интерьере.

В завале пола верхнего этажа лавки обнаружены неорнаментированные чаши на кольцевом поддоне под желто-коричневой поливой (рис. 6), а также кухонные сосуды из коричнево-красной глины (рис. 6). Эти сосуды носят следы эксплуатации и использовались в хозяйстве купца. На плитах же пола первого этажа найдены обломки бронзовой литой чаши, наконечник пояса, костяная игла для вязания сетей и 270 железных кованых крючков для ловли рыбы, совершенно идентичным крючкам из кузницы. Здесь же обнаружены не бывшие в употреблении и предназначавшиеся для продажи парадные столовые тарелки и блюдо на кольцевом поддоне. Последнее украшено резным орнаментом, выполненном в технике резерва под оливково-желтой кроющей полевой (рис. 6), а также обломки красноглиняного кувшина с куфической надписью дипинти под зеленой кроющей поливой (рис. 5, 18), который находит аналогии в керамическом комплексе Орен-Калы [35, с.229–246; 34, с.56–89]. Тарелки же с орнаментом в технике резерва в Крыму получили распространение лишь на территории Газарии в комплексах XIV–XV вв. Они встречены в Солхате, Сурб-Хаче, Каффе, на Кордон-Обе, в верхнем слое Тепсея и во всех закрытых комплексах конца XIV–XV вв. в Солдае. На Южном берегу Крыма и в Юго-Западной Таврике, включая Херсонес, находки такой керамики единичны. Такой прием орнаментации и стиль декора не имеют в Таврике генетических связей. Их распространение в Восточной Таврике можно связывать с оседанием новых этнических групп, принесших на эту территорию иные стилистические и технологические приемы. Ближайшие аналогии таким сосудам, как и кувшину с куфической надписью, можно найти в Азербайджане [12, с.71–73]. В той же технике изготовлены тарелки XIV–XV вв. из церкви св. Софии в Трапезунде [44, с.41–44, рис. 80], а также в Кале-Хисаре в Изнике, где они найдены в слоях XIII–XIV вв. и связываются исследователями с гонимым византийского Востока и Ирана [36, с.212–214]. В собствен-

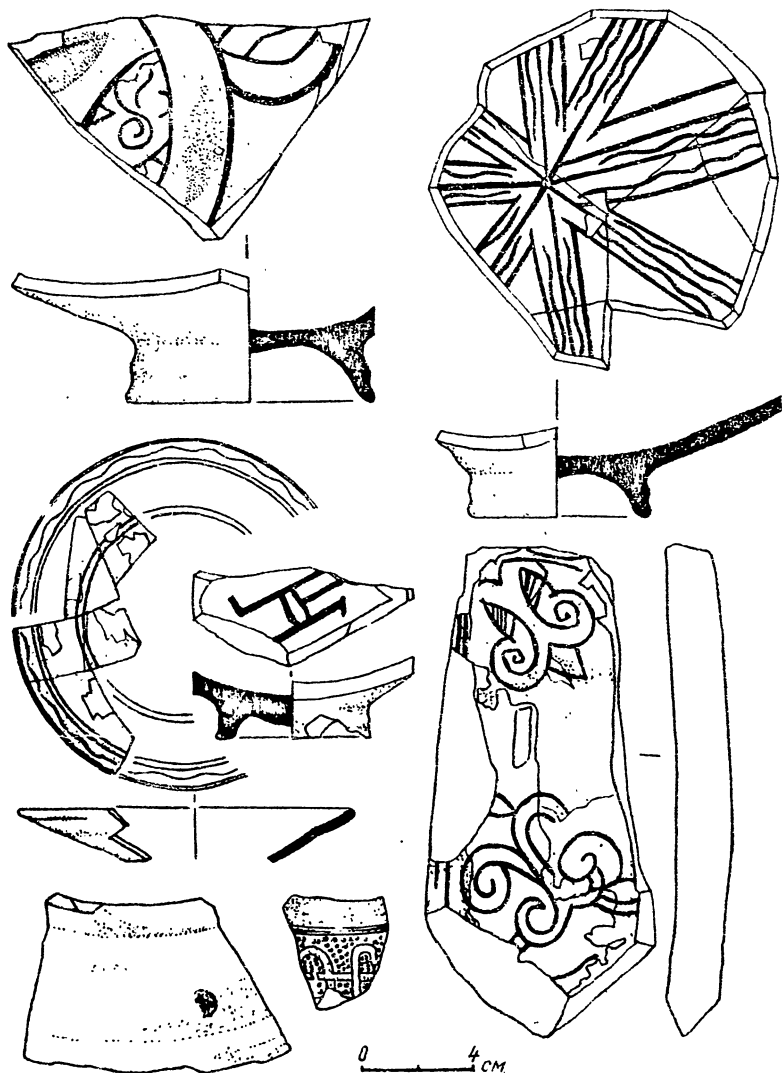

Рис. 6. Тарелки и чаши из слоя разрушения жилища ремесленника (пожар 1380 г.)

но византийской керамике, обширная коллекция которой представлена материалами Большого Дворца в Константинополе, Кипра и Греции техника резерва почти не получила широкого распространения. Даже там, где она применялась, такая изобразительная манера играла вспомогательную роль, подчеркивая традиционные византийские мотивы

[41, № 16661]. Датировка керамики декорирования резервом в Крыму пока не надежна в виду малочисленности закрытых комплексов. В данном конкретном случае ее можно датировать на основании более, чем трех десятков джучидских монет, обнаруженных вместе с керамикой этого типа на полах торговой лавки в слое пожара. Наиболее поздние из них чеканены ханом Токматышем в 1377–1396 гг. и датируют пожар.

Подводя итог хронологизации материалов из лавки на участке Главных ворот Судакской крепости можно утверждать, что она была построена одновременно с мастерскими в XIII в. и разрушена одновременно с мастерскими не позднее времени Токматыша, монеты которого обнаружены во всех трех комплексах. Принимая во внимание время сооружения восточной привратной башни, датировку пожара на посаде можно ограничить 1377–1381 гг. Скорее всего, эти разрушения могли быть связаны с захватом Сутдеи генуэзцами в 1380 г., на что прямо указывает договор от 28 ноября 1380 г. Последний был заключен между консулом Кафф и ордынским наместником Солхата. Согласно договору, татары передавали "Великой Коммуне Генуе" Солдаю с 18 соседними деревнями [46, с.177–178]. Однако акция передачи города вряд ли носила мирный характер, так как спустя всего четыре месяца потребовалось письменное подтверждение договора, и генуэзские власти предпринимают военную экспедицию в окрестности Солдаи для приведения к покорности жителей района [38, с.201].

1. Антонова И.А. и др. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. – Вып. 7. – Свердловск, 1971. – С.98–101.
2. Баранов И.А. Отчет об археологических раскопках на мысе Троицы в 1968 г. // Архив Института археологии АН УССР. – 1968/14.
3. Баранов И.А. О восстании Иоанна Готского // Феодалная Таврика. – Киев: Наук. думка, 1974. – С.151–162.
4. Баранов И.А. Средневековая литейная форма из Старого Крыма // СА. – 1977. – № 2. – С.242–246.
5. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтовомаяцкая культура). – Киев: Наук. думка, 1980. – 166 с.
6. Баранов И.А. Некоторые итоги изучения тюрко-болгарских памятников Крыма // Плиска-Преслав. – Вып. 2. – София, 1981. – С.57–69.
7. Баранов И.А. Главные ворота средневековой Судайи // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. – Киев: Наук. думка, 1988. – С.81–97.
8. Баранов И.А. Периодизация оборонительных сооружений Судакской Крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. – Ростов-на-Дону, 1989. – С.46–62.
9. Богаевский Б.Л. Техника первобытно-коммунистического общества // История техники. – Т. 1. – Ч. 1. – М.; Л., 1936.
10. Брыкина Г.Л. Карабулак. – М., 1974.
11. Готье Ю.В. Археологические работы в Судаке // Новый Восток. – 1927. – № 20–21.
12. Гюзальян Л.Т. Палеоэпиграфические материалы из раскопок Орен-Калы // МИА. – 1965. – № 133. – С.56–89.
13. Данилова Э.В. Армянская колония в Каффе в конце XIII в. (по данным генуэзских нотариальных источников 1289–1290 гг.) // V республиканская конференция по проблемам культуры и искусства Армении: Тез. докл. – 1982.

14. Домбровский О.И. Средневековые поселения и "исары" Крымского Южно-бережья // Феодальная Таврика. — Киев : Наук. думка, 1974.
15. Домбровский О., Столбунов А., Баранов И. Аю-Даг — "святая" гора. — Симферополь, 1915.
16. Дубровский М.И. Жилища крымских горных татар // По Крыму. — Симферополь, 1914.
17. Кафадрян К. Город Двин и его раскопки. — Вып. 2. — Ереван, 1982.
18. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе в Крыму // ОАК за 1895 г. — СПб., 1897. — С.87—116.
19. Крамаровский М.Г. Гончар-армянин из Сарая ал-Джедид // Культура и искусство народов Востока. — Тр. Гос. Эрмитажа. — Вып. XIX. — Л., 1978.
20. Крамаровский М.Г. Крымская ривьера и Северный Кавказ в XIII—XV вв. // Душетская науч. конф., посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами. — Тбилиси, 1984.
21. Крупнов Е.И. Христианский храм XII в. на городище Верхний Джулат // МИА. — 1964. — № 114. — С.48—66.
22. Львова З.А. Стекланные браслеты и бусы из Саркела — Белой Вежи // МИА. — 1958. — № 75. — С.307—333.
23. Мушегян Е. Предметы, выявленные раскопками в Ани // Каталог музейных коллекций. — Вып. 2. — Ереван, 1982.
24. Романчук А.И. Керамический комплекс XI—XII вв. из раскопок портового района Херсонеса // АДСВ. — Вып. 12. — Свердловск, 1975. — С.7—19.
25. Романчук А.И. Материалы к истории Херсона XIV—XV вв. // Византия и ее провинции. АДСВ. — Свердловск, 1982. — С.23—35.
26. Рудаков В.Е. Баклинский средневековый склеп с граффити // Античные традиции и византийские реалии. — Свердловск, 1980. — С.121—129.
27. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью Золотоордынских ханов. — М., 1966. — С.274 с.
28. Федоров-Давыдов Г.А. Керамическое производство в Золотой Орде // Материалы I симпозиума по проблеме "Полихромная поливная керамика Закавказья. Истоки и пути распространения". — Тбилиси, 1985.
29. Фронджало М.А. Раскопки в Судак (1964—1966 гг.) // Археологические исследования на Украине в 1965—1966 гг. — Вып. 1. — Киев : Наук. думка, 1967. — С.190—193.
30. Фронджало М.А. Раскопки в Судак // Феодальная Таврика. — Киев : Наук. думка, 1974. — С.139—150.
31. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.) // МИА. — 1950. — № 17. — 256 с.
32. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. — 1959. — № 63. — 363 с.
33. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. — М., 1964. — 233 с.
34. Якобсон А.Л. Археологические исследования на городище Орен-Кала в 1957 г. // МИА. — 1965. — № 133. — С.9—26.
35. Якобсон А.Л. Художественная керамика Байлакана (Орен-Кала) // МИА. — 1969. — № 67. — С.226—302.
36. Aslanapa Oktay. Turkish Ceramic Art // Archeology. — Vol. 24/3. — Washington, 1971.
37. Balard M. Roimanie Genoise (XII—debut du XV siecle), t. II — AN. N.S., vol. XVII (XCP). — Genova, 1978.
38. Balard M., Veinstein G., Continuite ou changement d'un paysage urbain? Caffa Genoise et Ottomane // Le Paysage urbain au Moyen Age. — Lion, 1981.
39. Byzantine glazed Pottery. — Oxford, 1936.
40. Davigson G.R. The minor objecta // Corinth. — Vol. XII. — Princeton, New Jersey, 1952.
41. Morgan C.H. The Byzantine Pottery // Corinth. — Vol. XI. — Cambridge, Massachusetts, 1949.

42. *Ny Tazonov M.I.* Hentavpikh Xeronh Po I Oviaia. — Aihnai, 1965.
43. *Poleggi E.* Per una storia dell'urbanistica nel Mediterraneo insediamenti e culture urbane. — Genova, Liguria nel Mediterraneo insediamenti e culture urbane. — Genova, 1982.
44. *Rice D.T.* The Excavations. — The Church of Haghia Sopha at Trebizond. — Edinburg, 1967.
45. *Stringa P.* Genova e la Liguria nel Mediterraneo insediamenti e culture urbane. — Genova, 1982.
46. *Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea. — Cambridge, 1936.

Т. И. МАКАРОВА

БОСПОР — КОРЧЕВ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Описываются материалы и интерпретируются результаты работ, проведенных в 60–70-е гг. в припортовом районе позднеантичного и средневекового Боспора — Корчева. Изучение архитектурно-археологических комплексов и письменных источников позволило воссоздать канву жизни этой части города в III–XII вв. и кратко охарактеризовать более поздний период.

Решающую роль в истории Керчи сыграло ее местоположение на берегу пролива Боспора Киммерийского и наличие обширной хорошей бухты, где с древнейших времен разместилась удобная гавань. Остатки древнего мола гавани были заметны под водой еще в середине прошлого века [1, рL. IV]. Можно сказать, что именно географическое удобство района, выбранного милетскими колонистами для города [13, с.23, 92, 491], обеспечило его непрерывное существование в течение более двух тысяч лет. Оно отразилось в названии государства, повторившем название пролива и сохранившем это название в имени города, продолжавшего жить после гибели царства.

Измененное имя этого города — Корчев-Керчь, — вероятно, связано тоже с проливом. О.Н.Трубачев вслед за А.И.Соболевским ведет его от славянского "къркъ" (горло) [40, с.39]. По его мнению само название "Корчев" происходит от местоположения города на берегу горлообразного пролива, соединяющего Азовское море с Черным. Другие этимологии названия современной Керчи (М.Фасмера — от "корчевать" и В.И.Абаева — от "кърчи", т.е. кузнец) О.Н.Трубачева не убеждают.

Важность Керченского пролива, который античные авторы считали границей между Европой и Азией, и непреходящее торговое значение его во все времена были основными причинами того, что в названии города различные народы стремились отразить главную его роль — порта на берегу самой узкой части пролива.

Что касается топографии города, то она всегда была подчинена ее роли торгового порта. "Пантикапей представляет собой холм, со всех сторон заселенный..., с восточной стороны от него находится гавань и доки..., есть также акрополь" — эта характеристика Страбона [23 с.204, VII, 4] запечатлела основные черты топографии города от древности до наших дней. На "холме", т.е. на горе Митридат, велись многолетние археологические раскопки. В результате их мы располагаем теперь конкретными сведениями о первоначальном заселении Пантикапея, о жилых постройках, ремеслах, оборонительных и общественных сооружениях его обитателей с VI в. до н.э. до его гибели в IV в. н.э. [4; 6; 8; 9].

Значительно меньше известно о жизни в портовой части города, где, по мнению В.Ф.Гайдукевича, располагалась с древности Рыночная площадь — агора [13, с.479]. Действительно, в 1934 г. В.Д.Блаватским около церкви Иоанна Предтечи был открыт достоверный позднеантичный слой [7]. Однако условия для исследований в портовой части города не столь благоприятны, как на Митридате, а древние напластования залегают на большой глубине и многократно перекрыты позднейшим строительством, в частности, простоявшей до наших дней церкви Иоанна Предтечи. Реконструкция площади около нее и реставрация самого храма позволили провести раскопки на территории древней керченской гавани в 1963 г. [16, с.120; 24, с.73—77]. В 1964 г. они были продолжены, а в 1970 и 1971 гг. возобновлены уже в непосредственной близости от южной и восточной стен храма [25; 26; 27].

Главным результатом этих работ было вскрытие непрерывных напластований с III по XII вв. Дополнили эту картину работы на участках, где удалось подробно исследовать более узкий период: это турецкая баня XIV—XV вв., раскопанная И.Б.Зеест и А.Л.Якобсоном в 1963 г., и прицерковное кладбище X—XIV вв., раскопанное автором в 1970—1971 гг.

Основная трудность работ состояла в том, что выдающийся в Керченскую бухту мыс, на котором располагалась бывшая Рыночная площадь, застраивался на протяжении почти двух тысяч лет. В периоды интенсивного строительства каменные сооружения предшествующего времени служили источниками добычи строительных материалов, своеобразными карьерами, ямы от которых пронизывали весь культурный слой.

На плане, изданном А.Ашиком [3, с.301], показаны контуры турецкой крепости, разобранной в 1827 г., и кварталы города, наступающие на нее (рис. 1). Свободной от домов показана только площадка к северу от церкви. В XIX в. здесь разместился рынок с каменными торговыми рядами [2, с.56]. Он просуществовал до 50-х гг. нашего столетия, молочные ряды его выглядели довольно внушительно. Для них были сооружены каменные подвалы складских помещений, нарушившие культурный слой более, чем на 1 м. Непосредственно перед реконструк-

122

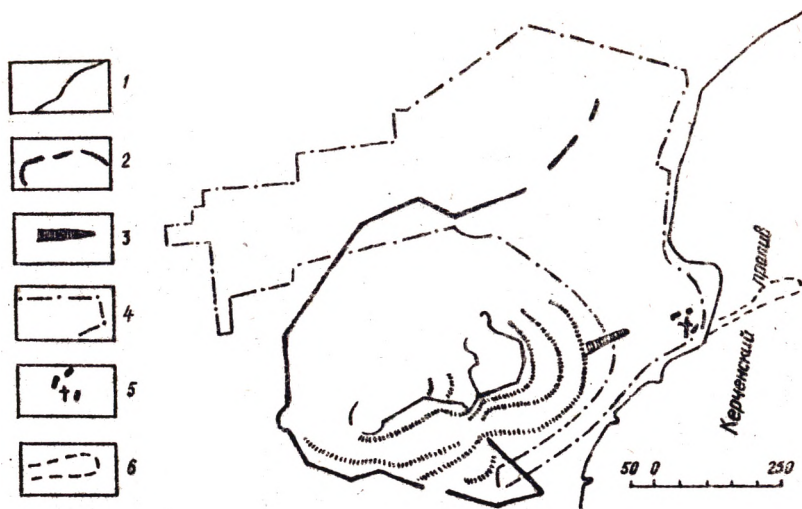

Рис. 1. Схематический план Керчи (по А.Алику).

1 — береговая линия; 2 — следы стен Пантикапея; 3 — лестница на гору Митридат; 4 — квартал Керчи нач. XIX в.; 5 — церковь Иоанна Предтечи и места раскопок 1964—1980 гг.; 6 — древний мол

ций площади на месте будущих раскопок размещался цирк-шапито, для которого площадка нивелировалась и подсыпалась слоем опилок.

Все это важно отметить для характеристики первых 1,5 м культурного слоя. Его не было смысла и возможности снимать вручную, на всех трех раскопах 1963—1964 гг. он был снят бульдозером. Раскопки начались на глубине 1,2—1,4 м от современной поверхности, принятой нами за 0 (нулевая отметка исследуемого участка над уровнем моря +5,25 м).

Самые поздние постройки, вскрытые нами, относились ко времени XVII—XVIII вв. Это были каменные стены дома, частично попавшие в наш раскоп и по материалу относящиеся к XVIII в., и многочисленные ямы от разборки построек более раннего времени.

Интенсивное строительство в XVII—XVIII вв. на площади к северу от церкви Иоанна Предтечи объясняет плохую сохранность более ранней застройки, синхронной турецкой бане. Очевидно менее фундаментальная, чем баня, она была разобрана для последующего строительства.

Разборка завалов кладок позднего строительства была завершена на глубине 1,6 м от современной поверхности и сразу открылся горизонт квартальной застройки, состоящий из остатков кладок четырех домов и двух пересекающихся под прямым углом улиц (рис. 2). Ориентация их говорит о том, что застройка велась с учетом церкви Иоанна Предтечи: одна из попавших в раскоп улиц вела к северному входу в храм [24] (рис. 3).

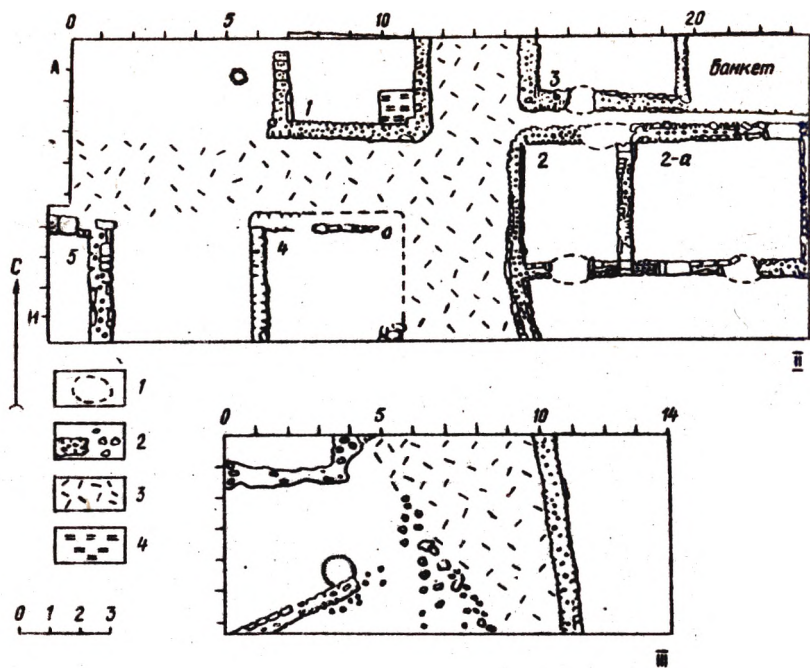

Рис. 2. План сооружений и улиц Корчева.

II – раскоп 1963 г.; III – раскоп 1964 г.; 1 – поздние ямы от выборки кладок; 2 – камни и кладки из ракушечника; 3 – мощеные улицы из крошек ракушечника; 4 – обожженная глина.

Верхний горизонт улицы залегал на глубине 1,6 м и отличался от прилегающих к ней участков культурного слоя обилием мелких черепков красноглиняной керамики, производящей впечатление специального мощения. Этот обычай хорошо известен с античных времен. Так, улица с черепяно-щебенчатой мостовой, уровень которой постепенно повышался, открыта в Мирмекии [12, с.301]. Такое же мощение из битой керамики было обнаружено при раскопках квартальной застройки VIII–IX вв. в Фанагории, где мощение производилось крошкой ракушечника – основного строительного материала этих мест [33, с. 6]. Так же и здесь под слоем с обильными находками керамики залегала мостовая, утрамбованная крошкой битого ракушечника. Этот горизонт мостовой расчищен нами на глубине 2,1 м от 0, его хорошо зафиксировали профили раскопов (рис. 4).

Для стратиграфии улиц и примыкающих к ней построек важно то, что мощение из мягкого белого ракушечника лежало на ровной каменной поверхности предшествующего строительства (рис. 9). Сама крошка представляла собой отходы от строительства из камней ракушечника. Стратиграфически удалось установить последовательность 124

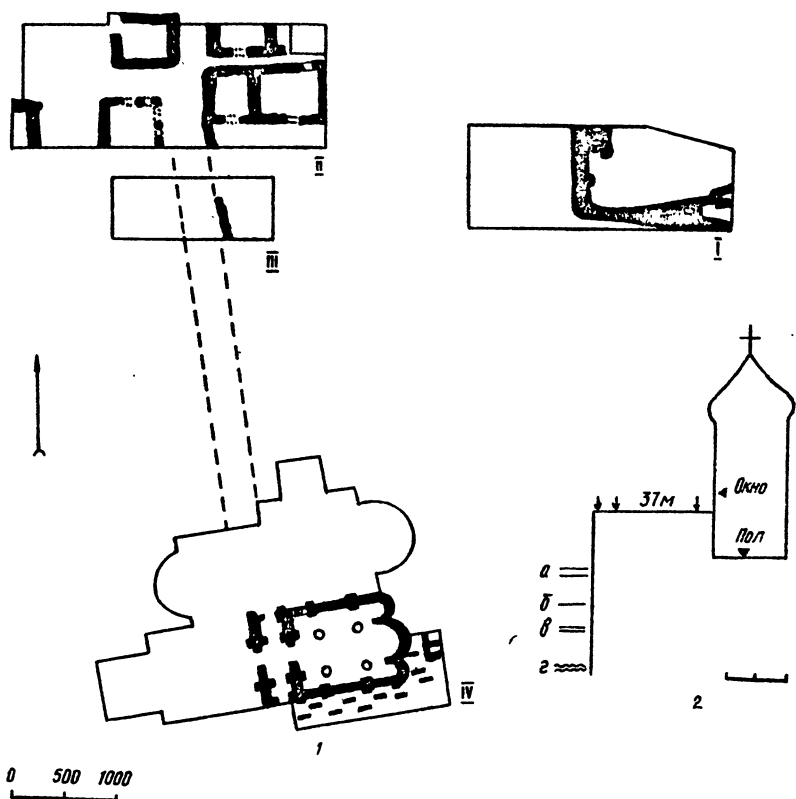

Рис. 3. Расположение раскопов на б. Рыночной площади Керчи.

Раскопы: I (1963 г.) — турецкая баня; II (1963 г.) — дома Корчева с улицей, ведущей к церкви; III (1964 г.) — продолжение улицы; IV — прицерковное кладбище Корчева.

возведения домов и примыкавших к ним дворигов на каменистой с nivelированной поверхности предшествующего строительства и прямую связь его с мощением улицы крошкой ракушечника. Время этого строительства документируется выразительным археологическим материалом, содержащемся в полуметровом слое улицы, заключенном между белым мощением из ракушечника и слоем мощения из черепков керамики (от 2,1 до 1,6 м. от 0).

Основную массу его составляли амфоры и кувшины. Они принадлежат к достаточно хорошо известным типам тарной керамики Крыма IX—XII вв.

Амфоры относятся к трем основным типам: с зональным рифлением, реберчатые и амфоры с венчиком "воротничком" и поднимающимися над ним ручками [42, рис. 5, 6, 21—26].

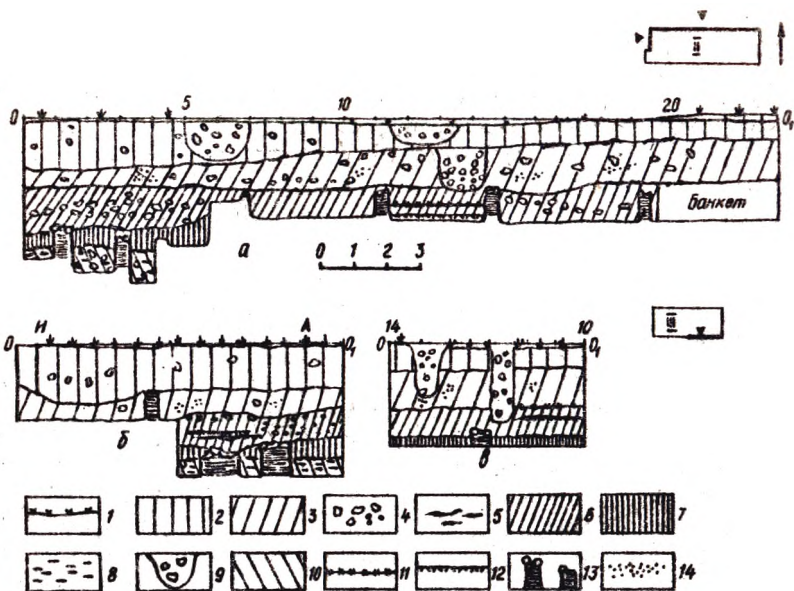

Рис. 4. Профили раскопов.

А, Б — северный и западный профили I раскопа; В — южный профиль III раскопа (деталь). Условные обозначения: 1 — современная дневная поверхность; 2 — светлый рыхлый слой с находками XVII—XIX вв.; 3 — гумусированный каменистый слой разборки построек Корчева; 4 — камни; 5 — зольные прослойки от пожаров; 6 — плотный гумусированный слой с остатками построек Корчева; 7 — темный гумусированный слой хазарского времени; 8 — глина темно-красная; 9 — ямы от добычи камня древнего строительства; 10 — глинистый влажный слой позднебеоспорского времени; 11 — мощение улицы из обломков керамики; 12 — мощение улицы крошкой ракушечника; 13 — кладки стен; 14 — песок

Самые ранние из них имеют высокое горло, ручки, начинающиеся под ним почти под прямым углом, они круглодонные, сделаны из светлой глины, снабжены рифлением. Причерноморское происхождение их несомненно: они найдены А.Л.Яковсоном в открытых им гончарных мастерских IX — первой половине X в. [45, с. 307; 43].

Второй тип принадлежит круглодонным амфорам с грушевидным реберчатым туловом, низким горлом, слабо выраженным венчиком, круто изогнутыми, почти круглыми в разрезе ручками, начинающимися под венчиком. Их много в слоях X в. в Херсонесе, Тиритаке, на Таманском городище [32, с.51; 31, с.241—244, рис. 28, 3—6].

Третий тип амфор характеризуется венчиком "воротничком" и массивными поднимающимися над ним ручками. Они найдены при расчистке верхней мостовой. В Херсонесе, Саркеле и на Таманском городище они появляются в слоях XI в., исчезают в слоях начала XII в. [42, рис. 11, 34—36; 31, с.246, рис. 31].

В настоящее время можно уже выделять среди этих во множестве

находимых амфор варианты с более узкой датировкой. Однако для этого необходимы находки целых форм или больших их фрагментов. В слоях мощения улиц найдены лишь очень мелкие обломки, поэтому подсчеты их по типам невозможны. Самое большее, что можно сделать, это идентифицировать их по отдельным признакам с тем или иным датированным типом амфор. Общее же количество найденных на вскрытых участках улиц амфор достигает более 2 тыс. фрагментов (2499 экз.).

Кувшины, найденные в том же полуметровом слое, представлены тоже мелкими обломками. Интересно отметить, что участок улицы, открытый в 1963 г. на раскопе II, был вымощен преимущественно обломками амфор, а продолжение той из них, которая шла в направлении С—Ю в раскопе III (1964 г.) — обломками красноглиняных кувшинов.

Попадавшиеся среди фрагментов кувшинов венчики дают возможность подтвердить наблюдение С.А.Плетневой, сделанное на материалах Таманского городища: венчики диаметром от 6 до 8 см характеризуют более ранние формы, венчики до 14 см диаметром — более поздние [32, с.54]. Добавим к этому, что профиль венчиков тоже заметно меняется: у ранних узкогорлых кувшинов он сглаженный, у более поздних — рельефный с четкой продольной выемкой. Меняется и цвет обжига глины: в первом случае она буро-красная, во втором — светлая.

Для датировки слоя мощения улиц важно отметить, что именно он дал большинство всех найденных в культурном слое обломков белоглиняной византийской посуды второй половины IX—X вв. и стеклянных браслетов с росписью.

Таким образом, самый ранний материал, содержащийся в полуметровом слое мощения улиц, можно датировать второй половиной IX в., самый поздний — началом XII в.

Единый комплекс с улицами составляли остатки пяти домов, сложенных из камней мягкого ракушечника со следами подтески. Эти квадраты, достигающие иногда в длину 1,5 м и в высоту 0,15 м, составляли внутренний и внешний панцири стен, пространство между ними забутовано бесформенными камнями ракушечника. Камни стен выложены рядами, в отдельных участках они напоминают кладку в елочку (рис. 10).

По планировке дома представляют собой обычные для средиземноморских построек сооружения. Это прямоугольные, реже квадратные в плане постройки, объединяющие жилые и хозяйственные помещения. Они двухэтажные, двухкамерные. На первом этаже находились хозяйственные службы, на втором — жилые помещения с печами. Вход в дом располагался с продольной стороны, на второй этаж вели лестницы в стене (рис. 11). К домам примыкали огороженные дворики [39, с. 12, 125—126]. Подобные постройки хорошо известны по раскопкам в Херсонесе [45, с.297] и в городах Болгарии [46, с.115—121].

Застройка на попавшем в раскоп участке была тесной: дом № 3 почти примыкал к стене дома № 2, поэтому пришлось заложить окно в се-

верной стене последнего. В конструкции открытых домов есть некоторое своеобразие. Так, в доме № 2 и № 3 на полу были обнаружены лишь бесформенные завалы глинобитных печей, очевидно рухнувших со вторых этажей при разрушении помещений. В доме № 1 сводчатая глинобитная печь располагалась в юго-восточном углу (рис. 12), хотя помещение, судя по лестнице в западной стене, было двухэтажным.

Надо отметить, что кладки домов, стратиграфически связанные с улицами, интенсивно разбирались после их гибели. Ямы от выборки камней видны и в профилях, и в открытых стенах. Материал — поливная керамика XV—XVII вв. — указывает на время добычи строительного материала для построек позднего времени. Некоторые участки стен домов № 4 и № 5 оказались выбранными почти полностью, и планировку этих домов удалось восстановить по отдельно сохранившимся камням.

Важно остановиться на хронологии строительства на вскрытом участке. Все постройки возводились на каменистой поверхности, покрытой на участках улицы 10–15-сантиметровым слоем белой крошки ракушечника. Непосредственно на каменистом слое лежат нижние камни стен домов № 1 и № 2. Пол с хорошо видной глиняной подмазкой находится на уровне первых камней стен и перекрывает каменистую поверхность. Ясно, что эта специально сnivelированная поверхность является дневной поверхностью застройки открытого квартала.

Камни заборов дворики домов № 1 и № 2 лежат выше этого уровня, они были сложены уже позже, когда над белой мостовой вырос слой мощения из битой керамики. За время жизни открытых построек нижние 5–6 рядов камней "вросли" в накопившийся около них культурный слой на 0,65–0,80 м. Поэтому они и сохранились: стены, возвышающиеся над землей, рухнули и были разобраны.

Открытый раскопками участок жилого квартала города погиб в начале XII в. Материал из заполнения жилищ согласуется с находками керамической (верхней) мостовой. Исторически это событие логичнее всего связывать с половецким вторжением, постигшем в XII в. Саркел, Тмутаракань и Корчев.

При исследовании построек Корчева мы неоднократно сталкивались с использованием в их стенах квадров от построек более раннего времени. В кладке юго-западного угла дома № 1 был использован мраморный квадрат с пятистрочной греческой надписью с упоминанием Рискупоридов. В конструкции входа в дом № 2 употреблены квадры ракушечника, по размерам и тщательности отески отличающиеся от строительного материала остальных построек.

Наконец, подчистка дневной поверхности корчевского времени непосредственно под белым слоем первой мостовой открыла остатки предшествующего строительства. Это были обрывки кладки из больших отесанных камней ракушечника перед домом № 1, кладка под полом того же дома, продолжение ее в шурфе около дома № 3 (рис. 9).

Не оставалось сомнения, что каменистая поверхность, явившаяся третьей, самой древней, мостовой Корчева времени его постройки на исследуемом участке, представляет собой сnivelированную площадку, оставшуюся после разрушения предшествующего строительства.

На раскопе 1964 г. следы корчевского строительства были незначительны.

Докорчевское строительство оказалось представленным остатками мощных стен, сохранившихся на высоту пяти рядов камней и прослеженных в целом на протяжении 15,3 м. В западном участке раскопа были открыты две идущие параллельно стены шириной каждая от 1,0 до 1,1 м. К северной стене примыкали две менее мощные кладки. Сложены они на глине из подтесанных камней ракушечника, рядами с забутовкой между внутренним и внешним панцирями. Отдельные участки кладки сложены в елочку (рис. 13).

Дата открытия сооружения достаточно документирована и стратиграфически, и по сопутствующему материалу. Большинство его составляют амфоры с высоким горлом, плоским краем венчика, массивными ручками с гребнем и зональным мелким рифлением. Датируются они VIII—IX вв. [45, с.307].

Резко изменяют облик и кувшины. Глина их, для поздних форм оранжевая, становится красной, стенки часто покрыты слабым смолением, а диаметр венчика не превышает 8—10 см.

Самой интересной для понимания эволюции формы кувшинов оказалась находка врытого в землю пифоса и скопления мелких черепков амфор и кувшинов со смолением. Среди них не было найдено обычных для кувшинов IX—XI вв. плоских днищ. Все днища острокруглые. Еще ни разу генетическая связь красноглиняных кувшинов с плоскими ручками с остродонными амфорами не была столь очевидной. В скоплении керамики около пифоса было обнаружено и два обломка поливной белоглиняной византийской керамики, и обломки блюда с красным лаком плохого качества. Для понимания назначения открытого скопления тарной керамики стоит упомянуть остатки большого количества яичной скорлупы. Никаких конструкций рядом обнаружено не было. Находились эти остатки хранилища съестных припасов в 10 м от открытых нами стен.

Следы большого разрушения хранят и сами стены. При расчистке примыкавших к северной стене кладок был обнаружен мощный слой горения (рис. 4, б).

Слой, который связан с открытыми стенами, достигает немногим более полуметра. Для него характерны, кроме описанных амфор и кувшинов, кухонная сероглиняная и лощеная посуда салтовского облика, тонкостенные энохоевидные кувшины с вмятиной на ручке. Важно отметить почти полное исчезновение поливной посуды IX—X вв., стеклянных браслетов. Зачистка дневной поверхности этого слоя строительства предкорчевского времени дала самый ранний датирующий мате-

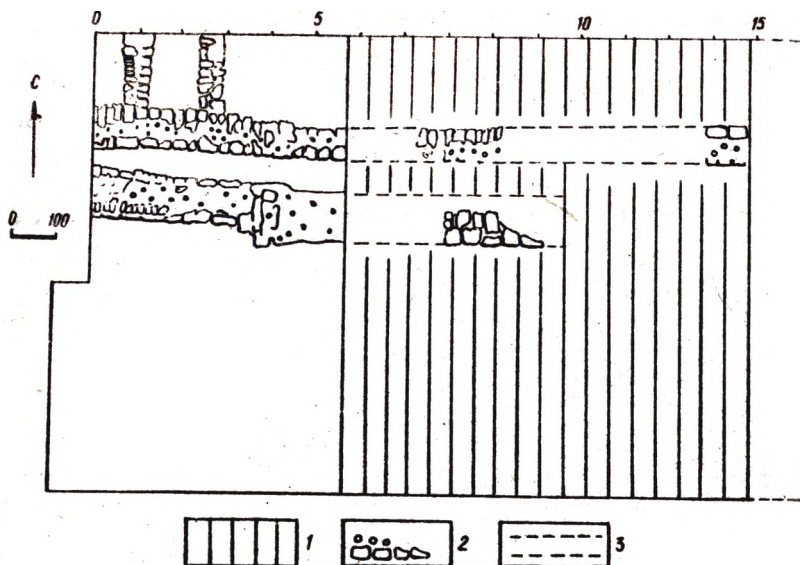

Рис. 9. Стены хазарской крепости на раскопе II (кв. 0–15).

1 — банкет с постройки корчевского периода; 2 — остатки хазарских стен, открытые под улицами и домами Корчева.

риал: обломки блюдов с плохого качества красным лаком, встречающиеся на Таманском городище в слоях VII–VIII вв. [32, с.64]. Все это позволяет отнести постройку и разрушение открытого сооружения к VII — началу IX в. Степи Приазовья были захвачены хазарами в 70-х гг. VII в. В событиях начала VIII в. Феофан упоминает наместников хазарского кагана, правивших "от его лица" в Фанагории и на Боспоре [1, с.56; 41, с.62–63]. Открытые стены вероятнее всего связать с хазарской крепостью, построенной на остатках строительства Боспора.

А.Л.Якобсон и И.Б.Зеест в результате раскопок 1963 г. на Рыночной площади пришли к выводу, что она была заселена "не ранее VIII–IX вв." [15, с.67]. Однако В.Д.Блаватский еще в 1934 г. выявил слои III–IV вв. всего в 60–70 м от места их раскопок [7, с.251]. В 1957 г. следы интенсивной застройки IV–VII вв. были открыты и Е.В.Веймарном, проводившим шурфовку в интерьере церкви [10].

Раскопки 1963 г. показали, что стены хазарской крепости перекрывали кладку хорошо обтесанных квадров ракушечника, рядом с которой были обнаружены обломки керамического водопровода или водостока. Находки краснолаковых блюдов подтвердили раннюю дату этого строительства.

Впрочем, А.Л.Якобсон все же не исключал того, что средневековый Боспор с крепостью времени Юстиниана мог располагаться где-то в пределах Рыночной площади. В более ранней работе он предполагал, что в 130

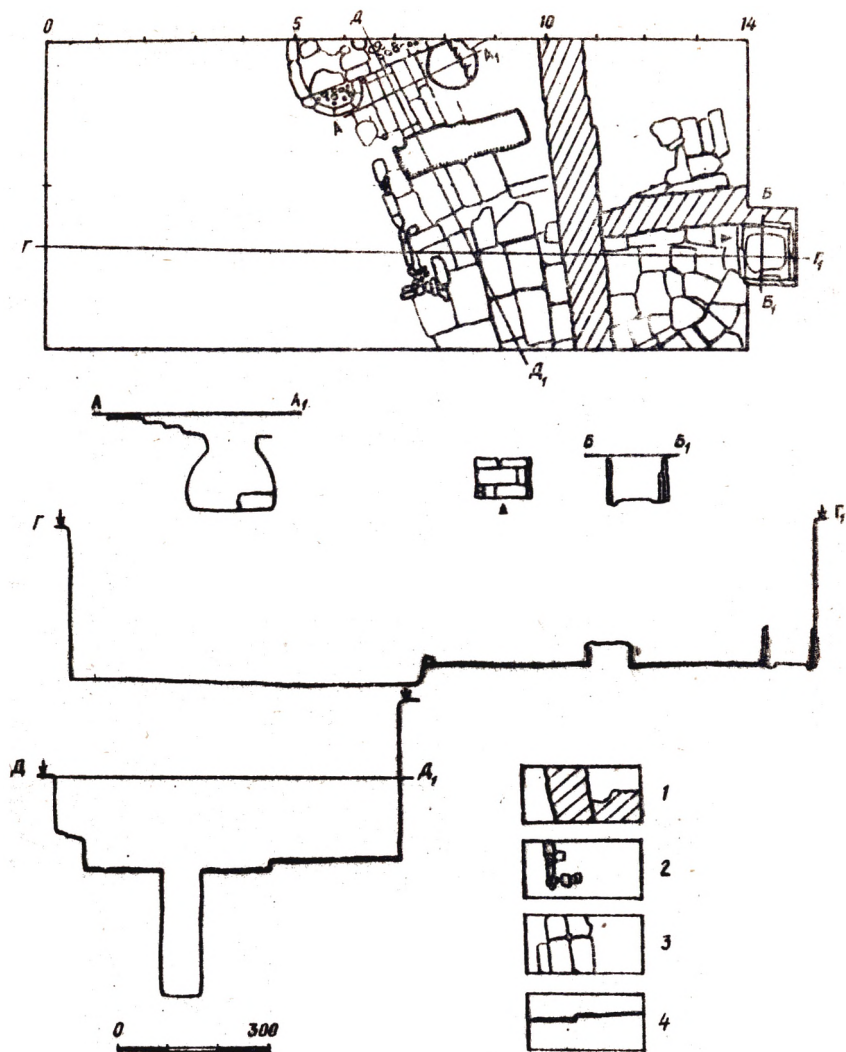

Рис. 11. Помещение № 8 (раскоп III). Разрезы: А-А1 – ямы в помещении 8; В-В1 – разрез каменного ящика в помещении № 8; Г-Г1 и Д-Д1 – разрезы раскопа.

1 – кладки хазарского и корчевского времени на полу помещения № 8; 2 – развал западной стены помещения № 8; 3 – пол из каменных плит; 4 – настилы пола (в разрезах).

ней был построен "храм в виде базилики", мраморные капители которого были использованы позже в церкви Иоанна Предтечи [44, с.466].

Конечно, разрозненные остатки строительства эпохи раннего сред-

невековья, находимые на протяжении трех десятилетий в портовой части Керчи, давали слабое представление о его характере. Существенно дополнили эти данные наши раскопки 1964 г.

На небольшой площади раскопа на глубине 2,8 м от современной поверхности была открыта часть помещения № 8, попавшего в раскоп северо-западным углом (рис. 11). Сохранились и расчищены части его северной и западной стен с боковым входом и ступенями, а также пол, выложенный каменными плитами. Пол мостили дважды: расчищены два настила из плит известняка и мрамора (рис. 14). Лучшее всего сохранился пол в южной части помещения, в северной части оба настила были разобраны до уровня плотной глиняной подмазки, на которую он был уложен. Верхний настил в южной части помещения состоял из правильной формы прямоугольных мраморных плит (1,0х0,6х0,15 м), местами замененных плитами известняка; в северной части помещений сохранился частично только нижний настил из таких же больших плит. В восточной части помещения пол состоял из плит разной формы и величины, уложенных по сторонам серого валуна треугольной формы со сглаженными углами. Этот участок помещения стал контрольным стратиграфическим узлом, благодаря перекрывающим его двум кладкам корчевского времени, являвшимися продолжением ограды дома № 2 и идущей перпендикулярно к ней кладке хазарского времени (рис. 11).

Стены помещения с мраморным полом были разрушены полностью. На полу были открыты лишь бесформенные завалы камней, и только тщательная их расчистка позволила обнаружить среди них остатки регулярной кладки. Так, от западной стены сохранился лишь внутренний панцирь кладки, состоявший из прямоугольных квадров (0,4х0,2 м). Забутовка и внешний панцирь ее полностью разрушены (рис. 11). Нижние камни западной стены находятся на одном уровне с первой, нижней вымосткой пола. На мраморных плитах второй, верхней вымостки остался след пилона: раствор, забутовка и один прямоугольный квадрат. Рядом с остатками западной стены помещения, на мраморных плитах, был обнаружен тонкий слой штукатурки со следами красной краски: очевидно, остатки штукатурки и росписи рухнувших стен.

Лучше сохранился участок северной стены из пяти рядов тесаных блоков известняка той же формы и размера, что и сохранившиеся блоки западной стены. К сожалению, он виден только на северном профиле раскопа. Прирезаться не было возможности, поэтому о ширине стены судить нельзя. Перпендикулярно к ней пристроен торец, завершающийся панцирем из четырех квадров, забутованным внутри мелким камнем и землей. К торцевой кладке примыкают две плиты порога с ямками от стояков двери и две хорошо сохранившиеся ступени (рис. 15).

Надо особо отметить, что открытые участки стен отличались от построек хазарского и корчевского периодов по материалу и системе кладок. Основным строительным материалом здесь выступают не неб-

режно отесанные камни ракушечника, а аккуратно обработанные подквадратные и прямоугольные блоки известняка [30, с.189—190]*. В качестве связующего раствора применялась не просто земля или глина с обломками керамики, а раствор из извести с галькой (так наз. "греческий раствор"). Квадры составляли внутренний и внешний панцыри кладки с забутовкой между ними из рваного камня и земли. Такая система кладки применялась византийскими артелями, возводившими крепости Таврики в эпоху Юстиниана. Нетрудно заметить, что кладки более позднего времени представляют собой огрубление и упрощение этой традиции.

Значительную трудность представляет хронология объектов, связанных с помещением с каменным полом. Это, прежде всего, могила, пятно которой четко обозначилось в нижнем настиле пола (рис. 13). Она ориентирована по линии 3—В с отклонением к С на 30°. Она оказалась разграбленной: костяк не сохранился, остались только обломки берцовой и плечевой костей. Очевидно, она была ограблена в древности, поскольку при настиле второго, верхнего, пола она была заложена плитами. Об этом свидетельствует и материал, обнаруженный при расчистке могилы. Могила оказалась заполненной грунтом с большим количеством керамики, камней, черепицы, кусков мрамора, в том числе и со следами обработки, среди которых был фрагмент архитрава с овами (0,14х0,13 м). Материал этот хронологически не выходит за рамки боспорского периода. Из амфор характерны так наз. "корчажки", известные в слоях IV в. Пантикапея и Фанагории, стенки амфор с глубоким рваным рифлением VI—VII вв. [16, с.120]. Стекланные сосуды (ножки рюмок) явно близки формам IV—VI вв. [38, с.148—154, рис.9]. На глубине первых 0,4 м заполнения могилы были найдены три монеты. По определению К.В.Голенко, одна из них относится ко времени Феофоса (297 г.), две других — ко времени Рискупорида VI (324, 326 гг.) [14]. Более позднего материала в заполнении могилы найдено не было. Важно отметить, что на глубине 0,2—0,25 м ее заполнения четко прослежен слой горения. Очевидно, могила была разграблена после пожара, который претерпело и здание, и после которого был предпринят серьезный его ремонт. С открытым помещением № 8 стратиграфически связаны еще два объекта. Это колодец, прорубленный в нижнем настиле пола и примыкающий к северной стене помещения. Яма его диаметром 1,0 м была обложена квадрами ракушечника в южной и западной ее частях; с северо-восточной стороны, где яма примыкает к северной стене помещения, специальной обкладки не понадобилось. Обкладка колодца лежала на нижнем полу и, судя по высоте блоков камня (до 0,2 м), должна была возвышаться и над вторым его настилом.

Яма колодца была заполнена землей с большим количеством ка-

* Замеченные Б.Ю. Михлиным следы обработки известняка и ракушечника и его соображения о способах добычи и обтески их по данным раскопок в Керкинити-де имеют значение для всего Крыма.

менного бута от обрушившихся в нее стен в момент разрушения помещения. На глубине 1,0 м яма стала активно заполняться пресной водой, объясняющей ее назначение в открытом помещении. Именно к этому колодцу вели ступени входа в помещение (рис. 11, 12).

Очевидно, колодец функционировал на протяжении обоих периодов существования помещения с мраморным полом: до его ремонта и после. Использовался он до IX в.: материала более позднего в засыпке не было. Основу его составляли обломки амфор розовой глины с зональным рифлением (49 обломков), стенки красноглиняных кувшинов, среди которых был один со смолением (всего 7 обломков), одна стенка амфоры с перехватом тулова не позднее VI–VII вв. Колодец был вырыт на глубину 1,4 м от уровня нижнего настила пола. Глубже вырыть его было невозможно: в восточной части колодца на глубине 1,1 м открылась кладка из больших белокаменных квадров, идущая в направлении С–Ю. Уже на этой глубине яма колодца наполнялась пресной водой, что и позволило использовать его в качестве неглубокого чистого резервуара.

Второе сооружение, связанное с помещением с мраморным полом, было обнаружено в восточном профиле раскопа (рис. 16). Это была кладка из трех рядов больших плит ракушечника. Для ее исследования была сделана прирезка (2,5х2,5 м). Здесь было открыто квадратное в плане сооружение, своеобразный ящик из поставленных на ребро плит ракушечника. К южной его стене с внутренней стороны плотно примыкает поставленная на растворе плита ракушечника (0,6х0,55х0,1 м), на дне обнаружены следы раствора. Центральную часть дна сооружения занимал округлой формы камень, окаймленный канавкой, которая могла служить стоком для воды.

Это сооружение конструктивно и стратиграфически связано с помещением № 8: ящик стоит на верхнем полу этого помещения и так же, как оно, перестал использоваться по первоначальному назначению не позже IX в. На дне его найден венчик красноглиняного черносмоленого кувшина раннего типа (диаметр венчика 8 см). Но это было не единственное его использование. Об этом свидетельствует заполнение ящика. Закрытый сверху каменной плитой он оказался забитым большими квадратами ракушечника (0,25х0,3х0,08 м; 0,3х0,5х0,1 м; 0,35х0,6х0,3 м). Края их отбиты, а уложены они намеренно плотно. В земле, засыпанной в ящик вместе с ракушечником, найдено много рыбьих костей, два обломка железных ножей и упоминавшийся венчик черносмоленого кувшина, дающий дату специального превращения полого резервуара со стоком в каменный стол, закрытый плитой.

Важно отметить, что материал из колодца, резервуара и разборки западной стены помещения № 8 не содержит находок, выходящих за рамки IX в. Все это указывает на конструктивную связь всех трех сооружений. На полу помещения № 8 были обнаружены обломки оконного стекла (всего 21 экз.), стеклянных сосудов IV–VI вв. [38, с. 148–

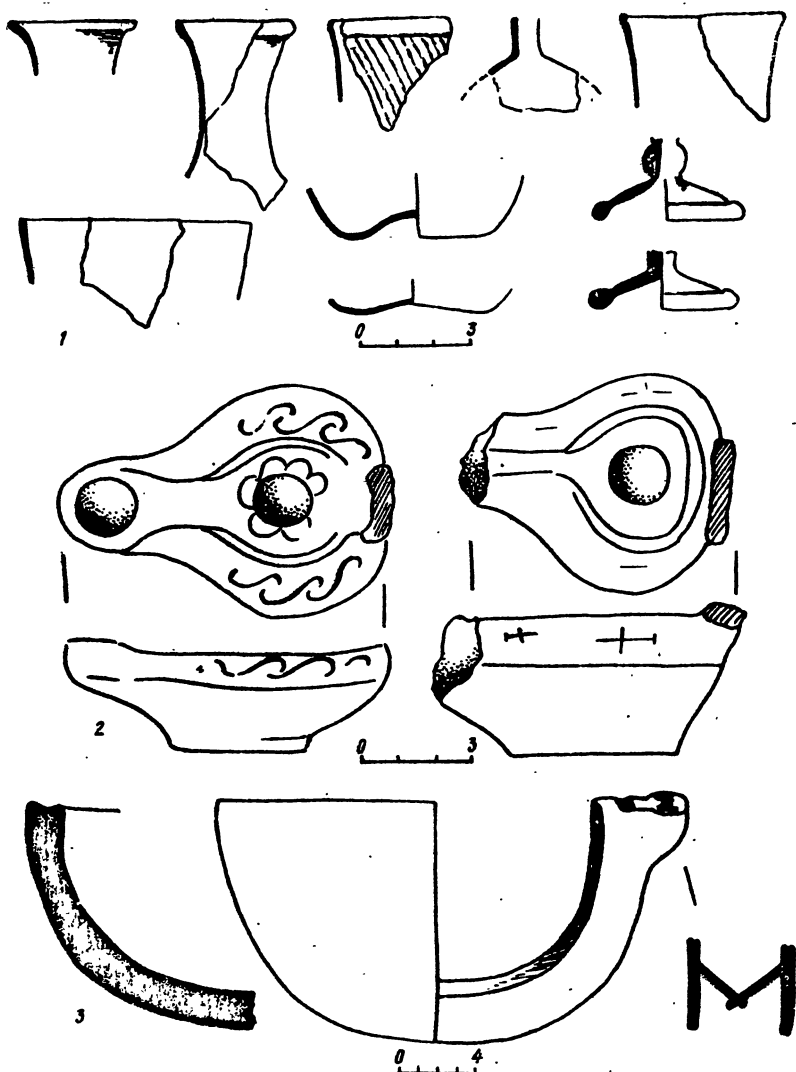

Рис. 15. Находки на полу помещения № 8.

1 — фрагменты стеклянных сосудов; **2** — керамические светильники; **3** — фрагмент мраморного лутерия

154], светильник, архитектурные детали из мрамора, черепица, фрагмент мраморного лутерия (рис. 15).

Расчистка пола дала и значительное количество раннесредневековой тарной керамики, характерной для слоев IV—VI вв. Пантикалея и

Фанагории. Это светлоглиняные амфоры с бороздчатыми ручками, прикрепленными ниже венчика, амфоры с характерным "рваным" рифлением [16, с.120].

Полученные данные в сопоставлении со стратиграфическим расположением помещения № 8 непосредственно под остатками построек хазарского времени дают возможность отнести его к строительству Боспора, скорее всего, юстиниановского времени.

Какое назначение частично открытого нами помещения? Наличие пола из мраморных и известняковых плит, штукатурки, могилы в первом настиле пола не оставляет сомнения в его общественном характере. Судя по колодцу и резервуару, представляющему близкую аналогию купели, открытой В.А.Кузнецовым в Зеленчуке [18, с.145, рис. 11], помещение № 8 представляет собой часть крещальни. Обычно крещальни входили в единый комплекс с базиликой. Такие комплексы хорошо известны в Крыму. Больше всего их построено в VI в., но началось их строительство с конца V в. и продолжалось до начала VII в. [45, с.145–213].

Открытое помещение, которое с определенной долей вероятности можно считать крещальней, предполагает существование где-то поблизости базилики. Скорее всего, она была на месте храма Иоанна Предтечи. Обычай строить храм на месте более древнего повсеместен. Он диктуется соображениями религиозного и утилитарного планов: кладки стен или фундаментов более древней постройки используются в новой. Так было и в данном случае.

Работы непосредственно около стен церкви Иоанна Предтечи [27, с.91–107] открыли участки кладки из больших блоков известняка, сложенные как кладка стен храма, не на "греческом" растворе (известь с галькой), а на растворе с розовой цемянкой, замешанном на битой черепице и плинфе. Работы внутри церкви также зафиксировали участки более древней кладки.

Однако ничего больше об этой базилике, кроме много раз повторенных соображений о принадлежности ей колонн храма Иоанна Предтечи, мы сказать не можем.

Открытые раскопками разных лет остатки строительства Боспора не слишком значительны, помещение с мраморным полом сильно разрушено и попало в раскоп небольшой частью, совсем небольшой отрезок кладки боспорского времени с обломками керамического водопровода удалось зафиксировать под хазарскими стенами. Однако открытие этих построек очень важно для истории Боспора, прежде всего потому, что они фундаментальны по своему характеру и впервые дают фактические данные о размахе строительства в портовой части города в юстиниановское время.

Остатки строительства предшествующего времени открыты раскопками 1964 г. на небольшой (около 10 м²) площади, расположенной к западу от помещения № 8 (рис. 16). Они были перекрыты культур-

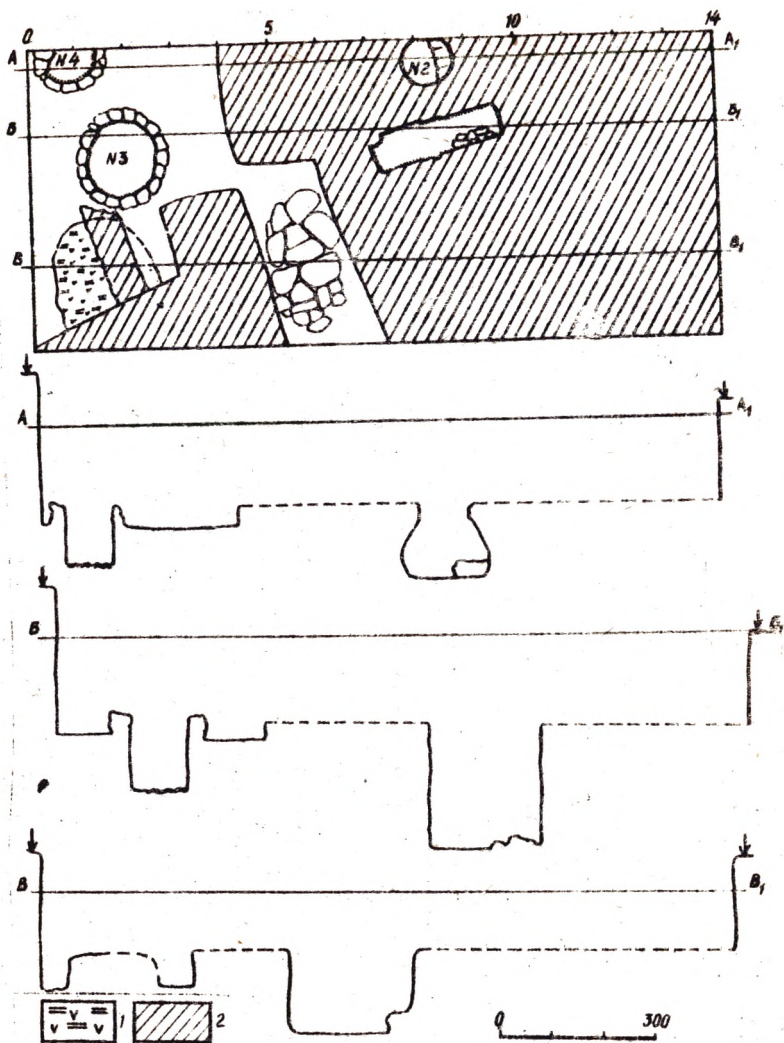

Рис. 16. Сооружения позднеантичного времени на раскопе III.
1 — обожженная глина и угли (печь № 2); 2 — банкеты с остатками строительства корчевского и боспорского времени.

ным слоем с мощными прослойками пожара, достигающими местами 0,25 м. Особенно хорошо это видно на кв. 1—2 б, в юго-западной части раскопа, где оставленная на поле кладка корчевского времени дала возможность сохранить в дополнительном профиле последовательность напластований. Здесь на глубине 3,2 м, соответствующей слою под по-

лом помещения № 8, открыт мощный завал обожженной глины (печь № 2). В культурном слое, перекрывавшем его, было много находок, связанных с разрушением помещения № 8: куски раствора-цемянки, обломок штукатурки со следами росписи, фрагмент карниза из известняка. Завал глины перекрыт обожженной до черноты подушкой из глины толщиной 0,15 м.

Мы располагаем слишком малым количеством конструктивных деталей, чтобы представить устройство печи. В почти метровом ее завале обнаружен только под, остатки горелого дерева и большое количество обломков черепицы и тарной керамики со следами горения, что вероятнее всего объяснить их использованием в устройстве стен печи.

Очень похожая картина была раскрыта В.Д.Блаватским на северном склоне Митридатовой горы в 1953 г. [5, с.30]. В развалинах дома второй половины VI в. до н.э. были обнаружены остатки литейной печи, от которой остался под, утрамбованный обломками амфор, и глиняная стенка. Куски металлического шлака и литейная форма не оставляли сомнения в назначении печи: в ней производилась выплавка бронзы из готового сырья. И.Д.Марченко дала интересную реконструкцию печи, опираясь на изображения на греческой расписной парадной керамике [28, с.160–173]. Это высокая цилиндрической формы печь с небольшим топочным отверстием внизу. В верхней части ее устанавливался котел, четырехслойная крышка удерживала тепло внутри. Скорее всего, именно такого рода печь и обнаружена нами. Характер предметов, найденных в комплексе с печью № 2 и в самой печи, подтверждает это предположение.

При расчистке завала обожженной глины уже в верхнем его горизонте начали попадаться монеты. Так, на глубине 0,3 м от начала завала найдены первые восемь монет. Они обнаружены в горелом слое вместе с бесформенными кусками железа и черепицей. Ниже еще на 0,35 м в слое с обильными следами горения (угли, обгорелое дерево, закопченная черепица) найдено еще 25 монет, глубже находки их не прекращались. Весь завал глины оказался буквально пронизанным монетами, находимыми вместе с обломками черепицы, калиптеров, амфор. Всего их оказалось 80, 50 из них определены К.В.Голенко [14].

В заполнении печи № 2, кроме монет, найдено большое количество фрагментированных предметов из металла, преимущественно из меди и бронзы. Самые интересные из них — обломки четырехгранных бронзовых и медных стержней с утраченной рабочей частью, но, скорее всего, являвшихся инструментами типа зубил. Один из них сохранил острый рабочий конец, верхняя часть четырехгранного стержня оказалась обломанной. Особо надо отметить заготовки каких-то предметов в виде квадратных и прямоугольных кусков с отверстиями и без них толщиной 0,3–0,4 см и сложенный медный дрот той же толщины, круглую медную насадку диаметром 2 см, медный кружок с квадратным отверстием, две соединенные круглые медные пластины. Вместе с этими

предметами, имеющими вид полуфабрикатов или заготовок, есть изделия определенного назначения: ключ с петлей и зубчатой бороздкой, часть замкового механизма с прямоугольной бороздкой, колокольчик с петлей для подвешивания и язычком, четырехгранные гвозди разных размеров, звенья цепочки из круглых медных колечек. Гипотетически можно определить как насадку медную обойму и как циркуль — предмет из двух соединенных медных обломанных стержней с наколочником-держателем.

Большинство предметов, найденных в завале печи, носят следы активного горения: помимо углей и золы, это пережженные обломки керамики и камней, бесформенные куски железа, бронзы, обломок черепицы с приварившейся к ней монетой, деформированные в огне обломки стеклянных сосудов. Обилие находок из металла не оставляет сомнения в назначении печи: здесь производилась выплавка бронзы и литье из нее различных предметов домашнего обихода: ключей, цепочек, браслетов, колокольчиков, гвоздей.

Возможно, отливались здесь и зеркала: в непосредственной близости от печи на уровне верхнего горизонта ее развала найдена литая форма из мелкозернистого белого мрамора. На ней вырезано изображение зеркала с двумя валиками (диаметр 4,8 см), в канальце литника, подведенного к изображению, сохранилась капля металла. Такой же формы и величины (диаметр 4 см) зеркало найдено в слоях I—IV вв. Пантикалея [13, с.452].

Несомненно, в один производственный комплекс с печью входили и колоды [14]* — ямы № 3 и № 4. Об этом свидетельствует не только их взаимное расположение, но и заполнение. С первых же штыков их заполнения стало ясно, что они перестали использоваться в результате громадного пожара и гибели сооружения, в состав которого входили. Так, целиком попавший в раскоп колодец (яма № 3) был заполнен землей с зольными прослойками пожара, кусков стеклянных шлаков, обожженной глины и камня, обломков железа и оконного стекла, на определенных пластин бронзы плохой сохранности. Особенно надо подчеркнуть, что в яме № 3 найдено много (20 экз.) кусков медных пластин толщиной 3—4 мм, чаще всего квадратной или округлой форм. Размеры их колеблются от 1,5х2,0 см до 2,0х2,0 см. Они производят впечатление специальных заготовок. Найденны в яме № 3 и монеты: четыре из них скручены в дугу и неопределимы, одна оказалась статером Рискупорида V (254—256).

Клад, найденный в производственном комплексе с печью № 2, исключительно интересен. 50 определенных монет относятся к III в., ко времени одного из острых кризисов в истории Боспора. Это было время вторжения готских племен, когда наряду с выпускавшимися статерами царя Рискупорида V появились монеты с варварским именем Фар-

* В Рассуждения К.В.Голенко [14] не по его вине закралась ошибка: яма № 3 одновременно печи, а не более поздняя, как он пишет.

санз. Чеканились они всего два года: 253/54 и 254/55. Именно к 253/54 г. относится 45 монет, определенных К.В.Голенко. Одна относится к 264 г., когда правление Рискупорида V было восстановлено.

Таким образом, абсолютное большинство содержащихся в кладе монет относится к правлению узурпатора Фарсанза. Это — четвертый клад монет, найденный при раскопках Боспора и относящийся к кануну гибели царства. Но интересен клад не только этим. Анализ монет, проведенный в химической лаборатории Государственного Эрмитажа, показал, что они сделаны из меди и покрыты тонкой пленкой серебра, то есть изготовлены способом плакирования, являвшимся по существу легальным способом подделки монеты. Способ этот применялся часто в античный период. Острый политический кризис во время правления Фарсанза, несомненно, сопровождался и экономическими трудностями.

И еще одно важное наблюдение К.В.Голенко: монеты, найденные в печи, представляют собой "единую группу монет, чеканенных на одном дворе, одними мастерами и практически без перерыва" [14, с.93]. Эта группа хронологически компактных монет не походит на постепенно копившийся клад, она, скорее, выглядит, как монеты, не успевшие побывать в обращении. В таком случае, учитывая производственный характер комплекса, в котором они обнаружены, можно предполагать, что и сам комплекс мог включать и монетный двор. Он сгорел в громадном пожаре во время первого готского похода 256 г. Сложнее решить вопрос о времени сооружения и использования другого производственно-хозяйственного комплекса позднеантичного времени. Это рыбозасолочные ванны, открытые на расстоянии 1 м от апсид церкви Иоанна Предтечи при раскопках прицерковного кладбища. Это три связанных в единую линию цистеры глубиной 2 м. По уровню залегания основания их находились на глубине развала печи № 2, что можно рассматривать как указание на их стратиграфическую дату. Не менее выразительно говорит о ней и их устройство. Стены ванн, на отдельных участках сохранившиеся на высоту трех рядов кладки, сложены из прямоугольных блоков известняка на розовой цемянке, которой заполнены не только швы между блоками, но местами и большие участки кладки, особенно внутри ванн. На стене третьей ванны хорошо видна система кладки, которую унаследует строительство V—VI вв. от римских времен. Ее характерную особенность составляют блоки, положенные поочередно своей длинной и короткой сторонами (точок-ложек), и блоки, положенные так, что шов нижнего ряда приходится на середину блока верхнего ряда.

Стены ванн достигают ширины 0,5—0,7 м, ширина самих ванн — до 1,3 м. Такого же устройства рыбозасолочные ванны Мирмекия и Тиритакис функционировали в III в., а в IV в., после разгрома этих городов гуннами, были заброшены [12, с.300—317]. Однако в Тиритакис, где жизнь позднее возобновилась, некоторые ванны снова использовались по назначению. Вероятно, то же произошло и на Боспоре. В заполнении

вани не оказалось материала ранее X в.: до самого дна они были заполнены обломками чернсмолёных кувшинов и амфор, что и даёт дату прекращения их использования по назначению. Показательно, что материала предшествующей, хазарской, эпохи в ваннах не оказалось. Очевидно, они служили для засолки рыбы и в хазарское время, когда комплекс построек, связанных с базиликой, ветшал и разрушался. Только с постройкой нового храма на рубеже IX—X вв. ванны были заброшены окончательно. После возникновения около церкви городского кладбища засыпанные землёй остатки ванн неоднократно нарушались могилами. Одна из них (№ 49) разрушила восточную стену ванны № 2, две другие (№ 50 и № 51) — восточную стену ванны № 3.

Надо добавить, что размещение в прибрежной части города неподалёку (в 50 м к юго-востоку) от производственного комплекса с металлургической печью рыбозасолочных ванн вполне логично.

Очевидно, портовый район города во времени строительства Юстиниана резко изменил свой облик. В позднеантичный период эта часть города имела сугубо производственно-хозяйственный характер. После готского и гуннского разгромов Боспора его культовый центр переместился с занятых кладбищем склонов Митридата в порт.

Помимо позднеантичных комплексов, датируемых III в., на вскрытом нами участке бывшей Рыночной площади обнаружены и более ранние материалы. К сожалению, их немного, поскольку из-за грунтовых вод не удалось на всей площади раскопов дойти до материка. Тем не менее, на участке раскола II в могиле помещения № 8 на глубине 5,3 м открыта кладка. Она состояла из мощных рваных камней очень прочного известняка, фрагментарность ее не позволяет судить о ее направлении и характере, бесспорны только ее фундаментальность и уровень залегания (рис. 16). На той же глубине (5,2 м) в специальном шурфе к востоку от банкета с корчевской кладкой, под которой сохранена часть печи № 2, открыта вымостка двора из камней валуна и известняка. Сильное увлажнение грунта, состоявшего из бурой, местами красновато-желтой глины, в могиле и колодцах, прокопанных до той же глубины, сопровождалось обильным прибыванием почвенных вод. Это обстоятельство вместе с убыванием находок позволяет считать уровень, до которого мы дошли, предматериковым. Судя по взаимному расположению вымостки и двора, они могли составлять часть какого-то одновременного комплекса. Самый важный вопрос, который возникает в связи с ним, — это его датировка. Решение его даёт анализ находок, обнаруженных на глубине 5,0—5,3 м, и дата сооружений, перекрывающих следы древнейших построек.

На уровне обнаруженных в могиле остатков кладки найдены обломки амфор красной, красно-оранжевой и розовой глины. Горло амфоры с реберчатой поверхностью даёт возможность датировать этот комплекс находок II—III вв. [16, с.32—35, табл. XXXII, 76]. Этим же временем надо датировать материал, найденный при расчистке вымостки.

Помимо обломков амфор с реберчатой поверхностью, здесь встречались светлоглиняные амфоры с клювообразным венцом, широко распространенные на европейской части Боспора, а также амфоры из пестрой глины. Все это не противоречит общему облику амфорного материала, который дают хорошо датированные пантикапейские слои II—III вв. Уместно вспомнить при этом дворик, вымощенный плитами, и стены из рваных камней плотного известняка, открытые В.Д.Блаватским в 1946 г. на I Боспорском раскопе [6, с.91]. Помимо общности строительного материала, сооружения эти роднит с нашими характер их гибели: они погибли от большого пожара, на что указывает пласт черной сажи почти без находок. Самой ранней датой открытых сооружений В.Д.Блаватский считал первые десятилетия III в.

Стратиграфически открытые нами сооружения предматерикового слоя могут относиться и к более раннему времени — II — началу III в., времени, предшествующему сооружению открытого на глубине 3,7—4,4 м производственного комплекса с печью № 2.

Итак, раскопки, проведенные в Керчи на бывшей Рыночной площади, дали большой фактологический материал. Он иллюстрирует с разной степенью полноты основные моменты истории средневекового Боспора, начиная с кризиса, постигшего царство в середине III в., и кончая эпохой гунззского и турецкого владычества.

Повторим эти моменты в их исторической последовательности. Самым важным открытием в позднеантичных отложениях на раскопе III является находка клада с монетами 252—253 гг., давшая бесспорную точку отсчета для всех хронологических выводов. Это было тяжелое время в истории Боспора — время вторжения готов. Они появились в Причерноморье в 20—30-х гг. III в., в середине этого же столетия их сокрушительные набеги стали причиной гибели Танаиса, а Боспор превратили в базу для походов на Кавказское побережье [13, с.440].

Громадный пожар, в котором погибли постройки монетного двора с неуспешными попытками обращения монетами узурпатора Фарсанза, — красноречивое свидетельство этих событий.

Стоит отметить, что открытая застройка позднеантичного времени была самой крайней, подходившей к берегу городской застройкой: в 30-ти с лишним метрах от нее к востоку на том же уровне, как уж отмечалось, шел материковый песок. Для понимания топографической ситуации необходимо учитывать, что площадка, на которой разбиты раскопы II и III, находится выше, чем площадка с раскопом I, более чем на 1 м: первая расположена на 5 м над уровнем моря, вторая — на 3,75 м.

Учитывая, что производственный комплекс с кладом — не первая постройка на прибрежной полосе, можно констатировать, что нами раскопаны остатки довольно интенсивного ее освоения городом более чем за столетие до гибели царства.

Вторжение гуннов в 370 г. привело к гибели Боспорского царства.

Но, как утверждал еще Ю.Кулаковский, сам город "пережил разрушение царства", сохранив исконное население с его традициями и культурой [19, с.29]. Действительно, слой, перекрывавший постройки середины III в., не содержал никаких следов возобновления застройки прибрежной полосы. Не были они и стерильными: многочисленные обломки посуды свидетельствуют, что связь населения с позднеантичной культурой не нарушалась. Судя по керамике, материальная культура населения, пережившего готское и гуннское вторжение, мало изменилась. Единственным важным свидетельством этой эпохи являются следы пожаров в разрезах культурных напластований и прекращение застройки прибрежной полосы на целое столетие. Это было как раз то столетие, которое не оставило никаких упоминаний о Боспоре в дошедших до нас письменных источниках.

О Боспоре последующих столетий мы уже знаем больше. В сочинениях Прокопия Кессарийского рассказывается, что в V в. все пространство между Боспором и Херсонесом было занято гуннами и что "боспориты решили подчиниться императору Юстину" [34, с.114], правившему с 518 по 527 гг. Это событие историки относят к 522 г., когда император Юстин посылает к гуннам посольство во главе с Патрикеем Пробом [21, с.5], или ко времени, предшествующему этому событию [1, с.88]. В сочинениях Прокопия содержатся и другие ценные для истории Боспора факты.

"Сверх того, что касается городов Боспора и Херсона, которые являются приморскими городами, — писал он, — и находятся на краю пределов римской державы, то, застав их стены в совершенно разрушенном состоянии, он сделал их замечательно красивыми и крепкими". И далее: "Особенно он укрепил стенами Боспор; с давних времен этот город стал варварским и находился под властью гуннов; император вернул его под власть римлян" [35, с.249, VIII, 10, 12]. Прямым подтверждением этих важных свидетельств были до сих пор эпиграфические находки [22, с.105, № 99, 20, с.661—662].

Находки на раскопе II впервые дают нам представление о монументальном строительстве времен Юстиниана в портовой части Боспора. Фрагментарность попавшего в раскоп сооружения не позволяет с уверенностью судить о его первоначальном облике. Однако бесспорен его общественный характер и связь с базиликальным комплексом построек.

Существование в Керчи базилики, предшественницы храма Иоанна Предтечи, предполагал еще Н.П.Кондаков [36, с.69]. Исторически это предположение не нуждается в обоснованиях: Боспор был христианским городом уже в IV в. На I Вселенском соборе в Константинополе присутствовал епископ Боспора Кадм. Не повторяя хорошо известных свидетельств письменных источников о христианстве на Боспоре, обобщенных М.И.Артамоновым [1, с.89—95], отметим, что археологических доказательств его много меньше. Поэтому открытие части общественного здания базиликального характера очень важно.

Небольшая площадь, вскрытая раскопками, и фрагментарность построек не позволяют с достаточной полнотой судить об облике исследуемого участка в хазарский период. Ясно однако: в наш раскоп попала часть фундаментальной постройки, скорее всего, крепостного характера. Это две линии стен, тянущихся с запада на восток более, чем на 15 м. Скорее всего, это части стен, ограничивавших крепость с юга, за ее пределами оказались развалины разрушенного базиликального комплекса, части которого (колодец, купель, участки пола) использовались в хазарское время для хозяйственных нужд. Синхронно с ними начали "вторую жизнь" и рыбозасолочные ванны, засыпанные только в корчевское время.

Не слишком значительные реалии хазарского времени, открытые раскопками, хорошо освещены письменными источниками. Позиции Византии на Боспоре пошатнулись уже в VI в., когда новые кочевники — турки — стали реальной силой на юге Европы [1, с.133—141]. Боспор был захвачен ими, по свидетельству Менаандра, около 580 г. [29, с.422—423]. А по свидетельству Феофана, на Боспоре в 704—705 гг. правил хазарский наместник — "архонт Боспора" [41, с.62—63].

Раскопками зафиксированы два важных события того столетия, в течение которого хазары окончательно водворились на Боспоре: разрушение в громадном пожаре культовых построек в портовой части Боспора и постройка хазарской цитадели — "внутреннего города" на его развалинах. Похожая картина открыта и в Тиритаке, где хазарские жилища VIII в. построены среди стен разрушенной базилики [12, с.313].

Конец хазарского владычества на Боспоре выразительно зафиксирован раскопками: стена цитадели была разобрана практически до основания, разрушена она была в большом пожаре. Время гибели хазарской цитадели дает комплекс находок хазарского слоя, имеющий близкое соответствие в материале Фанагории, переставшей существовать в конце IX в. [17, с.232—237]. Именно в это время погибли многие поселения Крыма хазарского времени, что ученые убедительно связывают с печенежским вторжением [11, с.64]. Не избежал этой участи и Боспор.

На сnivelированной поверхности, занятой ранее цитаделью хазар, была возведена по типичным для византийского градостроительства нормам часть квартала с двумя улицами и пятью домами. Строительство квартала датируется концом IX в., гибель и разрушение — началом XII в. Через несколько десятилетий автор "Слова о полку Игореве" назовет Сурож, Корсунь, Тмутаракань (а, значит, и соседний, через пролив от Тмутаракани расположенный Корчев) "землями незначимыми" [37, с.44]. Следовательно археологические материалы, связанные с жизнью открытого квартала, это то немногое, что проливает свет на историю города, когда он появился на исторической арене со славянским именем Корчев.

Эпоха татаро-монгольского вторжения оказалась слабо представленной на всех трех раскопах. Очевидно, остатки строительства этой

поры интенсивно разбирались при возведении той старой крепости, облик которой нам сохранили планы и зарисовки XVIII–XIX вв. Одну из башен ее А.Ашик называл генуэзской, вероятно, в турецкое время генуэзская крепость была перестроена [44, с.466]. Долгое ее существование на рыночной площади способствовало консервации культурного слоя этой важнейшей части древнего города. Благодаря этому обстоятельству, оказалось возможным получить такой глубокий стратиграфический срез культурных напластований и наполнить археологическими реалиями историю портовой части города на протяжении почти двух тысяч лет.

1. *Артаманов М.И.* История хазар. — л., 1962. — 521 с.
2. *Архитектурное наследие.* — М.: Стройиздат, 1976. — № 25. — 168 с.
3. *Ашик А.* Боспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. — Одесса, 1849. — Ч. 1. — 86 с.
4. *Блаватский В.Д.* Материалы по истории Пантикапея // МИА. — № 19. — М., 1951. — С.9–62.
5. *Блаватский В.Д.* Арханчский Боспор // МИА. — № 33. — М., 1954. — С.1–44.
6. *Блаватский В.Д.* Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945–1949 и 1952–1953 гг. // МИА. — № 56. — М., 1957. — С.5–95.
7. *Блаватский В.Д.* Раскопки Пантикапея в 1934 г. // МИА. — № 56. — М., 1957. — С.251–254.
8. *Блаватский В.Д.* Раскопки Пантикапея в 1954–1958 гг. // СА. — 1960. — № 2. — С.168–192.
9. *Блаватский В.Д.* Отчет о раскопках Пантикапея в 1945–1949, 1952 и 1953 гг. // МИА. — № 103. — М., 1962. — С.6–85.
10. *Веймарн Е.В.* Исследование церкви Иоанна Предтечи в Керчи // Архив Керченского историко-археологического музея.
11. *Гадло А.В.* Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о южном Приазовье в VIII–IX вв. // Вестник ЛГУ. — 1968. — № 14. — С.55–65.
12. *Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Мирмекия и Тиритаки, археологические разведки на Керченском полуострове в 1937–39 гг. // ВДИ. — 1940. — №№ 3–4. — С.300–317.
13. *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. — М.; Л., 1949. — 554 с.
14. *Голенко К.В.* Монеты, найденные при раскопках в Керчи в 1964 г. // ВДИ. — № 2. — 1970. — С.87–99.
15. *Зеест И.Б., Якобсон А.Л.* Раскопки в Керчи в 1963 г. // КСИА. — 1965. — № 104. — С.62–70.
16. *Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. — 1960. — № 83. — 180 с.
17. *Кобылина М.М.* Раскопки Фанагории // КСИИМК. — 1951. — Вып. 37. — С.232–237.
18. *Кузнецов А.В.* Северный Зеленчукский храм X века // СА. — 1964. — № 4. — С.136–150.
19. *Кулаковский Ю.* Древности южной России. Керченская христианская катакомба 491 г. // МАР. — 1891. — № 6.
20. *Кулаковский Ю.* Керченская христианская катакомба 491 г. // МАР. — 1894. — № 6. — Вып. 1–4.
21. *Кулаковский Ю.* К истории Боспора Киммерийского в к. VI века // ВВ. — 1896. — Т. 3.
22. *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. — СПб., 1896. — 143 с.

23. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. — Т.1. — Греческие писатели // ВДИ. — 1947. — № 4. — С.169—291.
24. Макарова Т.И. Средневековый Корчев (по раскопкам 1963 г. в Керчи) // КСИИ. — 1965. — № 104. — С.70—77.
25. Макарова Т.И. Новые данные о датировке церкви Иоанна Предтечи в Керчи // Тез. докл., посвящ. итогам полевых археолог. исследований в 1970 г. в СССР. — Тбилиси, 1971. — С.264—265.
26. Макарова Т.И. Раскопки около церкви Иоанна Предтечи в Керчи // АО за 1971 г. — М., 1972. — С.375—377.
27. Макарова Т.И. Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. — 1982. — № 4. — С.91—107.
28. Марченко И.Д. Материалы по металлообработке и металлургии Пантикалея // МИА. — 1957. — № 56. — С.160—173.
29. Менандра Византийца продолжение истории Агафиевой // Византийские истории. — СПб., 1861.
30. Михлин Б.Ю. Раскопки некрополя Керкинитиды в 1975 г. // СА. — 1981. — № 3. — С.181—192.
31. Плетнева С.А. Керамика Саркела — Белой Вежи // МИА. — 1959. — № 75. — С.212—272.
32. Плетнева С.А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. — М., 1963. — С.5—72.
33. Плетнева С.А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска-Преслав. — София, 1981. — 2.
34. Прокопия Кессарийского история войн с персами. — СПб., 1862. — 302 с.
35. Прокопий. О постройках // ВДИ. — 1939. — № 4. — С.203—283.
36. Протоколы реставрационных заседаний // ИАК. — СПб., 1909. — Вып. 32. — С.1—90.
37. Рыбаков Б.А. Русские земли на карте Идриси 1154 года // КСИИМК. — М.; Л., 1952. — Вып. 43. — С.3—44.
38. Сорокина Н.П. Позднеантичное и раннесредневековое стекло Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. — М., 1963. — С.134—174.
39. Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. — М., 1968. — 250 с.
40. Трубачев О.Н. Славянские этимологии // Этимологические исследования по русскому языку. — М., 1962. — Вып. II. — С.15—40.
41. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: "Хронография" Феофана, "Бревиарий" Никифора. Тексты, перевод, комментарии. — М., 1980. — 214 с.
42. Якобсон А.Л. Средневековые амфоры Северного Причерноморья // СА. — 1951. — XV. — С.325—344.
43. Якобсон А.Л. Раннесредневековые гончарные печи в Восточном Крыму // КСИИМК. — 1954. — Вып. 54. — С.164—172.
44. Якобсон А.Л. Раннесредневековые поселения восточного Крыма. Боспорские города // МИА. — 1958. — № 85. — С.458—501.
45. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. — 1959. — № 63. — 364 с.
46. Дочева Валентина. Средневековни градски кыщи със сложни планови композиции по Българските земи (XII—XIV в.) // Втори международен конгрес по Българистика. Доклады изобразително изкуство и архитектура. — София, 1988. — С.115—121.

КРЕПОСТЬ ФУНА В СИСТЕМЕ ОБОРОНЫ КНЯЖЕСТВА ФЕОДОРО

Изучение фортификационно-археологических комплексов крепости Фуна — западного форпоста княжества Феодоро — и письменных источников позволило сделать вывод, что крепость служила одним из важнейших опорных пунктов княжества в период борьбы с генуэзской Колонией и препятствовала продвижению противника в глубину Крымского нагорья.

Строительные мероприятия феодоритов 60—80-х гг. XIV в. по укреплению столицы княжества [18, с.9—11; 6, с.39—42] не ограничивались только лишь возведением крепостных стен на Мангупе. Именно к этому времени относится строительство целого ряда небольших замков в горном Крыму, которые как бы оконтуривают владения господ Феодоро, помогая определить их границы. На востоке это Фуна, Басман, Яман-Таш, Керменчик; к западу и юго-западу от Мангупа — Сандык-Кая, Черкес-Кермен, Камара, Каламита, Чоргунский исар, Кала-Фатлар, Сарджик, Кокня-Исар; на Южном берегу — Гелли-Кая, Учансу-Исар, Хачла-Каясы, Ай-Тодор, Лимена-Кале, Форос (?) и др. (рис. 1). Особое место в этой системе укреплений занимают крепости Фуна и Каламита, служившие соответственно восточным и западным форпостами княжества Феодоро. С одной стороны, эти замки сдерживали продвижение генуэзцев в горную часть полуострова, а, с другой — служили плацдармами для отвоевания захваченных генуэзцами в XIV в. приморских городов — Алушты и Чембало.

Владетели Мангупа придавали большое значение укреплению этих двух замков, о чем красноречиво свидетельствуют строительные надписи, украшенные гербами князей, которые были найдены при раскопках Фуны [23, с.104, рис. 5] и Каламиты [2, с.1—4].

Замок Фуна находится к северу от с.Лучистое у подножия горы Южная Демерджи. Оборонительные сооружения этого укрепления неоднократно привлекали внимание ученых еще в XIX в. Так, в 1819 и 1833 гг. Фуну, известную в то время как Демерджинское укрепление посетил П.И.Кеппен [11, с.17—19, 115]. Он составил план видимых на поверхности оборонительных стен. В 1821 г. памятник обследовали К.Келлер и Е.Паскаль, которыми были выполнены рисунки крепостных стен, архитектурных деталей и составлен план укрепления [12, с.391]. К сожалению, эти материалы впоследствии были утеряны. Позднее, в 1889 г. к изучению фортификации Фуны обратился А.Л.Бертье-Делагард, который сделал съемку крепости и обмеры располагавшейся в ней церкви [1, л.31, 32]. Следует отметить, что планы укрепления, выполненные П.И.Кеппеном и А.Л.Бертье-Делагардом, в значительной степени отличаются между собой. На восточной линии обороны у

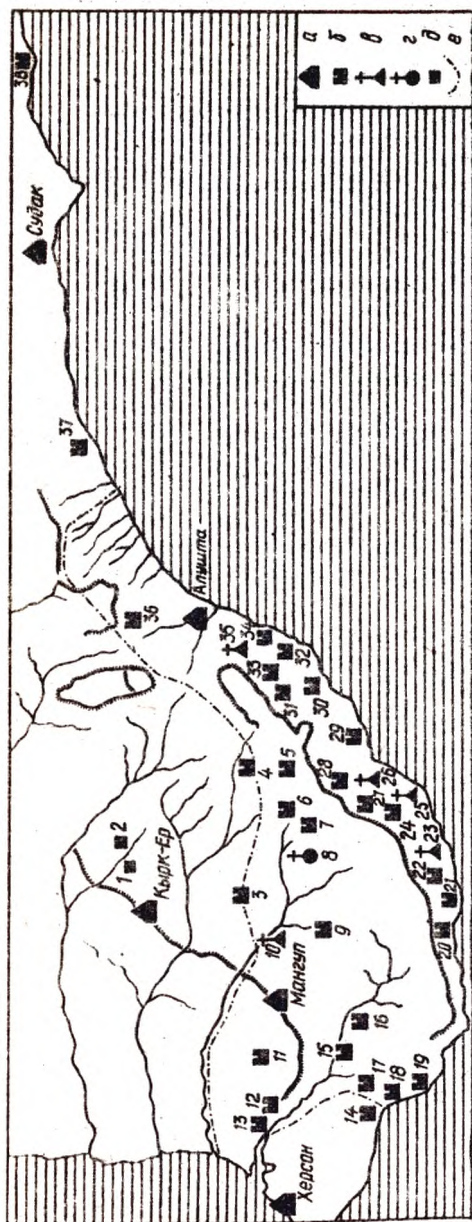

Рис. 1. Схема расположения укреплений XIX-XV вв. в Горном Крыму

П.И.Кеппена показан фланкирующий выступ, а у А.Л.Бертье-Делагарда стена ломается под тупым углом и идет в направлении северо-запад. Северная линия стен у П.И.Кеппена и А.Л.Бертье-Делагарда также существенно различается: П.И.Кеппен показывает примерно в центральной части стены фланкирующий выступ, а А.Л.Бертье-Делагард — небольшую круглую башню, обращенную вовнутрь крепости. К востоку от башни (на месте стыка северной и восточной линий) А.Л.Бертье-Делагард располагает вход в укрепление, в то время как у П.И.Кеппена вход вообще не показан. Участок западной оборонительной стены у П.И.Кеппена показан в виде ломаной линии, подчиненной в плане сложному рельефу местности, а у А.Л.Бертье-Делагарда стена идет строго в направлении север — юг по гребню скалы.

Впервые раскопки на памятнике были проведены О.И.Домбровским в 1964 г., когда в центре крепости в небольшом шурфе оказалась открытая стена, сложенная из известнякового раствора с использованием отесанных с лица камней. Изучение укрепления в 1966 г. продолжила О.А.Махнева. На гребне северной линии оборонительной стены (в месте, где предполагался вход, отмеченный на плане А.Л.Бертье-Делагарда) был заложен раскоп 4,0х4,0 м, но

каких-либо строительных остатков найдено не было. Тем не менее авторы раскопок продолжали настаивать на том, что именно здесь располагались крепостные ворота [15, с. 116].

В 1980 г. были начаты систематические раскопки крепости, которые продолжаются до настоящего времени [23, с. 97–114]. За несколько лет работ удалось детально изучить полностью восточную и северную линии обороны (рис. 2). К концу полевого сезона 1990 г. на памятнике была вскрыта площадь более 2500 м², что составляет примерно 50 % его территории.

Исследования Фуны показали, что укрепление представляет собой сложный разновременный архитектурно-археологический памятник. На его территории открыты строительные остатки XII–XIX вв. Наиболее ранние фортификационные сооружения относятся к рубежу XII–XIII вв. Небольшой фрагмент оборонительной стены этого времени, сложенный из бута на известковом растворе, выявлен в 1990 г. Она имела ширину около 1,5 м и, располагаясь по склону, отгораживала с восточной стороны территорию площадью около 0,3 га. Стены XII–XIII вв. оказались почти полностью разрушенными при строительных работах XIV–XV вв. Поэтому план укрепления этого периода выяснить не представляется возможным. В XIII–XIV вв. на скальной возвышенности размещались строения поселения, которые были разрушены после сильного пожара в XIV в. В конце этого же столетия на этом участке возводятся новые оборонительные стены, которые по планировке не совпадают с ранним укреплением XII–XIII вв. и перекрывают остатки сооружений более раннего времени.

Укрепление, возведенное в конце XIV в., занимало вершину скальной возвышенности и образовывало крепостной полигон площадью уже около 0,49 га. Его плановая структура и усовершенствованные впоследствии основные конструктивные узлы, в целом, были созданы в период основания (рис. 2, 2). Вся система обороны делится на четыре основных участка: восточный, северный, западный и южный. Крепостные стены располагались по всему периметру и были в основном подчинены микрорельефу местности. При строительстве укрепления максимально использованы фортификационные возможности скальных образований, что позволило основные строительные усилия сосредоточить на устройстве восточной, северной и частично западной линий обороны. С юго-западной стороны крепостная площадка имеет небольшие отвесные скалистые обрывы высотой в 5–7 м. Поэтому здесь, по всей видимости, был сооружен каменный парапет, который предохранял защитников от случайных нападений, а также защищал от возможного нападения с этой стороны. Вдоль кромки скалы на этом участке сохранились подтески скальной поверхности для установки парапета и лестница в несколько ступеней, ведущая на боевую площадку. Здесь же в скальных образованиях мог находиться и потайной выход из укрепления.

Западная линия обороны почти полностью разрушена и в настоящее

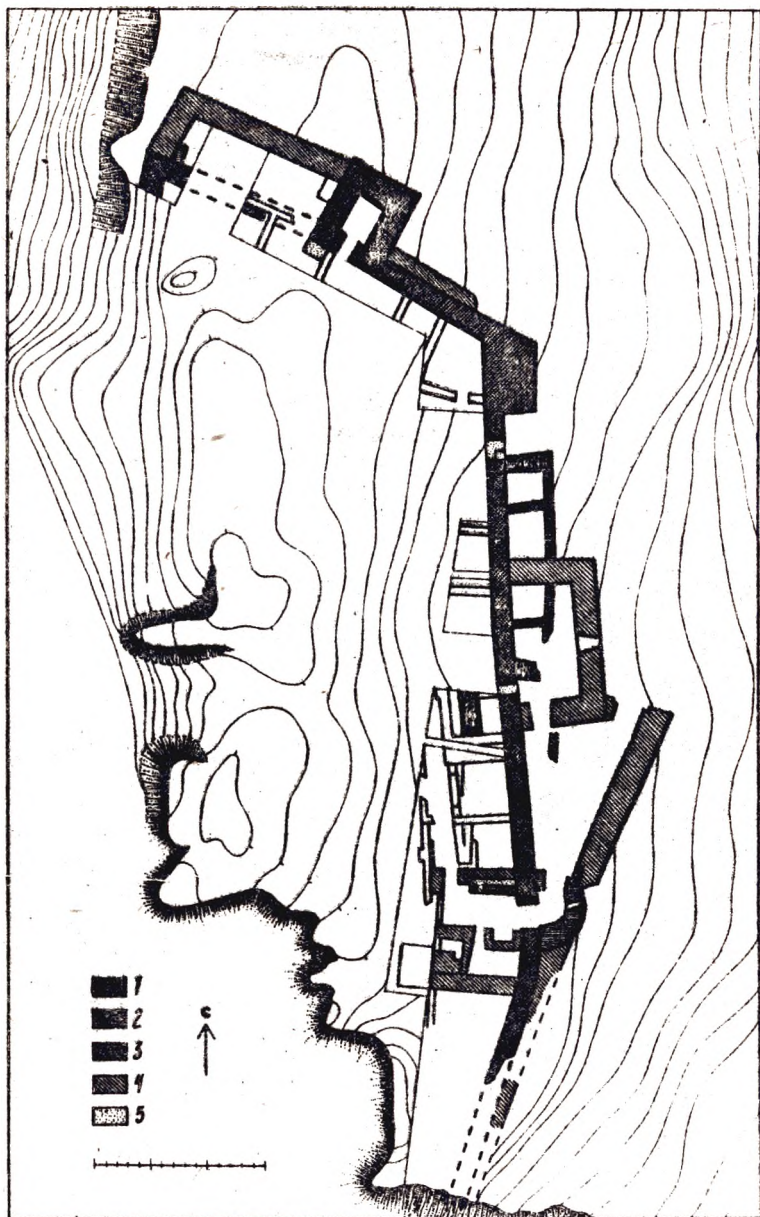

Рис. 2. План укрепления Фуна:
1 – XII–XIII вв.; 2 – конец XIV в.; 3 – начало XV в.; 4 – 1459 г.; 5 – ре-
монтные дополнения

время на поверхности не прослеживается. Небольшой ее участок был открыт раскопками на месте стыка западной и северной крепостной стен. Сравнение полученных археологических данных с известными иконографическими материалами показывает, что эта оборонительная линия более точно изображена на упоминаемом плане П.И.Кеппена — здесь стена проходила в виде ломаной линии по склону, включая скальные выступы.

Значительно лучше сохранился северный и восточный участки обороны, что позволяет получить более полное представление о первоначальной фортификационной структуре укрепления. Они имеют протяженность соответственно 39 и 75 м и являлись наиболее ответственными оборонительными рубежами.

Лучше всего была укреплена северная линия обороны. Вероятно, с этой стороны ожидался основной удар противника. Примерно в центре оборонительной линии помещалась прямоугольная в плане башня размером 7,7х6,7 м, выступающая во фронте куртин на 6 м. Толщина ее стен 1,65—1,8 м. Вход находился в южной стене и имел ширину 1,37 м. Башня была, видимо, двухэтажной, закрытого типа и вполне могла использоваться в качестве донжона. Ее первый этаж несомненно был хозяйственным, свидетельством чего служат открытые раскопками остатки пифосов у восточной стены, в которых, вероятно, содержали запас воды и провианта. Куртины и башня поставлены на склоне, между собой перевязаны. Их одновременное возведение отчасти связано с существованием прежде на этом месте прямоугольной в плане постройки, руины которой органично были включены в кладку нового сооружения.

С тыльной стороны к юго-западному углу башни позднее был пристроен мощный пилон прямоугольной в плане формы размером 2,25х1,49 м, который, видимо, предназначался для поддержки деревянного настила, лестницы или обходной площадки.

Куртина, располагавшаяся к западу от башни, сохранилась фрагментарно, поскольку была разобрана при более поздних перестройках XV в. На протяжении 15,5 м эта стена прослеживается по заливке известкового раствора, сохранившегося на скальной поверхности, и по отдельным камням, образовавшим лицевую часть кладки. Ее ширина 1,6—1,7 м. Такую же ширину имела и восточная куртина северной линии обороны.

Наибольшая по протяженности восточная оборонительная линия первоначально была наименее укрепленной. Весь этот ответственный и достаточно уязвимый участок обороны фланкировала только одна, расположенная на стыке северной и восточной крепостных стен, трапециевидная в плане башня размером 7,85 (5,53)х4,67 м. Она представляла собой монолитную в основании конструкцию, над которой возвышалась башня бастионного типа или могла располагаться площадка для установки камнемета, позволяющая обстреливать большой сектор пред-

польного пространства. Аналогичные трапециевидные башни с монолитным нижним ярусом известны еще на нескольких укреплениях XIII—XIV вв. в горном Крыму: Сюрю-Кая, Лимена-Кале, Исар-Кая у горного прохода Шайтан-Мердвен [22, с.228—248]. Угловая башня Фуны выступая за линию стены на 2,76 м и прикрывала два входа, которые находились в восточной куртине: один — рядом с башней (в 2,36 м от нее), а другой — в 45 м к югу. Первый представлял собой вылазную калитку (потерну) шириной 1,58 м, второй же выступал основным входом в укрепление.

Выполнение крепостной стены восточной линии обороны первоначально без башен в некоторой степени было определено естественной защищенностью участка резким падением рельефа к востоку. Однако при ее возведении в местах предполагаемого устройства башен* в кладке были предусмотрены проемы, один из которых в южной части стены и служил для въезда на территорию укрепления. Дополнительную защиту крепостным воротам, кроме упомянутой выше угловой башни и падения рельефа, обеспечивало также само их расположение в конце оборонительной линии. Такое устройство входа, рационально используя фортификационные особенности местности, создавало значительные неудобства наступающему противнику, вынуждая его длительное время двигаться вдоль крепостной стены незащищенным правым боком. К тому же обороняющиеся всегда могли сделать вылазку в тыл штурмующих через потерну у угловой башни.

Как уже отмечалось, ворота первоначально были безбашенными и представляли собой простой арочный проход в стене. Подобное устройство входа довольно характерно для многих укреплений Крыма**, а также за его пределами [8, с.94, 107, 142; 14, с.204] в других регионах средневекового мира. Вход имеет ширину 1,93 м при толщине стены на этом участке 1,8 м. Угол падения скальной поверхности в зоне ворот составляет около 15° и образует перепад высот с внутренней и напольной сторон крепостной стены до 0,5 м. Для его погашения в проеме заподлицо с внешней поверхности куртины из разномерного необработанного бута на известковом растворе сложен порог высотой 0,12 м и шириной 0,45 м. От арки, перекрывавшей вход, сохранились отдельные пяточные камни из обработанных блоков известкового туфа вторичного использования. Реконструируемая высота входа составляет снаружи 3,2 м, изнутри — 2,9 м. Первоначальные воротные конструкции не сохранились. Вероятно, ворота были деревянными и открывались наружу.

С внутренней стороны крепостной стены при обследовании более

* Кроме угловой и въездной, сооружение башен, вероятно, предполагалось и в центральной части крепостной стены на месте ее излома. Обследование участка куртины в этом месте позволило выявить заложенный проем шириной 0,83 м.

** Только около 10 % всех средневековых укреплений Горного Крыма имели надвратные башни.

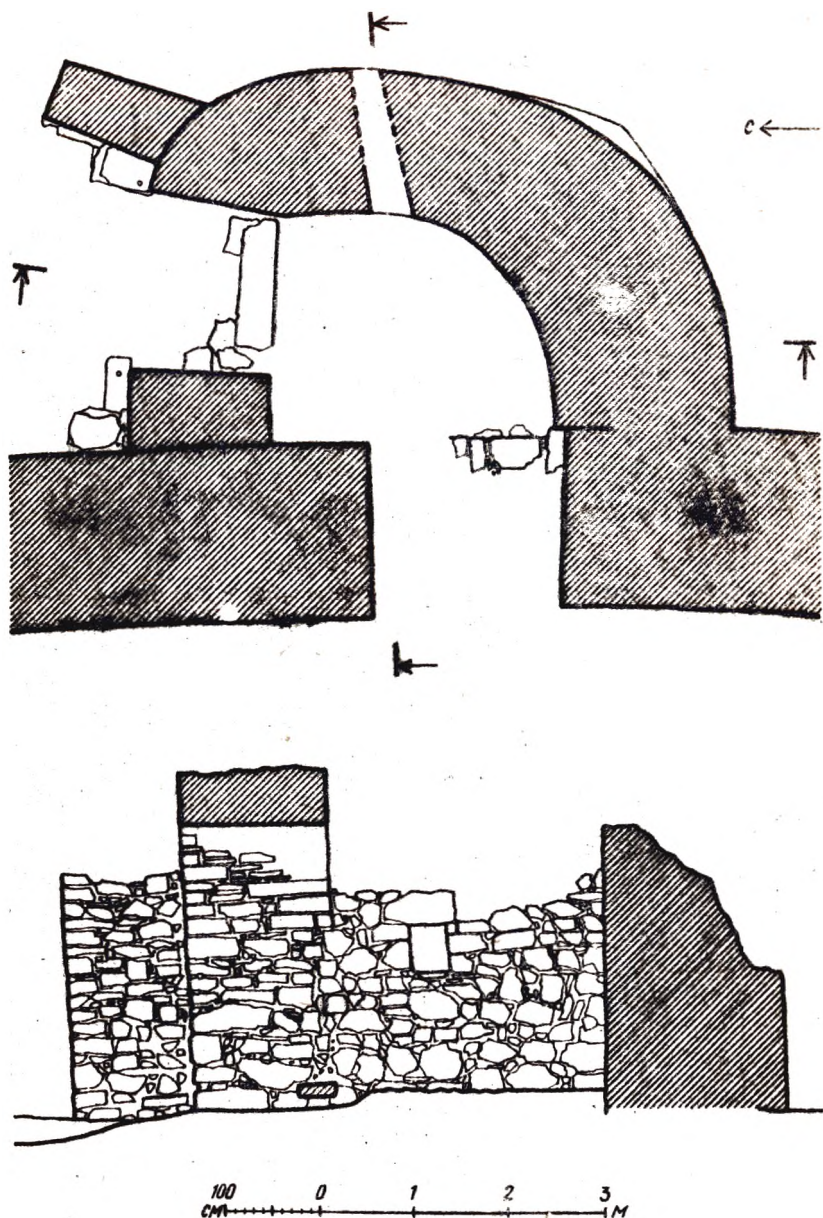

Рис. 3. Въездная баня:

1 — план; 2 — сечение север-юг; 3 — сечение запад-восток с реконструкцией (поздние по времени кладки условно не показаны)

поздних по времени кладок были обнаружены заложенные ступени каменной лестницы, которая вела на восточную куртину (рис. 3, 1). Она имеет редкое для средневековой фортификации конструктивное решение. Лестница поставлена перпендикулярно к стене в 0,65 м к северу от входа в крепость. Чтобы не прерывать сообщение вдоль крепостной стены, лестница у куртины имеет проход шириной 1,1 м. Проем завершался стрельчатой аркой из туфовых блоков с пролетом 0,97 м и стрелой подъема около 0,65 м. Реконструируемая высота прохода равна 2,4 м. В настоящее время от арки сохранилось несколько нижних камней, но они позволяют выполнить достоверное воссоздание ее первоначальной конструкции. Тем более, что после упразднения лестницы, причины которого неизвестны, последняя была заложена, а ее арка продублирована новой аркой. Вероятно, тогда же в арке лестницы были вырублены пазы шириной 0,08 м под дверную коробку.

Сохранившиеся шесть ступеней в целом незначительно отличаются по размерам: проступь — 0,27–0,33 м, подступенок — 0,25–0,27 м. Ширина лестницы 0,84 м. Линия подъема с условной горизонталью образует угол 40° . В настоящее время все стены укрепления в связи с оползневой подвижкой платформы, на которой оно расположено, имеют общий наклон к северо-востоку. Следовательно, первоначальный угол подъема лестницы был около 45° . Это позволяет довольно точно определить отметку боевого хода стен укрепления восточной линии обороны. Так, на участке крепостных ворот боевая площадка находилась на высоте 4,2 м от уровня дневной поверхности XIV в. с напольной стороны стены. Эту же отметку следует принять и для пола второго этажа появившейся позднее (в начале XV в.) надвратной башни. Общая реконструируемая высота восточной куртины с парапетом и зубцами составляет 6,0–6,5 м. Вероятно, такую же высоту имели куртины и на других участках обороны (рис. 3, 3; 6, 1).

Следует отметить остроумность решения, при котором, используя резкий уклон рельефа, строители укрепления, разместив лестницу перпендикулярно куртине, значительно сократили длину, а, значит, и время подъема на боевую площадку. Данный фортификационный прием — явление неординарное и в крепостном строительстве средневекового Крыма отмечено впервые. Редким он является и за его пределами. Подобное конструктивное решение использовано на близком по времени замке Montaner во Франции [35, с. 776], где, однако, перпендикулярная постройка лестницы вызвана, прежде всего, плотной внутрикрепостной застройкой и ограниченными размерами территории.

В начале XV в. в оборонительной системе крепости Фуна произошли существенные изменения, способствовавшие ее усилению (рис. 2, 3). В это время сооружается дополнительно еще две башни: одна над входом в укрепление, а вторая на стыке северной и западной куртин. Северо-западная угловая башня сохранилась плохо. Трудно установить ее размеры. Она была пристроена с внешней стороны куртин и выступа-

ла за их линию на 2,5—3,0 м. Своим основанием угловая башня опиралась на небольшой скальный выступ и представляла собой (как и северо-восточная башня) монолитную конструкцию. Ее общие размеры составляли примерно 4,6х5,0 м.

Сооружение полукруглой въездной башни стало важным строительным мероприятием по усилению крепостных ворот. С устройством в башне входа с севера существующая ось движения изменила направление, создав дополнительное удобство для их обороны. Само же сооружение башни, помимо сплошного околостенного фланкирующего и верного прострела, обеспечивало крепостным воротам также сильное фланговое прикрытие подступов к ним. Башня пристыкована к стене без перевязки. Однако наличие шва, часто используемом в крепостном строительстве для избежания передачи нагрузки от башни на крепостную стену, в данном случае при ее установке на скальное основание свидетельствует о вторичности по отношению к куртине. Это подтверждается также результатами химико-петрографического анализа, выделившего кладочный раствор башни в отдельную группу, особенности которой не отмечены на остальных постройках укрепления [24, с.5]. При строительстве башня перекрыла первоначальный вход в крепость на 0,05 м, сужив его до 1,87 м.

За пределами крепостной стены воротная башня выступает на 3,6 м, ее ширина 6,4 м. Размер внутреннего пространства 3,07х2,3 м. Толщина стены нижнего яруса башни колеблется в пределах 1,5—1,8 м; во входной северной части она составляет 1,6 м. Проем входа в плане слегка трапециевидный шириной 1,73 м, сужается вовнутрь до 1,6 м. Его высота 2,5 м. Проход перекрывался цилиндрической аркой из рваного плоского бута на известковом растворе. Лицевые поверхности арки набраны из тщательно отесанных блоков известкового туфа, в основном, вторичного использования. На одном из них сохранились фрагменты фресковой росписи неизвестной культовой постройки.

В центральной части башни с внутренней стороны стены на высоте 1,2 м от уровня пола открыто прямоугольное отверстие размером 0,4х0,5 м (рис. 2; 3). Облицовка проема в кладке стены характером обработки и размерами используемого камня не выделяется. Изучение в натуре сохранившихся остатков лицевой части отверстия в сопоставлении с обмерными чертежами А.Л.Бертье-Делагарда [1, л. 32] позволяет рассматривать его как бойницу, а также реконструировать ее полностью. Бойница относится к раструбному типу. Снаружи ее проем сужается до 0,3 м с сохранением высоты (0,5 м). Бойница расположена под углом 10° к оси башни и направлена на северо-восток, обеспечивая контроль обширного пространства центральной части поселения.

Первоначальная высота башни не известна. Однако, судя по незначительной толщине стен в нижней части, она была двухярусной открытого типа с боевой площадкой, защищенной парпетом и зубцами (рис. 3, 3; 4). Реконструируемая высота башни составляет около 10 м,

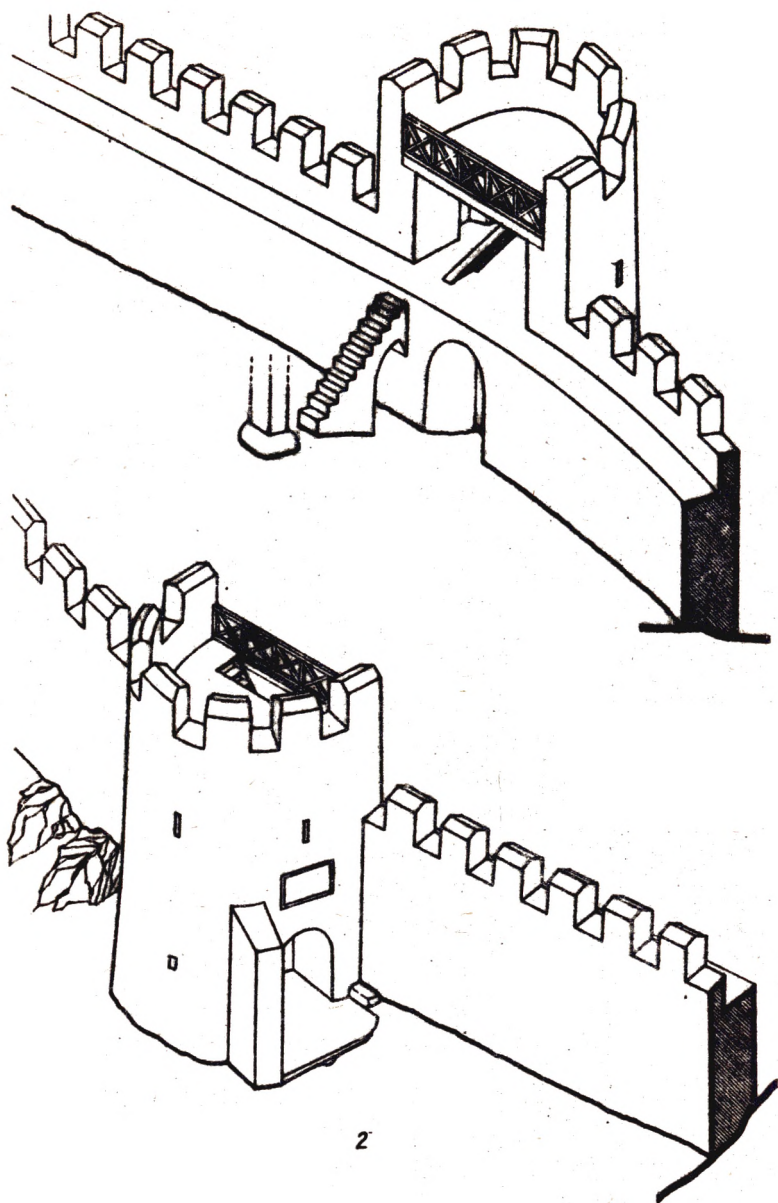

Рис. 4. Въездная башня. Реконструкция:

1 — вид с юго-запада; 2 — вид с северо-востока (воротные конструкции условно не показаны)

что в целом характерно для провинциально-византийской школы оборонного зодчества средневековой Таврики этого периода [22, с.8].

Перед башней и внутри прохода выполнен порог в виде единой площадки из тщательно обработанных плит пещаника и конгломерата, отдельные элементы которого раскопками были обнаружены *in situ* (рис. 3, 1). Его высота 0,22 м. Под порогом устроен водосток сечением 0,5х0,1 м. Пол внутри башни максимально выровнен: складки скальной поверхности заполнены материковой глиной и вымощены хорошо подобранным разномерным необработанным бутом.

Воротные конструкции были наружные, двукрылые. В камнях порога, примыкающих снаружи к башне, сохранились гнезда для осей воротных полотен. Они расположены в 0,07–0,08 м от лицевой поверхности башни и в 0,1–0,12 м от углов входного проема. Расстояние между ними 1,95 м. Гнезда имеют конусообразную форму со скругленной вершиной. Их диаметр и глубина составляют по 0,05 м.

Для дополнительной защиты входа от обстрела камнеметными машинами, а, возможно, и артиллерией, он с востока прикрывается стеной длиной 1,25 м и толщиной 0,72–0,85 м, пристроенной к башне в 0,32 м от проема. Ее первоначальная высота была около 3,0 м. Устройство этой защитной стены завершило формирование комплекса главных ворот, обеспечив им эффективную обороноспособность в системе укрепления (рис. 4, 2).

При раскопках надвратной башни в 1980 г. у входа, с внешней стороны, в слое завала были найдены три нестыкующихся между собой фрагмента перелицованного надгробия, на одном из которых изображен св. Георгий Победоносец (рис. 5). Плита имела прямоугольную форму, по периметру была обрамлена слегка скошенной внутрь рамкой шириной 0,05 м и высотой 0,029 м. Общие размеры плиты установить не удалось. Изображение располагается в нижнем правом углу и было процарапано острым предметом по тщательно выровненной поверхности. Справа, вероятно, находилась надпись. Рисунок выполнен несколько схематично, но в целом достаточно хорошо передает один из наиболее распространенных и почитаемых подвигов чудесного заступничества св.Георгия — избавление от дракона. Георгий Победоносец в воинском доспехе с развевающимся плащом и нимбом над головой скачет влево, поражая копьём дракона в открытую зубастую пасть. Изображение основных действующих персонажей отличается различной степенью проработки. Наиболее реалистично, как ни парадоксально, изображены извивающийся в борьбе дракон, а также конь, попирающий его ногами и поливающий мочой. Образ же собственно героя крайне упрощен и статичен, фигура сгорблена, пропорции тела значительно нарушены, детали схематизированы, а сам он лишен святого величия. Характерной особенностью рисунка является таранящий удар копьём, наносимый св.Георгием дракону, что свидетельствует о хорошем знании мастером современной ему тактики ведения боя. Важными элемен-

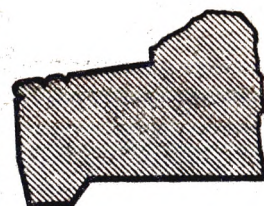
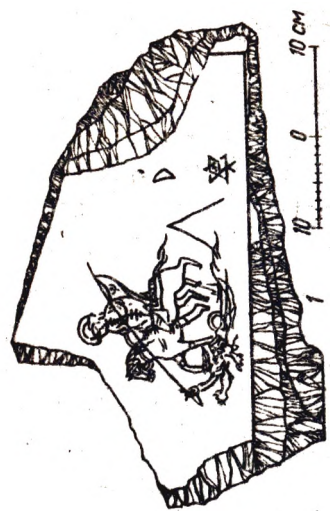
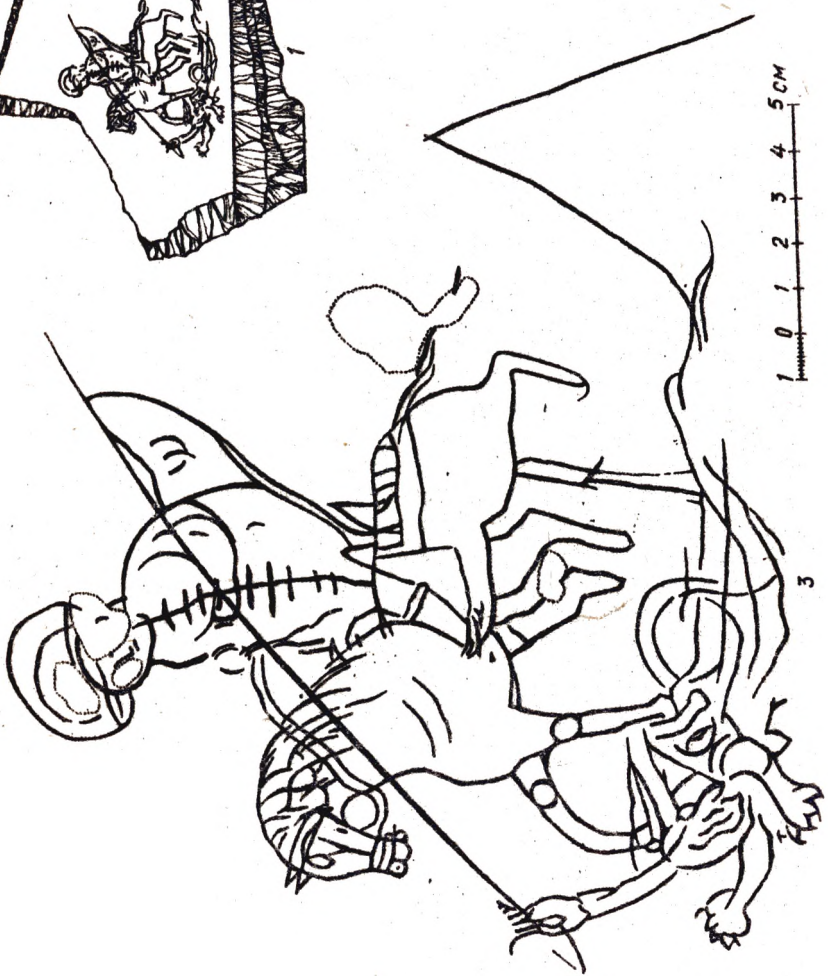

Рис. 5. Фрагмент плиты с изображением Георгия Победоносца:
1 — общий вид; 2 — сечение; 3 — прорисовка граффити

тами композиции выступают также гора, из-под которой выползает дракон, и два знака, находящиеся несколько в стороне, справа: шестиконечная звезда и месяцеобразное изображение, расположенное над ней. Семантика последних не совсем ясна, однако, по всей видимости, для мастера они являлись наиболее характерными символами врагов, представителем которых мог выступать дракон.

Лицевая поверхность плиты имеет следы воздействия сильного огня, в результате чего образовался провал камня глубиной до 0,7 м. Это наблюдение дает основание предполагать ее расположение непосредственно над входом в укрепление (рис. 4, 2), воротные конструкции которого могли выступать мощным источником горения. находка данной плиты с рисунком позволяет высказать предположение, что надвратная башня Фуны носила имя св. Георгия. Косвенно это предположение подтверждает сообщение Д.М.Струкова, что в апсиде церкви, выстроенной впоследствии на руинах башни, еще в 70-х гг. XIX в. сохранялось изображение Георгия Победоносца [27, с.12].

В первой половине XV в. в крепости произошел сильный пожар, после которого были частично разрушены некоторые участки оборонительных стен и внутрикрепостная застройка [23, с.102].

Восстановительные работы в крепости были завершены в 1459 г. [23, с.104]. К этому времени оборонительные сооружения Фуны подверглись существенной перестройке практически на всех участках (рис. 2, 4). Куртина, располагавшаяся к западу от прямоугольной башни, была разобрана почти полностью. Новая стена выдвигается во фронт и устанавливается в створе с северной стеной башни. Северо-западная угловая башня не восстанавливается. Перекаладывается большой участок куртины к югу от угловой трапезиевидной башни, а сама она, по всей видимости, надстраивается. Появляются новые монументальные сооружения в центральной части восточной линии обороны, во многом определившие фортификационную структуру замка этого времени: прежде всего, донжон и двухэтажная церковь св.Феодора Стратилата.

Церковь выстраивается над рассмотренным выше входом в укрепление, удачно включив в конструкцию стен первого этажа ранее существовавшие на этом месте кладки сооружений главных крепостных ворот. Ее размеры с пристройками составляют 14,4х11,3 м, реконструируемая высота (до конька крыши) — около 9,0 м. Анализ архитектуры храма позволил отметить ряд особенностей, характерных для армянской средневековой архитектуры, что, по всей видимости, было связано с происхождением владельцев замка [13, с.64—72]. При реконструкции и надстройке башни в нижнем этаже сохраняются входные проемы, а также бойница у входа, позволяющие, как и прежде, исполь-

зовать его в боевых действиях. Второй же этаж, где находился собственно храм, судя по иконографическому материалу [11, с.18—19; 1, л.31, 32], к ведению боя совершенно не был приспособлен. Напротив, возведение церкви в этом месте сильно ослабило восточную линию обороны, создав значительное непростреливаемое пространство. Для ликвидации этой "мертвой зоны", образовавшейся перед апсидой, с севера к ней была пристроена мощная крепостная стена длиной 16,8 м и толщиной 2,7—2,8 м со скошенным южным торцом, а с юга в створе с последней вдоль существующей куртины выполняется утолщение основания с наклоненной верхней гранью. В результате этих дополнений апсида оказалась почти полностью утопленной в новую линию обороны (рис. 2, 4), что позволило в некоторой степени усилить данный участок.

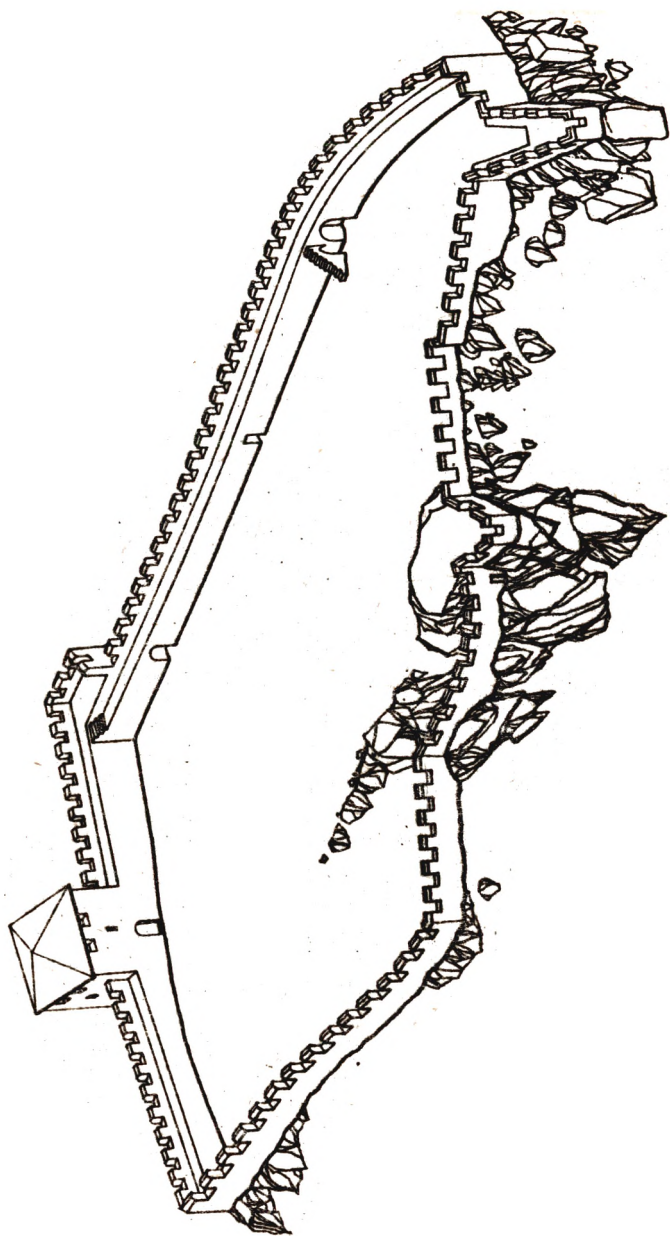
Повышение уровня дневной поверхности внутри бывшей въездной башни на 0,3 м при реконструкции замка сделало невозможным восстановление и использование первоначальных воротных конструкций. Новый вход в замок устраивается между юго-восточным углом донжона и крепостной стеной, пристроенной к храму с севера. Его ширина 2,35 м. С внешней стороны, по углам стен, на которые опиралась арка прохода, сохранились четверти размером 0,38 (0,42)х0,2 м для установки воротных конструкций. Упразднение полукруглой въездной башни, которая защищала вход в крепость, в 1459 г. было компенсировано сооружением специального закрытого дворика, окруженного оборонительными стенами. Проникнув в этот двор, противник оказывался в "каменном мешке", подвергаясь обстрелу со всех сторон. Таким образом, к 1459 г. на Фуе была создана сложная система защиты крепостных ворот, не имеющая аналогов в крымской фортификации XIV—XV вв. Подобные системы входов получили распространение в крепостном строительстве в Болгарии XIII—XIV вв. и известны в замке "Баба Вида", дворцовом ансамбле Царевграда Тырнова, в крепости Рам [30, с.73]. Сходные по планировке входные устройства, известные также в Порховской (возведена в 1387 и перестроена в 1430 гг.), Изборской, Острожской, Псковской крепостях, получили в русской фортификации название "захабов" [25, с.151—152, рис. 118, 121, 122, 124; 14, с.248—261, рис. 136, 3, 8, 144, 145, 147, 149, 150].

После реконструкции крепости Фуна в 1459 г. основную роль в ее обороне играет донжон (рис. 6, 2; 7, 3), который относится к типу межстенных башен. Последние, как правило, имели многоплановое функциональное назначение. Они служили для жилья, в них хранили припасы продуктов и вооружение, они также обеспечивали прикрытие ворот, потерн, из них вели фланговый и фронтальный обстрел. Все эти функции выполнял и фунский донжон.

Открытие этого памятника помогает, на наш взгляд, решить вопрос, по поводу которого длительное время ведутся споры, а именно: определить время строительства цитадели Мангуна. Впервые раскопки донжона на мысе Тешкли-Бурун в 1913—1914 гг. провел Р.Х.Лепер.

Но эти исследования дали только позднесредневековый материал, и Р.Х.Лепер пришел к выводу, что цитадель была возведена турками. К такому же заключению, но только на основании анализа фортификационных особенностей цитадели (устройства амбразур, обеспечение флангового обстрела, значительный вынос башни перед линией куртин, использование в кладке христианских надгробий), пришел и А.Л.Бертье-Делагард [2, с.40], который еще в 1889 г. выполнил обмеры мангупского донжона [1, л. 39]. Эту точку зрения поддерживали многие исследователи, и она стала господствующей в научной литературе [29, с.94]. Однако о происхождении укрепления на мысе Тешкли-Бурун, кроме "турецкого", высказывались и другие мнения. Наиболее раннюю дату предлагал Е.В.Веймарн — VI в. [4, с.125]. Н.И.Репников, А.Л.Якобсон и А.Г.Герцен считали, что цитадель была возведена в дотурецкий период (XIV—XV вв.) и впоследствии турки лишь перестроили ее [26, с.249; 3, с.126; 5, с.89]. Сравнение мангупского донжона с фунским показывает, что последний является несколько уменьшенной копией башни цитадели на Тешкли-Буруне. Сходство в размерах и устройстве входов, амбразур, толщине стен, технике кладки и т.д. дает основание утверждать, что цитадель Мангупа была сооружена в середине XV в. [23, с.112], вероятно, одной и той же строительной бригадой.

Донжон цитадели Мангупа сохранился значительно лучше фунского. Поэтому анализ его архитектурных остатков позволяет достаточно полно представить, что собой представляла постройка в замке Фуна и получить материал для ее графической реконструкции (рис. 6, 2). Размеры башни на Тешкли-Буруне — 16,6х9,6 м (фунский донжон несколько меньше — 14,15(15,0)х9,68 м). Стены сохранились в высоту на 9,5—10,0 м. Башня была трехэтажной (почти во всех работах по Мангупу донжон ошибочно называют двухэтажным). Высота нижнего этажа около 3,0 м, второго и третьего — 4,5—5,0 м. Общая высота здания с кровлей не превышала 15,0 м. Толщина стен донжона на уровне этажей различна: западная стена, обращенная во фронт крепости, имеет ширину 2,2 м, южная — 2,2—2,3 м, северная и восточная — по 1,75 м (аналогичны габариты стен первого этажа и фунского донжона: за исключением западной, обращенной вовнутрь укрепления и равной 1,68 м, все стены имели толщину 2,24—2,4 м). На уровне второго этажа толщина стен сохраняется, кроме восточной, равной 1,15 м, а на уровне третьего этажа стены становятся тоньше и составляют: западная — 1,75 м, южная, восточная и северная — по 1,15 м. Таким образом, наибольшую толщину имеет стена, обращенная во фронт крепости. В нижнем этаже (в западной стене, на Фуне — в восточной) размещалась одна амбразура подножного боя и два входа: один (в северной стене) вел за пределы крепости (на Фуне такой же вход находится в южной стене), второй, в восточной стене, — во внутреннюю часть укрепления. Амбразура имеет трапециевидную в плане форму с большим основани-

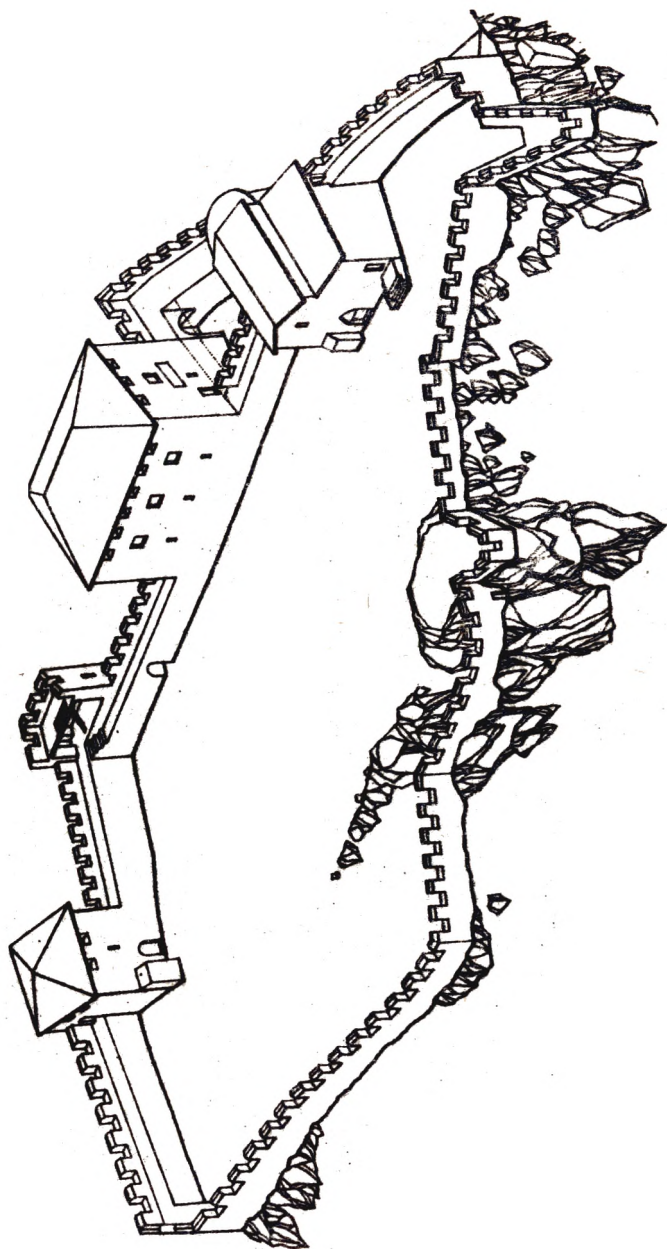

Рис. 6. Реконструкция оборонительных сооружений укрепления Фуна

ем шириной 1,9 м (на Фуне амбразура подножного боя имеет несколько меньшие размеры: ширина наибольшего основания — 1,6 м, меньшего — 0,9 м). Во втором и третьем этажах размещалось по четыре амбразуры: по три в западной и по одной в северных стенах. В южной стене на уровне второго и третьего этажей были устроены небольшие туалетные комнаты и световые окна, через которые можно было вести обстрел вдоль южной линии обороны. В южной стене во втором и третьем этажах также находилось по двери: со второго этажа дверь вела по узкому коридору к отхожему месту с выгребной ямой, расположенной за пределами башни (в фунском донжоне отхожее место находилось на втором этаже внутри башни, а слив нечистот производился по специальному каналу в выгребную яму, устроенную у основания восточной стены), дверь с уровня третьего этажа вела на боевую площадку оборонительной стены. В восточной стене мангупского донжона на уровне второго этажа находились две двери с выходом на террасу и два окна, а на уровне третьего этажа — три окна. Амбразуры донжона Мангупа почти все одинаковых размеров. В плане они представляют собой трапеции с шириной наибольшего основания 2,1–1,9 м, шириной меньшего основания — 0,7 м. Глубина камеры амбразур зависела от толщины стены, в которой она устраивалась. С наружной стороны амбразуры представляли собой узкие небольшие окна-бойницы. В широкой камере могли разместиться два арбалетчика. Из каждой амбразуры можно было обстреливать сектор шириной 60°, что позволяло полностью ликвидировать "мертвое пространство" перед башней. Высота камер — около 2,5 м. Стрелки, размещавшиеся в камерах, были защищены стеной шириной 0,6–0,7 м. Следует отметить, что часть мангунского донжона, обращенная вовнутрь укрепления имела дворцовый облик. Порталы входов и наличники окон украшены резьбой. Главным входом считался северо-восточный, портал которого украшен особенно пышным резным орнаментом из плетенки и розетки. Как была оформлена внутренняя сторона донжона крепости Фуна, сказать трудно. Но, по всей видимости, наиболее представительным и парадным фасадом был южный, обращенный в донжонный дворик. Именно здесь, перед входом в донжон, раскопками было найдено большое количество обработанных блоков известняка с элементами резьбы по камню, в том числе и известная богато декорированная плита со строительной надписью [23, с.104, рис. 5].

Проведенный анализ оборонительной системы крепости Фуна позволяет выделить три основных этапа в ее формировании (рис. 7). Первоначально основное внимание строителей было сосредоточено на организации обороны северного участка, где размещалась прямоугольная башня, обеспечивавшая фланговый и фронтальный обстрел предпольного пространства. Северо-восточный фланг прикрывала угловая башня, на верхней площадке которой, вероятно, была установлена камнеметная машина (ядра различного диаметра для баллист найдены практиче-

ки на всей территории укрепления). Наиболее уязвимым участком обороны укрепления конца XIV — начала XV в. была восточная куртине и особенно крепостные ворота. На втором этапе дополнительно усиливается северо-западный фланг (здесь возводится небольшая башня) и особое внимание уделяется защите воротного проезда, над которым возводится полукруглая башня. Это позволило значительно укрепить восточную линию обороны. Защитники крепости с боевой площадки воротной башни могли вести веерный обстрел предпольного пространства по всей протяженности куртин. Наличие угловой башни позволяло перекрестно простреливать участок куртины, на котором располагалась потеря и дорога, ведущая в крепость. Но и этих мер, видимо, было недостаточно для создания надежной системы обороны замка. Поэтому в 1459 г. дополнительно к восточной куртине пристраивается большая башня-донжон, который обеспечивает защиту крепостных ворот (устройство "захаба"), северо-западный участок куртины выносится вперед и устанавливается в створе с прямоугольной башней. При этой перестройке увеличивается толщина стен (с 1,6—1,8 до 2,1—3,0 м) и, очевидно, высота куртин. Таким образом, во второй половине XV в. крепость Фуна обладала сложной и хорошо продуманной системой обороны. Достаточно сказать, что расстояние между башнями замка составляет 7—15 м. Столь плотного расположения башен не имеет ни одно другое укрепление средневековой Таврики этого времени.

Точное время возведения замка у селения Фуна (впервые упоминается под 1384 г. [9, с.460]) пока установить не удалось. Вероятно, в 80-е гг. XIV в. крепость уже существовала. Первый пожар и разрушение укрепления происходит не ранее 1423—1425 гг. (это подтверждается находкой в слое пожара серебряной монеты, чеканенной в эти годы) и не позднее 1459 г., когда замок уже был восстановлен. В этот промежуток времени (1423—1459 гг.) произошло несколько событий, которые могли послужить причиной гибели крепости. Обычно разрушение укреплений феодоритов, располагавшихся на Южном берегу, связывают с походом Карло Ломеллино (1434 г.). Но первые столкновения между генуэзцами и феодоритами относятся еще к началу 20-х гг. XV в. В январе 1421 г. консул Каффы направляет на Мангуп в сопровождении пяти чиновников Георгия Ваху, которому, видимо, было поручено урегулировать спорные вопросы. Но эта миссия, очевидно, не достигла поставленной цели, и в 1422 г. между Каффой и Мангутом начались военные действия. Яблоком раздора выступал Чембало — город с удобной гаванью, захваченный генуэзцами у греков еще в середине XIV в. Правитель Мангупа Алексей также выражал свои претензии на прибрежные территории Готии [34, с. 202]. Для организации защиты Готии и Чембало в октябре 1422 г. правительство Каффы отпускает из казны 16460 аспров. В ноябре того же года еще большая сумма выделена для ремонта оборонительных стен и защиты Алушты [34, с.202]. Очевидно, что в это же время ведут подготовку к войне и феодориты: в ожидании

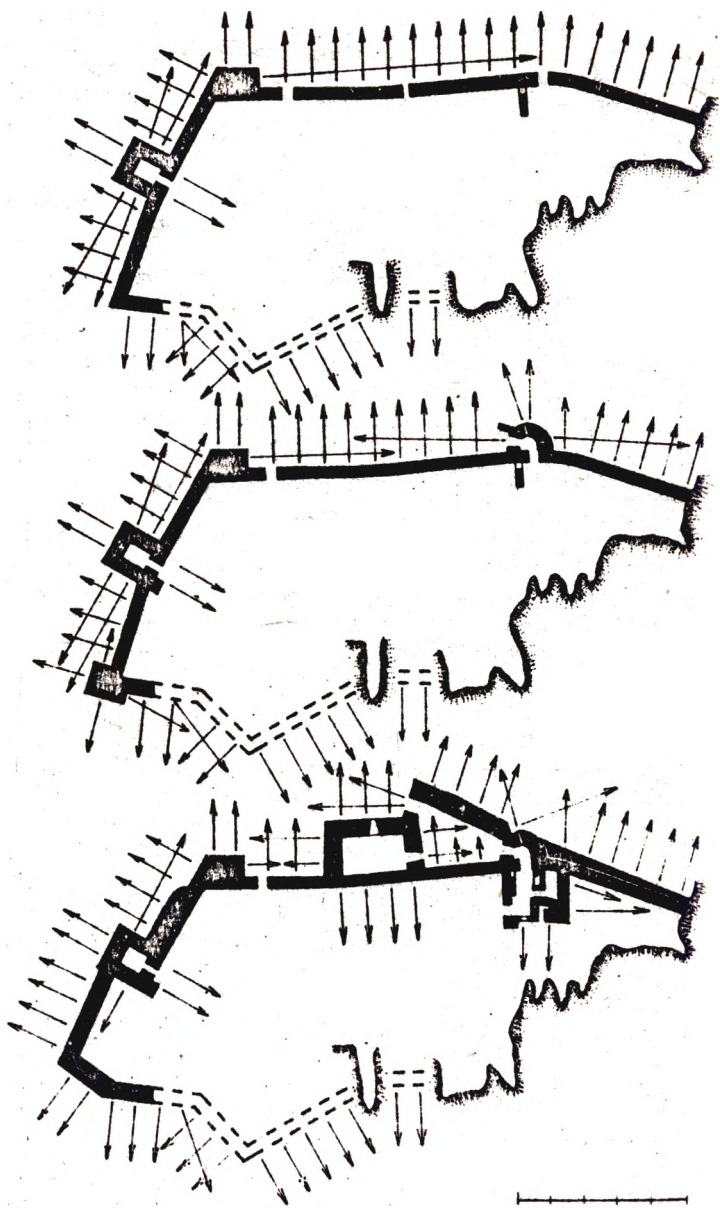

Рис. 7. Схема развития системы обороны замка Фуна:
 1 — конец XIV в.; 2 — первая четверть XV в.; 3 — 1459—1475 гг.

нападения генуэзцев производится усиление оборонительных сооружений ближайшей к Алуште крепости — Фуны (вероятно, к 20-м гг. XV в. можно отнести ее второй строительный период).

В 1423 г. снаряжается несколько кораблей для войны с князем Алексеем. Выделяются и дополнительные средства для усиления гарнизона Чембалю. Но этих мер оказалось недостаточно, и феодоритам удалось на короткое время захватить Чембалю. Благодаря энергичным действиям Пьетро Джювани Майнерио генуэзцы быстро вернули город. Для охраны побережья в 1433 г. снаряжается специальная галера под командованием Марко Спинула де Лукуло, которая должна была курсировать между Солдайей и Чембалю [34, с.203]. Во время военных действий 1423 г. в Каламину направляется корабль во главе с Негро ди Негро, за что ему была обещана некоторая сумма для организации охраны этой важной части Готии. Вероятно, в это же время в Каламите пытаются закрепиться и феодориты, начавшие строительство крепости. Действия ди Негро, видимо, не имели особого успеха, потому что ему еще в 1426 г. власти Каффы не выплатили обещанной суммы [34, с.203].

В начале 1424 г. военные действия между генуэзцами и феодоритами были прекращены. Из Каффы к Алексею направляется посол Симон Армянин, являвшийся членом городского суда. Но отношения между обеими сторонами продолжают оставаться напряженными. Генуэзцы предпринимают энергичные меры к укреплению Чембалю, увеличивают гарнизон и создают в крепости четырехмесячный запас продовольствия и вооружения [34, с.204].

Князь Алексей, не добившись в ходе войны 1423 г. выхода к морю через Чембалю, начал строительство крепости в Каламите, которое завершил в 1427 г. С этого времени Каламита становится единственным портом княжества, через который Алексей поддерживал связи и торговал с Трапезунтом, Синопом, Венецией, Молдавией и другими причерноморскими государствами. Строительство крепости и порта в устье р.Черной генуэзцы рассматривали как грубое нарушение их монопольного права на владение побережьем Готии и торговли на Черном море.

Во время подготовки к войне 1423 г. князь Алексей, видимо, произвел перестройку крепости Фуна. Этими действиями можно объяснить стремление администрации Каффы усилить оборону Лусты. Наше предположение подтверждается и материалами раскопок замка, где выявлены следы перестройки, произведенной, вероятно, в первой четверти XV в. Замок Фуна противостоял Алуште на протяжении нескольких десятилетий, пока этот небольшой приморский город не перешел под контроль владетелей Мангула — около 1474 г. [19, с.72—94]. Таким образом, война 1423 г. не была для феодоритов столь бесплодной, как это считал А.А.Васильев [34, с.205]. Не достигнув закрепления своей власти над Чембалю, князь Алексей воздвиг крепость в Каламите. Феодориты добились выхода к морю в одном пункте, хотя ими, по всей

видимости, намечался захват Алушты и Чембало (именно на усиление обороны этих двух крепостей генуэзцы выделили значительные суммы). В качестве плацдарма для захвата Алушты могла быть использована Фуна, а для захвата Чембало — Каламита.

С 1424 по 1433 гг. военных столкновений между феодоритами и генуэзцами источники не отмечают. Но строительные надписи 1425 и 1427 гг. князя Алексея имеют и явно политическое звучание, поскольку в них мангупский правитель величает себя "владельцем Феодоро и Поморья", а это показывает, что он не отказался от своих претензий на овладение всем побережьем от Алушты до Чембало [18, с.26—27].

В 1431 г. между Генуей и Венецией вспыхнула война, которая закончилась в 1433 г. победой республики св.Марка. Хорошо информированный венецианцами о военных неудачах Гунуи Алексей начинает подготовку к борьбе за Чембало и побережье Готии, опираясь на сеть возведенных укреплений. В конце февраля 1433 г. в Чембало вспыхнуло восстание горожан, которые выступили на стороне Алексея, и город перешел под власть мангупского князя. Консул Каффы предпринял попытку отвоевать крепость сходу, как это было сделано в 1423 г., но генуэзцев на этот раз постигла неудача [16, с.111]. В июне 1433 г. из Перры в Чембало был направлен флот под командованием Бартоломео де Левонто [34, с.208]. Феодориты оказали столь упорное сопротивление, что генуэзцы вынуждены были отступить. Неудачи Каффы в борьбе с Мангупом в 1433 г. привели к тому, что Готия оказалась под властью Алексея.

Захвату Чембало в феврале 1433 г. предшествовала длительная переписка между консулом Каффы Батистой де Форнари и Алексеем. Мангупский князь требовал передачи ему всей прибрежной части, а консул, не рассчитывая на собственные силы, всячески затягивал время [16, с.110]. На этот раз Каффа вынуждена была обратиться за помощью в Геную. На ссуду, предоставленную банком св. Георгия, была снаряжена эскадра из 20 галер, на которые было посажено 6 тыс. солдат. Карательную экспедицию в Таврику возглавил адмирал Карло Ломеллино [16, с.111, 116]. Генуэзцы захватили Чембало, сожгли оставленную жителями Каламиту и ограбили побережье Готии, "требуя от жителей полной покорности генуэзцам" [16, с.118].

После 1434 г. военные столкновения между генуэзцами и феодоритами продолжались еще на протяжении семи лет. Князь Алексей явно не был удовлетворен результатами войны, поскольку он не только не смог удержать Чембало, но и потерял Каламиту. Стремясь отрезать выход к морю, генуэзцы начали перестраивать крепость в устье р.Черной: была полностью реконструирована северная линия обороны с тремя башнями. Но генуэзцы не успели усилить восточный участок крепостной стены, и он остался не переделанным до захвата Каламиты турками в 1475 г. В 1438 г. генуэзцы предприняли нападение на земли Алексея, которые были опустошены [34, с.210]. Нападением подверглись при-

брежные территории. Ни разу генуэзцы не предприняли похода внутрь горного Крыма. Мир с Алексеем был заключен только в 1444 г. Подписание мирного договора между Кафкой и Мангутом, Генуей и Венецией в 1441 г. не было случайностью, а диктовалось тесной взаимосвязью политики Венеции и Феодоро [34, с.216]. Особо следует отметить, что Венеция, обладавшая меньшей силой на Черном море, пыталась создать коалицию из нескольких государств против Колонии Генуи на побережье Понта. Уже в первой половине XV в. в той или иной степени в борьбу против Генуи были втянуты Трапезунд, Крымское ханство, Феодоро, Молдавия и др. Обострение отношений между генуэзцами и Иоанном IV привело к тому, что в 1446 г. у стен Каффы появился флот Трапезундской империи под командованием деспота Давида (эскадра состояла из 13 галер) [10, с.113]. Действия Давида Комнина были поддержаны мангупским князем Олубеем и Хаджи-Гиреем. Каффа была вынуждена откупиться продовольствием и подарком для деспота [33, с.62]. Видимо, к этому времени Иоанну IV удалось создать антигенуэзскую коалицию, поскольку одновременно с Давидом против генуэзцев выступили правители Кастамона, Синопа и др. [33, с.30–31; 32, с.6]. Для стоянки своего флота на побережье Крыма Давид использовал порт Каламиты, которая к тому времени уже находилась в руках феодоритов.

Но конфликт 1446 г. не получил дальнейшего развития, потому что в 1447 г. побережье Крыма и Трапезунда подверглось нападению турок, и враждующие стороны уже в 1448 г. поспешили пойти на примирение перед лицом общей опасности — агрессии османов [33, с.47–48, 32, с.7–8]. Таким образом, уже к середине XV в. нарастающая угроза турецкого завоевания заставляет припонтийские государства воздержаться от выяснения отношений при помощи оружия, решая их путем переговоров. Кроме соглашений о взаимопомощи, предпринимаются меры по укреплению обороны городов и замков. Тем же были озабочены и власти Каффы, и князья Мангула.

В 1454 г. Мехмед II направил в Черное море большую эскадру (56 бирем). Потерпев неудачу у стен Четатя Албе (Белгород-Монкастро) и Каффы, турецкий флот прошел вдоль побережья Крыма, грабя на своем пути население Готии. Штурмовать крепости турки, видимо, не решились, и поэтому замки генуэзцев и господ Феодоро не пострадали. Слой пожара первой половины XV в. выявлен только при раскопках Каламиты (здесь он достаточно точно датируется июнем 1434 г.) и замка у селения Фуна, которое принадлежало князю Мангула Улубею. В 1459 г. он восстанавливает этот замок и передает своему сыну, соправителю и наследнику Александру, который владел замком до 1472 г. [23, с.113], когда после смерти отца он вынужден был бежать к своему шурину — молдавскому господарю Стефану III, спасаясь от преследований для Исаака, узурпировавшего власть. Тот факт, что на Фуна находилась резиденция княжича Александра — еще раз подчерки-

вает стратегическую значимость этого укрепления в системе обороны Феодоро.

Рассмотренный выше материал позволяет говорить, что стратегия и тактика обороны княжества Феодоро строилась с учетом реального противника на каждый период времени. Если в VI—XIII вв. для византийских владений в Крыму наибольшая опасность исходила со стороны степи, занимаемой кочевниками, то примерно столетие (40-е гг. XIV — 40-е гг. XV в.) проходит в борьбе с генуэзской Колонией, захватившей побережье Таврики. Поэтому система обороны княжества Феодоро строится уже на организации защиты от противника, обладающего сильным флотом и применяющего тактику морского десанта. Во второй половине XV в. опасность со стороны моря возрастает в связи с захватом в 1453 г. турками Константинополя. Феодориты отдавали предпочтение не "линейной", а "локальной" (центрической) форме обороны, когда на пути следования неприятеля располагались не заградительные стены, а отдельные укрепления — центры организации защиты определенного небольшого горного района. Крепость Фуна в системе укреплений, расположенных вдоль границ княжества, играла роль стратегически важного опорного пункта, сдерживая продвижение генуэзцев в глубинные горные районы.

1. *Архив Крымского областного краеведческого музея // Фонд А.Л. Бертье-Делагарда. — Д.14. — Л. 31, 32.*
2. *Бертье-Делагард А.Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. — Симферополь, 1918. — № 55. — С.1—44.*
3. *Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. — Симферополь, 1920. — № 57. — С.2—134.*
4. *Веймарн Е.В., Лобода И.И., Пиоро И.С., Чорелф М.Я. Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика. — Киев: Наук. думка, 1974. — С.123—139.*
5. *Герцен А.Г. История изучения оборонительного комплекса Мангупа // Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. — Свердловск, 1983. — С.88—104.*
6. *Герцен А.Г. Оборонительная система столицы княжества Феодоро // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XVI вв. — Ростов-на-Дону, 1989. — С.38—45.*
7. *Домбровский О.И. Средневековые поселения и "исары" крымского Южного берега // Феодальная Таврика. — Киев: Наук. думка, 1974. — С.5—56.*
8. *Дероко А. Средневековани градови у Србији Црно Гори и Македонији. — Београд, 1950. — 214 с.*
9. *Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю // ЗООИД. — 1867. — Т.6. — С.443—473.*
10. *Карнов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. — М., 1981. — 232 с.*
11. *Кеппен П.И. О древностях южного берега и гор Таврических // Крымский сборник. — СПб., 1837. — 409 с.*
12. *Келлер К. О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности, и об издании описания и рисунков оных // ЗООИД. — 1872. — Т. 8. — С.372—396.*
13. *Кирилко В.П. Надвратная церковь средневекового укрепления Фуна. Дати-*

- ровка и атрибуция // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. – Ростов-на-Дону, 1989. – С.62–73.
14. Кирпичников А.Н. Каменные крепости Новгородской земли. – Л., 1984. – 274 с.
 15. Когонашвили К.К., Махнева О.А. Средневековая Фуна // Феодальная Таврика. – Киев : Наук. думка, 1974. – С.111–123.
 16. Колли Л.П. Хаджи-Гирей-хан и его политика // ИТУАК. – Симферополь, 1913. – № 50. – С.99–139.
 17. Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. – Киев, 1914. – 154 с.
 18. Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангуна // ИГАИМК. – 1933. – № 71. – 47 с.
 19. Милицын С.А. Дело братьев Гуаско // С.А.Секиринский. Очерки истории Суружа. – Симферополь, 1955. – С.73–93.
 20. Мыц В.Л. Раскопки в горном Крыму // АО 1980 г. – М., 1981. – С.288–289.
 21. Мыц В.Л. Средневековое укрепление Исар-Кая // СА. – 1987. – № 2. – С.228–245.
 22. Мыц В.Л. Средневековые укрепления Горного Крыма X–XV вв. // Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Киев, 1987. – 17 с.
 23. Мыц В.Л. Некоторые итоги изучения средневековой крепости Фуна // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. – Киев : Наук. думка, 1988. – С.97–114.
 24. Нестеренко Т.Е. Заключение по результатам исследований древних строительных растворов крепости Фуна // Проект ремонтно-реставрационных работ. – Архив Ин-та Укрпроектреставрация. – Киев, 1987. – 25 с.
 25. Рапопорт Л.А. Очерки по истории русского военного содружества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // МИА. – 1961. – № 105. – 242 с.
 26. Репников Н.Н. Археологическая карта Крымского нагорья // Архив ЛЮИА. – (1940). – Ф.10. – Д.9. – 320 с.
 27. Струков Д. Древние памятники христианства в Тавриде. – М., 1976. – 96 с.
 28. Секирский С.А. Очерки истории Суружа IX–XV веков. – Симферополь, 1955. – 104 с.
 29. Талис Д.Л. Оборонительные сооружения Юго-Западного Крыма как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. – М., 1974. – С.84–113.
 30. Харбова М. Оборонительны съоружения в българското средновековие. – София, 1981. – 211 с.
 31. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. – М.; Л., 1964. – 230 с.
 32. Banescu N. Le conflit entre Genes et l'empire de Trebizonde a la veille de la conquete turque (1418–1449) // SBN. – V. – (Atti del V.Congresso Int. di Studi Bizantini), 1939. – P.4–10.
 33. Jorga N. Notes et extraits pour servir a l'histoire des Croisades au XV-e siecle // POL. – 4–8. – 1896. – 1900. – P.27–48.
 34. Vasiliev A.A. The gothe in the Crimea. – Cambridge, Massachusetts. – 196. – 293 p.
 35. Saleh C.-I. Dictionnaire des Chateaux et des Fortifications du Moyen en France. – Strasbourg, 1979. – 804 p.

НОВЫЕ ГРЕЧЕСКИЕ ЛАПИДАРНЫЕ НАДПИСИ СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА

Дан перевод и толкование новых греческих надписей (VI–XV вв.), происходящих из раскопок последних лет в Крыму.

1. В 1987 г. в Алуште, при раскопках цитадели*, в слое пожара конца XV в., в развале церкви, была найдена плита из плотного розоватого песчаника с остатками пяти строк греческой надписи (рис. 1).

Плита разбита на три части, которые сходятся по изломам. Поверхность ее сглажена, значительная часть тыльной стороны отбита. По сохранившимся гладким краям без рамки можно установить ее первоначальные размеры: высота 38 см, ширина 34 см, толщина 15 см.

Остатки раствора по краям плиты указывают на то, что она была некогда вмурована в стену какой-то постройки.

Надпись глубоко и четко вырезана по тонко проведенным линейкам. В недостающем правом фрагменте, составляющем чуть больше 1/4 всей плиты, находились окончания первых четырех строк надписи, которые необходимо дополнить, исходя из содержания текста и места на камне.

Высота букв около 3,5 см, в последней строке 4 см, расстояние между строками 0,5–0,7 см. Последние две строки выполнены более небрежно.

Начало надписи, по обычаю, отмечено небольшим равносторонним крестиком. Сочетание букв ΓС в строке 3 не дает удовлетворительного чтения. Поэтому можно предполагать пропуск гласной между ними, или скорее, отсутствие горизонтальной галсту от ε по недосмотру резчика.

После Υ в начале строки 4 поставлена вверху точка, видимо, указывающая на конец предложения. После третьей буквы этой строки в облом уходит косая линия, а дальше виден небольшой уголок внизу еще от одной буквы. Наконец, в последней строке над четырьмя буквами цифрового обозначения года, как обычно, проведены горизонтальные черточки.

Первую букву (она повторяется и в начале второй строки) легко принять с первого взгляда за Α, но это уводит от правильного чтения и понимания текста. Форма Α в строке 4 указывает на то, что в первых двух строках была другая буква, а именно Δ, имеющая немало аналогий в средневековых надписях различных регионов, в том числе и Крыма [9, №№ 58, 61, 97, 100; 16, № 61, рис. 19, № 99, рис. 24; 33, № 29; 31, taf. 63, 64, 69, 100]*.

Другие характерные особенности шрифта: Α и Λ с выгнутой пра-

* См. также букву Α на монетах Романа. [1, табл. XXX, № 449–452].

вой гастой, низкая курсивная омега, квадратные петли у В, необычная форма Υ, слитый дифтонг ΟΥ.

Предлагаем следующее чтение и дополнение надписи:

1. + ΔΕΗ [...]	+ Δέη [α ζ του]
ΔΟΥΛ [...]	δοῦλ {ουδ (εο) υ}
ΓCΩ [.....]	Γ [ε] ω [συο] —
Υ'ΑΛ [.....]	υ; ἡμ {ἡ.} Ε —
5. ΤΥΥΛ Β	τ(ο) υ(ς), 5 Λ ι Β'

П е р е в о д: Моление раба божьего Георгия; аминь. Года 6912.

Убедительное и однозначное дополнение первого слова как δέηδις (просьба, моление, мольба) дали начало известной формулы ряда строгительных надписей со словами "раб божий такой-то" в родительном падеже*. Последнее слово в строке 4 предположительно дополнено как ΑΜΗΝ, завершающее текст многих надписей [9, №№ 12, 24; 30, № 241]**.

Имя Георгий встречается в средневековой антропонимии повсеместно в честь святого великомученика Георгия. Известно оно в надписях из дер. Шуры в Керчи и на Тамани, 9, №№ 61, 93, 104 а, судя по надписи на иконе, в 1452 г. в Феодосии был построен монастырь в честь этого святого. [9, №№ 61, 93, 104].

Судя по месту букв ΤΥ в последней строке перед датой, приходится их отнести к слову [Ε] Τ(Ο)Υ(С), хотя такую форму аббревиации этого слова мы не встречали.

Дата обозначена по христианскому летоисчислению от сотворения мира и соответствует (6912—5508) 1404 г. Эта дата определяет время раскопанного комплекса и, скорее всего, относится к году сооружения открытой там церкви, которая погибла в пожаре в конце XV в., а следовательно простояла меньше одного века.

Иногда подобные надписи были еще более краткими, ограничиваясь именем и датой. Такую лаконичную надпись, близкую по времени алуштинской, приводит Латышев из деревни Лаки. Он указывает, что на апсиде храма, вероятно, было имя, но неразборчивое, и дата 6921=1413 г. [9, № 63]. Это имя в родительном падеже можно, по нашему мнению, прочитать как Λέονδου (H=N).

Неизменное выражение "раб божий" уравнивало всех перед всемогущим богом, обещая за праведную жизнь бессмертие души и вечное блаженство в райских кущах. Со временем первоначальный смысл этих слов стерся, и они стали просто означать, что надпись относится к приверженцу христианства.

До этой эпиграфической находки в Алуште были найдены лишь два надгробия XIII—XIV вв. с греческими надписями [21, с.156—165], но раскопок там проводилось очень мало.

* Ср.: Надписи из Килии (1648 г.), Аккермана (XIV—XV вв.), Инкермана (1272 г.), Шуры [9, №№ 1, 3, 32, 61], а также [16, № 93 (XIV в.)] [31, № 238 (XIII в.)].

** Такое дополнение предложил В.П.Яйленко.

Долгое время сильному Мангупскому княжеству подчинялась и территория южного берега Крыма, так называемое поморье. Во второй половине XIV в. многие укрепления на побережье захватила Генуя: Кафу, Чембало, Солдайю и др. Только в середине XV в. Мангуп вернул в свое подчинение Алушту (Лусту). Однако после турецкого нашествия и надения Мангупа в 1475 г. под их властью оказалось все побережье. Следовательно надпись на постройке сделана в Алуште при генуэзцах, а сброшена и разбита, вероятно, во время турецкого нашествия.

Надписи из Алушты свидетельствуют о позднем использовании населением греческого языка, причем, не только в период ее подчинения Мангупскому княжеству, связанному с грекоязычной Византией, но и позже, в период владычества в Крыму генуэзцев и турок. О том же говорят греческие строительные надписи из Фуны 1459 г. (пока полностью не издана), Мангупа 1503 г. [3, с.170—175] и др. Сохраняется в этих надписях и христианская символика в виде изображения креста и летоисчисление от сотворения мира.

2. В 1960 г. в Бахчисарае, за стеной ханского дворца, при разборе беседки Селямет Гирея XVIII в., была обнаружена вторично использованная там плита из сероватого мрамора с остатками однострочной греческой надписи (руководитель работ Е.В.Веймарн).

Поверхность карниза хорошо обработана с обеих сторон. Левый край, судя по тексту надписи, сохранился, правый, вероятно, подтесан позже (рис. 2).

Размеры плиты: ширина 128 см, высота 35 см, толщина около 15 см, высота букв 4—6 см.

Шрифт надписи имеет ряд аналогий в надписях Крыма, твердо датированных концом V—VI вв. благодаря указанию имен императоров или дат. Это надпись Зенона (487—488) [9, № 7], надпись в Керченской катакомбе 491 г. [8, табл. ...], надпись с именем Юстиниана I (527—565) [12, с. 18], а также несколько надписей из Болгарии, изданных В.Бен-влиевым: [31, № 198, № 240 (575—576 гг.), № 240 (V—VI вв.), № 244 (VI в.), № 249 (544 г.)].

Для датировки надписи следует также обратить внимание на форму монограммы Христа, вырезанной в середине надписи и имеющей отличие от обычной хризмы прямоугольные очертания креста. По указанию Ю.Кулаковского [8, с.19; Ср. 36, taf.7 (1047—1050 гг.); 4, с.152] крест такой формы, называемый стух *monogrammatida*, встречается только с конца IV в. и получает широкое распространение в V—VI вв. Несколько раз такой монограммный крест встречается в Керченской катакомбе 491 г., в надписи из Фритгии [34, 1, 371], в ряде надписей из Болгарии [31, №№ 7, 41, 93, 96, 116, 241]. Обычно монограммный крест ставили в начале или в конце надписи, но иногда в середине, как в нашем случае [ср: 32, с.175; 8, с.30], где он также имел самостоятельное значение.

Текст надписи: $\varsigma\upsilon\pi\acute{\epsilon}\rho\epsilon\ \upsilon\chi\eta\varsigma$ — монограмма — *Μαριασκου* [-----].
Перевод: О молитве за Марию...

Формула $\upsilon\pi\acute{\epsilon}\rho\ \epsilon\upsilon\chi\eta\varsigma$ отмечена в нескольких херсонесских надписях, а также в надписях из Питиунта, Казрети, Фригии и др. [9, №№ 13, 15, 16, 19; 6, с.130, 174—192; 34, 1, 244; 31, № 181a (VIII—IX вв.)].

На мраморном карнизе из часовни Херсонеса раннесредневекового времени фрагмент сходной надписи дополнен Р.Х.Лепером [14, с.67, № 16) как ... $\Xi\xi$ $\epsilon\upsilon\chi\eta\varsigma\tau$ [οὐ..., то есть "по обету такого-то" (построено это здание). В позднеримский и раннесредневековой период употреблялась также формула: $\epsilon\upsilon\chi\eta\varsigma\ \chi\alpha\rho'$ п того же значения [35, №№ 721, 722; 23, № 106].

Трудно определить началом какого слова являются сохранившиеся в конце строки буквы КОМ, но из известных терминов их можно предположительно отнести к слову комит (*κομης*), которое часто писали также сокращенно как КОМ [9, № 7, 28; 31, № 89, 204, 227; 34, VI, 13; 7, с.269—274 (VII—IX вв.)]. Комит был представителем византийской администрации в Херсонесе и других городах, подчиненных Византии. Комментируя этот термин в близкой по времени строительной надписи императора Зенона [9, № 7]. В.В.Латышев пишет, что комит Диоген, видимо, не был в Херсонесе постоянным правителем, а, скорее, осуществлял высший надзор за постройкой стен и башен на дарованные императором средства.

Условия находки плиты и формула надписи не позволяют связать ее с определенным местом и типом памятника, но, и судя по известным аналогиям, она относится скорее к категории строительных и была помещена на каком-то церковном здании, возможно, воздвигнутым под руководством византийского комита.

3. Раскопки средневекового комплекса Баклы систематически вела экспедиция Государственного исторического музея под руководством Д.Л.Талиса. После его безвременной кончины их продолжил один из участников этой экспедиции, молодой археолог из Свердловска, и начатые успешно работы остались незавершенными.

Среди многочисленных материалов из раскопок Баклы в фондах Государственного Херсонесского историко-археологического заповедника имеется несколько небольших эпиграфических памятников, которые мы и включили в эту статью.

В 1972 г. в помещении 3 (квартал 3) был найден ряд архитектурных деталей от какого-то сооружения, в том числе фрагмент арки из известняка с четко вырезанным по центру равносторонним крестом и краткой двухстрочной надписью по обе стороны от креста (ГХЗ, инв. 28/36922).

Размеры арки: высота 27,5 см, ширина 49,5 см, толщина 18 см, высота букв 1—1,3 см.

Надпись содержит обычную христианскую формулу с принятыми аббревиациями (рис. 3).

ΙC ΧΡ ΝΙΚΑ, то есть Ἰησοῦς Χριστός νικά.
(Иисус Христос побеждает).

Чаще сокращение имени Христа обозначали буквами ХС, однако одна надпись из Болгарии дает полную аналогию нашей, включая и форму указанной аббревиации [31, № 137] *.

Похожий арочный блок был найден в помещении 6 того же комплекса [18, с.20–30, рис. 1, 5]. Хорошие аналогии известны в Херсонесе и Ново-Афонском монастыре [2, рис. 67, вверху; 11, рис. 2–4]. Вероятно, все они служили для оформления верхнего наличника окна, причем помещенная на баклинском блоке надпись позволяет предполагать культовый характер данной постройки.

В 1972 г. внутри цитадели Баклы был выявлен план большого здания, которое несколько раз перестраивалось. В это здание была встроена часовня, датируемая по поливной керамике в слое XII — первой половиной XIII в. [26, с.336]. Не исключено, что арочный блок, найденный в том же году, принадлежал этой часовне.

В 1976 г. В.Е.Рудаков проводил раскопки в окрестностях Баклы в междуречье Альмы и Бодрака. Там был раскрыт храмовый комплекс X–XIII вв. с примыкающим к нему большим христианским некрополем [19, с.363 и сл.]. В заполнении погребального склепа под храмом был обнаружен фрагмент плиты из известняка с остатками двух строк плохо сохранившейся надписи: ΓΧΖ, инв. 49/36923 (рис. 4).

Размеры: ширина 12 см, высота 7 см, толщина 7–8 см, высота букв 1,3–2 см.

Плита обломана со всех сторон, на лицевой стороне — повреждения. Надпись выполнена небрежно буквами разной высоты. Крест перед первым словом указывает на начало надписи, а само слово — на ее надгробный характер. Видимо, эта плита попала в склеп из соседнего могильника. В одной из последних своих статей В.Е.Рудаков поместил подробный план храмов и некрополя, дав их характеристику и датировку [20, с.49, и сл., рис. 1].

+ ΕΤΕΛ [.....] + 'Ετελ [εὐτησεν vel — εὐώθη' Απο]

ΛΛΩΔΟΛΟ [...] λλωδο(ρος)? ΛΟ [.....]

Перевод: Скончался... Аполлодор (?)...

Глагол "скончался", как правило, ставили после слов "Здесь погребен такой-то" с указанием года смерти, однако в одной эпитафии из Кафы 819 г., поставленной двум лицам, надпись второго лица начинается со слова "скончался" [9, № 75].

* Там же говорится об ударении в слове νικά ссылкой на работу Peterson'a. Такое же ударение дает везде Латышев. Следовательно, этот глагол надо переводить не в повелительном наклонении (победи), а в третьем лице изъявительного наклонения (побеждает). В нашей статье [25, с.210] необходимо внести в перевод соответствующую поправку или изменить ударение на νικῃ. Отметим попутно, что в той же статье, в надписи № 5 удалось рассмотреть в монограмме ΠР еще одну деталь: две петли, примыкающие к правой вертикали буквы Π, видимо, от буквы Β, что делает более убедительным предложенное чтение ΠΡΕΣΒΥΤΕΡΟΣ.

Обе указанные формы глагола широко известны в надгробных памятниках*, но в Крыму, видимо, предпочитали форму *ἐτελειώθη*. В некоторых случаях глагол сокращали до *ΕΤΕΛ*, так что возможны оба дополнения, а в нашем случае остается неизвестным, был он написан полностью или сокращенно.

При раскопках храма, в том же году, в яме, в каменном завале была обнаружена большая известняковая плита с четко прочерченным большим знаком и изображением животного, скорее всего, лошади (передняя его часть сбита): ГХЗ, инв. 35/36923 (рис. 5).

Размеры плиты: высота 37 см, ширина 23 см, толщина 10 см.

Очертания двучленного асимметричного знака не оставляют сомнения в его принадлежности к известной группе сарматских знаков Северного Причерноморья, хотя около Баклы подобный памятник встречается впервые. Почти каждый такой знак неповторим, но отдельные его элементы хорошо известны. Нижняя часть напоминает знак боспорского царя Ининфимия и его варианты, верхняя — другие знаки [ср.: 22, табл. №№ 39, 47—52, 68—72]. Наиболее близки очертания асимметричного двучленного знака на антропоморфной стеле из могильника первых веков н.э. у с.Заветное Бахчисарайского района, если рассматривать его в перевернутом виде [5, с.236, рис. 3 (2); 24, с.86, рис. 3, 2].

Для многих сарматских стел характерно сочетание знаков с изображением животных (чаще — коней) [22, № 36, 43, 44, 52, 53; 28, с.152 сл., рис.6], видимо, связанное с кочевым образом жизни этих племен. Подобно стелам из Заветного того же региона плиту из района Баклы можно определить как сарматское надгробие с семейно-родовым знаком, заменявшим бесписьменному народу надпись, и датировать ее позднеантичным временем. В средневековом храме плита была вторично использована как строительный материал, о чем свидетельствуют также следы фресковой живописи.

По мере раскопок постепенно выясняется, что в районе Баклы и ее окрестностей до средневекового времени существовали какие-то поселения. Об этом свидетельствуют находки позднеримской керамики, а также фрагмент мраморной плиты с остатками двух строк греческой надписи, найденной Д.Л.Талисом в 1962 г. на Бакле в завале камней (не издана). К тому же времени относится и рассматривается стела со знаком.

4. В 1988 г. в Судаке, на территории крепости, среди подъемного материала был найден небольшой карниз из известняка, обломанный с обеих сторон (руководитель археологических работ И.А.Баранов).

Размеры: сохранившаяся длина карниза 18 см, ширина 3 см. Вдоль карниза четко вырезана однострочная надпись, начало и конец которой обломаны. Высота букв 1,5—2 см. (рис. 6).

— — — ΑΣΗΜΟΝΑΜ — — —

* Об этом свидетельствуют надписи, опубликованные В.В.Латышевым [9, № 69 (Партенит, 906 г.), № 75 (Кафа, 819 г.), № 93 (Керчь, 757 г.), № 95 (Керчь Хв.). Ср.: 31, №№ 58, 97].

Шрифт можно сравнить с надписью из Месембрии (Болгария), которая датируется 879–886 гг. [31, № 158, рис. 166–167]. Аналогичный известняк (видимо, привозной из юго-западного Крыма) встречается в Судакской крепости на поделках VIII–XII вв.

В.В.Латышев пишет, что карнизы с надписями в храмах были не редки [9, № 17] и могли иметь разное назначение (как посвящения, надгробия и др.).

Можно предложить следующее чтение и перевод сохранившегося фрагмента надписи:

— — — α Σ η μ ο ν α μ [οναχόν?] — — —

— — — Симона м (онаха ?) — — —

Имя Σ η μ ο ν отмечено в словаре Pape-Benselera; здесь возможно вместо более распространенной формы Σ η μ ο ν. Кстати, известно много примеров замены ι < η в именах и других словах [9, указатель, с.141]. Букву Μ от слова, следующего после имени в винительном падеже, дополняем, конечно, условно наряду с другими вариантами, например, μεγαλ' μακάριον и др.

1. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. — К., 1977. — 175 с.
2. Археологические памятники Боспора и Херсонеса // МИА. — 1941. — Вып. 4. — 278 с.
3. Белый А.В., Соломоник Э.И. Утерянная и вновь открытая Мангупская строительная надпись // НЭ. — 1984. — Вып. 14. — С.170–175.
4. Беляев С.А. Новые памятники ранневизантийской мраморной пластики из Херсонеса // ВВ. — 1987. — Т. 48. — С.142–152.
5. Богданова Н.А. Скифские и сарматские стелы Заветинского могильника // СА. — 1965. — № 3. — С.233–237.
6. Каухчишвили Т.С. Эпиграфические новости из Грузии // ВДИ. — 1958. — № 4. — С.129–133.
7. Каухчишвили Т.С. Греческая надпись из Казрети // ВВ. — 1969. — Вып. 29. — С.269–274.
8. Кулаковский Ю. Керченская христианская катакомба 491 года // МАР. — 1891. — Вып. 6.
9. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. — СПб., 1896. — 143 с.
10. Латышев В.В. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. — 1905. — Вып. 14. — С.94–137.
11. Латышев В.В. К истории христианства на Кавказе. Греческие надписи из Ново-Афонского монастыря // Сборник археологических статей в честь А.А.Бобринского. — СПб., 1911.
12. Латышев В.В. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. — 1918. — Вып. 65. — С.9–21.
13. Левкинадзе В.А. В древнейшей базилике Питиунта и ее мозаиках // ВДИ. — 1970. — № 2. — С.174–192.
14. Лепер Р.Х. Херсонёсские надписи найденные в 1911 г. // ИАК. — Вып. 45. — С.23–70.
15. Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. — 1933. — Вып. 71. — 47 с.
16. Помяловский М. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. — СПб., 1881.

17. Репников Н.И. Археологическая карта Крымского нагорья // Архив ЛЮИА АН СССР. — Фонд 10.
18. Рудаков В.Е. Материалы XII-XIII вв. из раскопок посада Баклинского городища // АДСВ. — Свердловск, 1975. — Вып. 12. — С.20—30.
19. Рудаков В.Е., Ложкина Е.В. Исследования средневековых памятников в районе Баклинского городища // АО. — 1976. — С.363—364.
20. Рудаков В.Е. Христианские памятники Баклы. Храмовый комплекс X—XIII вв. // Античная и средневековая идеология. — Свердловск, 1984. — С.35—57.
21. Скрижинская Е.Ч. Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма // ИАСК. — К., 1958. — С.155—175.
22. Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. — К., 1959. — 179 с.
23. Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. — К., 1964. — 196 с.
24. Соломоник Э.И. Несколько памятников с сарматскими знаками // Население и культура Крыма в первые века н.э. — К., 1983. — С.80—95.
25. Соломоник Э.И. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. — 1986. — Т. 47. — С.210—218.
26. Талис Д.Л., Маркелова С.П., Рудаков В.Е. Работы на второй гряде Крымских гор // АО. — 1972. — С.336.
27. Шкорпил В.В. Боспорские надписи найденные в 1911 г. // ИАК. — 1912. — Вып. 45. — С.9—22.
28. Яйленко В.П. Несколько греческих граффитов и "сарматская" надпись с Бerezани // Античная балканистика. — М., 1987. — С.147—154.
29. Якобсон А.О. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики // МИА. — 1970. — Вып. 168. — 224 с.
30. Якобсон А.Л. Крым в средние века. — М., 1973. — 174 с.
31. Beşevliev. V. Spätgriechische und spätlateinische Inschriften aus Bulgarien. — В., 1964.
32. Kaufmann C.M. Handbuch der christlichen Archäologie. — Paderborn, 1922.
33. Kozak E.A. Die Inschriften aus der Bukovina. — Wien, 1903.
34. Monumento Asiae Minoris antiqua.
35. Mihailov. IGB. — София, 1958. — Т. II. — 257 с.
36. Wessel K. Christus monogramm // Reallexikon zur byzantinischen Kunst. — Stuttgart, 1965.

В.Л.МЫЦ

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК ПО ЭПИГРАФИКЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА XIV—XV вв.

Новая интерпретация ряда надписей XIV—XV вв., найденных в Горном Крыму, позволяет ответить на некоторые неясные вопросы истории крымского средневековья.

Исследователи средневекового Крыма постоянно ощущают недостаток письменных источников. Поэтому любая новая находка вызывает живой интерес ученых. Но случается и так, что среди материалов старых раскопок удается обнаружить забытые или незамеченные надписи,

способные пролить свет на те или иные исторические события. В данной статье вниманию читателя предлагается три небольших сюжета, посвященных изучению трех эпиграфических памятников XIV–XV вв. Это надпись 1361/62 гг. из раскопок на Мангупе, которая неоднократно использовалась исследователями средневекового Крыма в историко-социологических построениях; надпись 1427 г. из Партенита, найденная еще в XIX в., но ни разу не публиковавшаяся; относительно новая находка из раскопок 1982 г. крепости Фуна, способная дать новые материалы по генеалогии Мангупских князей XV в.

1. Мангупской надписи 1361/62 гг., найденной при раскопках базилики в 1913 г., в литературе по истории средневекового Крыма уделено много внимания, но это, к сожалению, не способствовало уяснению ее значения как источника. В понимании исторического содержания надписи исследователи за истекшие несколько десятилетий не продвинулись далее того, что было предложено вначале Р.Х.Лепером [21, с.297] и затем Н.В.Малицким. [22, с.9–11]. Эта надпись была найдена не *in situ*, а как вторично использованная: оказалась вставленной в плиту позднесредневековой могилы у южной стены алтаря базилики [20, л.80]*. В переводе Н.В.Малицкого она звучит так: "Господи Иисусе Христе боже наш [благослови] основавших [сию] стену; построена эта башня верхнего города почтенной Пойки помощью божией и святого Димитрия попечением всечестнейшего нашего Хуйтани сотника [достойного?] всякой чести и совершенно восстановление Феодоро вместе с Пойкой построены в 6870 году" (т.е. в 1361/62 гг. от рождества Христова) [22, с.9–10].

С момента открытия надписи сотник Хуйтани был силою желания исследователей произведен в князья, и это мнение прочно утвердилось [18, с.17–21; 4, с.19–28; 7, с.276–277; 36, с.414; 31, с.330; 12, с.123]. Смущало несколько его нехристианское имя, однако и это препятствие было устранено: на основе упоминания в надписи св. Димитрия Хуйтани преобразуется в Димитрия. Так, искусственным путем был создан князь Димитрий, якобы правивший на Мангупе в 1361/62 гг., и его помещают в основание генеалогической лестницы правителей Феодоро [40, с.282].

Строительная надпись сотника Хуйтани (как и еще одна надпись 80-х гг. XIV в., в которой упоминается сотник Чичикий [17, с.56, 40, с.282]) очень скромна по оформлению (рис. 1) и ничем не отличается от аналогичной надписи 1503 г. [3, с.170–175], также повествующей о восстановлении стен Мангупа. Она лишена пышной титулатуры и геральдических символов, столь характерных для надписей князей Мангупа XV в. Из ее содержания можно сделать вывод, что Пойка является частью Феодоро (на этом делается акцент). Пойкой называется "верхний город". Таким образом, в XIV в. Мангуп топографически был раз-

* В настоящее время эта плита хранится в лапидарии Государственного Херсонесского историко-археологического заповедника.

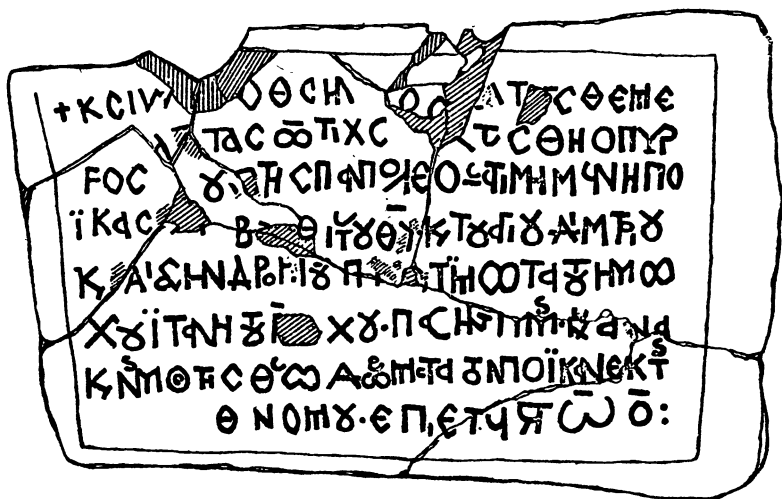

Рис. 1. Плита с надписью 1361/62 гг. из раскопок Мангула

разделен на несколько частей. Термин "верхний город" предполагает существование и "нижнего города". Видимо, "верхний" и "нижний" вместе образовывали "Феодоро". Именно в этой надписи впервые звучит название города, давшее имя княжеству. Но кто такой сотник Хуйтани и причем здесь упомянут св. Димитрий?

Н.В.Малицким было высказано предположение [22, с.9], которое поддержали и другие исследователи, считавшие его вполне обоснованным [31, с.330], что упоминаемый в надписи сотник (ξκατοῦταρχος) Хуйтани имел еще и христианское имя Димитрий. Сравнивая это имя с летописными известиями, повествующими о разгроме Ольгердом на Синей воде войск трех князей: Хачебея, Кутлубуга и Димитрия в 1363 г., а также с сообщением Шлецера о повторном поражении в 1396 г., нанесенном Ольгердом в Подонье ханам Крымскому, Кыркельскому и Манлопскому [6, с.73, 181], исследователи пришли к заключению, что Хуйтани—Димитрий надписи 1361/62 гг. и Димитрий, упоминаемый в летописи, — одно лицо [22, с.11—13; 31, с.330].

Однако с этим мнением трудно согласиться ввиду целого ряда причин. Во-первых, в надписи Хуйтани назван сотником, а не князем ("правителем", "владельцем"). Во-вторых, никто из исследователей, касавшихся этого вопроса, не обратил внимания на то, что в целом ряде документов, относящихся к Каффе и Солдайе (особенно там, где речь идет об организации аппарата самоуправления городов), неоднократно упоминаются сотники как должностные лица, ведающие городским

ополчением [33, с.775; 37, с.90]. Основной их функцией была организация строительства, ремонта, защиты стен и башен города. Причем в генуэзских городах сотники избирались исключительно из греческого (местного) населения [37, с.90]. В мирное время сотники следили за порядком выполнения горожанами караульной повинности. Выбирались сотники из числа лиц, наиболее уважаемых, авторитетных и зажиточных. Генуэзцы сохранили институт сотников, приспособив его к своим нуждам, включив в общую систему административного устройства города. "Сотни" городского ополчения делились на "десятки". Подобный порядок весьма напоминает структуру армии монголов, но имел ли он местные корни или был привнесен в XIII в. татарами, пока сказать трудно. Турки, захватив Крым в 1475 г., сохранили должности сотников, называвшиеся ими "юзбаши". В их компетенции остается попечение за благоустройство кварталов. М.Балар, говоря о делении населения позднесредневековой Каффы на сотни, отмечает, что "этот факт не имеет эквивалента ни в одном другом турецком городе [37, с.102]. Формировались сотни по кварталам, часто называемым именами святых, которым были посвящены церкви, располагавшиеся в них. Подобное явление характерно не только для городов Крыма. Оно сохранилось и в позднее средневековье (XV—XVI вв.) в Болгарии [10, с.84]*.

Ввиду изложенного есть основания считать, что в мангупской надписи 1361/62 гг. идет речь о сотнике, который возглавлял городское ополчение и попечением которого возводился участок оборонительной стены и башни. Сотня, возглавляемая Хуйтани, группировалась вокруг храма св.Димитрия, также упоминаемого в надписи. Затруднительно ответить на вопрос, был на Мангупе один сотник или же их было несколько (как, например, в Каффе). Если здесь находился один сотник, то и храм св.Димитрия являлся главенствующим в городе. В науке закрепилось мнение, что большая Мангупская базилика была возведена во имя св.Константина и св.Елены, упоминаемых в надписи князя Алексея 1425 г. [32, с.334—389; 1, с.30—39]. По мнению А.Л.Бертье-Делагарда, данная надпись происходит из Инкермана (Каламиты) [4, с.40]. С этим мнением как-будто согласилось большинство исследователей, оставив, правда, название храма св.Константина и св.Елены за мангупской базиликой [35, с.205, с.1—20]. Топография находки надписи 1361/62 гг. позволяет предположить, что она была извлечена из руин крепостной башни, находящейся рядом с базиликой, а не привезена откуда-то из другого места. А.Г.Герцен [11, с.15—16], вслед за Н.И.Репниковым [26, с.206—208, 25, с.160—161], считает, что надпись 1361/62 гг.

* В большинстве случаев немусульманские кварталы группировались в границах церковных приходов, которыми управляли местные священники. Они носили их имена, имена святых, которым была посвящена квартальная церковь, местных старейшин и др. Так, например, по данным XVI в., в Костуре существовали кварталы ("махали") с именами святых — св.Никола, св.Георгий, св.Андрей, св.Димитрий, св.Анастасий, св.Константин и др., в Солуне — также в начале XVI в. — св.Мина, св.Димитрий, а в Софии — поп Калоян, поп Милко и др.

происходит из руин цитадели Мангула, которая якобы была построена в 60-е гг. XIV в. князем Хуйтани. Подобное предположение, на наш взгляд, маловероятно по ряду причин. Во-первых, цитадель Мангула с самого начала возводилась как княжеская крепость, в которой донжон сочетает в себе черты боевой башни и дворцового здания. Все известные княжеские постройки (дворец Мангула 1425 г. и донжон замка Фуна 1459 г.) сопровождаются надписями с гербами правителей Феодоро, а надпись 1361/62 гг. (как уже отмечалось) лишена их. Во-вторых, донжон замка Фуна представляет почти точную копию донжона на мысе Тешкли-Бурун. Причем сходны не только общие размеры и планировка, но и многие детали (техника кладки, толщина стен, габариты входа, окон-бойниц, архитектурное оформление и т.д.) [23, с.102, рис. 4]. Вся эта совокупность сходных черт двух памятников вряд ли случайна и, скорее всего, может указывать на хронологическую близость их возведения. Дата фунского донжона определяется точно строительной надписью 1459 г., и он, вероятнее всего, построен позже цитадели Мангула, которая составляет третью линию обороны города и, скорее всего, была возведена уже после строительства дворца в 1425 г. Поэтому наиболее вероятной датой строительства цитадели на Тешкли-Буруне можно считать 1425—1459 гг., а не 1361/62 гг.

Следует, видимо, коснуться и еще одного аспекта рассматриваемого вопроса. Во время раскопок дворца Р.Х.Лепером в 1912—1913 гг. и А.Л.Якобсоном в 1938 г. найдены поливные чаши и блюда с монограммами из букв "ТХ", а в одном случае — "ТХВ" (рис. 2, 1—6; 3, 3). Кроме сосудов с этими монограммами, во время раскопок дворца в 1938 г. найдены две чаши с надписью НСААК АVOω(ΚΡΑ) Τη, которую А.Л.Якобсон связывал с именем мангупского князя Исаака [36, с.414, 415, рис. 13, 3; 32]. Сосуды с монограммой "ТХ" А.Л.Якобсон, а вслед за ним — В.Н.Даниленко и А.И.Романчук [12, с.123, табл. 2, 25—28, а,б] датировали XIV в., а монограмму расшифровывали как имя "Хуйтани", известное по надписи 1361/62 г. [36, с.414]. Но условия находки этих чаш и тарелок ставят под сомнение правильность даты, предложенной А.Л.Якобсоном (XIV в.), потому что слой пожара, из которого происходят остальные сосуды, все исследователи (в том числе и А.Л.Якобсон) отнесли к 1475 г. Есть основания считать, что красноглиняная поливная керамика из дворца не выходит за рамки его существования — 1425—1475 гг. (согласно надписи, найденной рядом с башней дворцового комплекса, он был построен в 1425 г. князем Алексеем [19, с.78—79; 4, с.32]). Ввиду того, что сосуды с монограммой "ТХ" найдены совместно с чашами князя Исаака, их следует датировать 70-ми гг. XV в., а не 60-ми XIV в., как это делалось ранее.

Согласно данным письменных источников, после смерти Исаака в 1475 г. мангупский престол занял князь Техур (Текур), который правил недолго и был свергнут прибывшим из Молдавии Александром. При приближении к столице Феодоро турецкой армии Техур бежал к

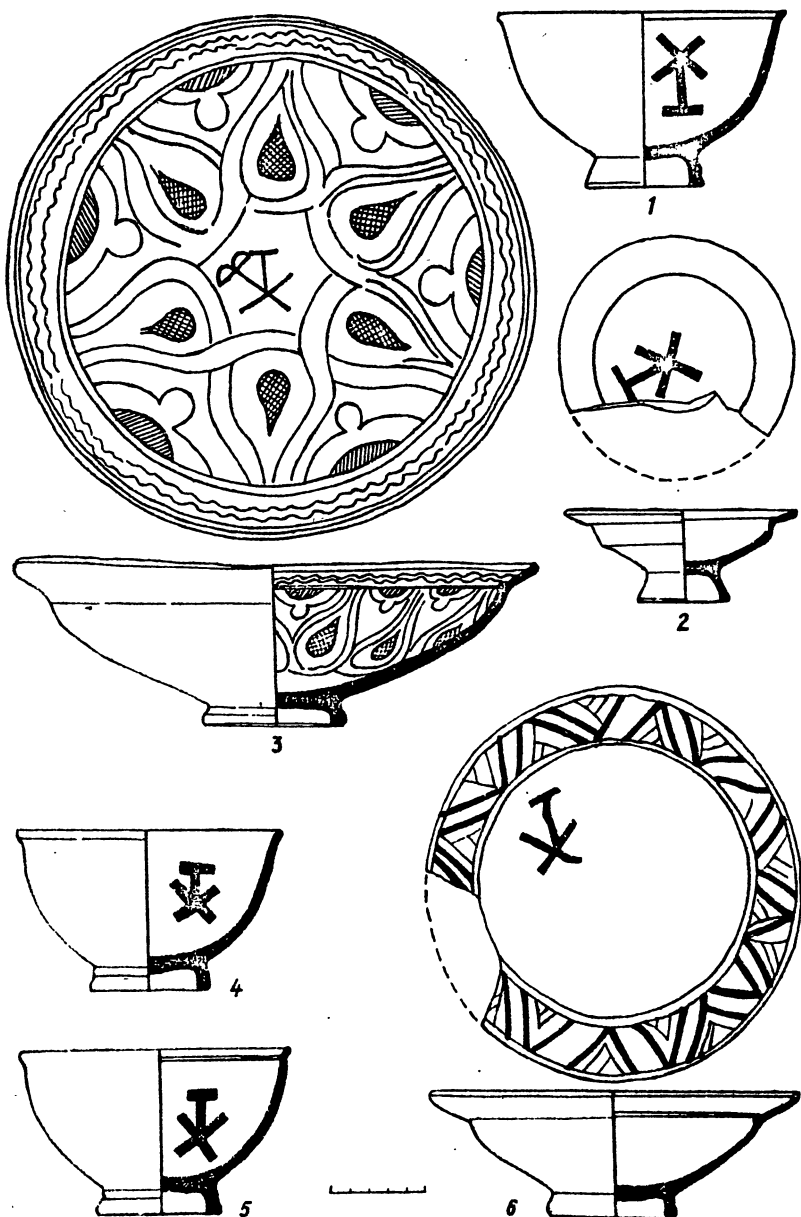

Рис. 2. Поливные сосуды с монограммами из мангупского дворца 1425–1475 гг.
(из раскопок Р.Х.Лепера 1912–1913 гг.).

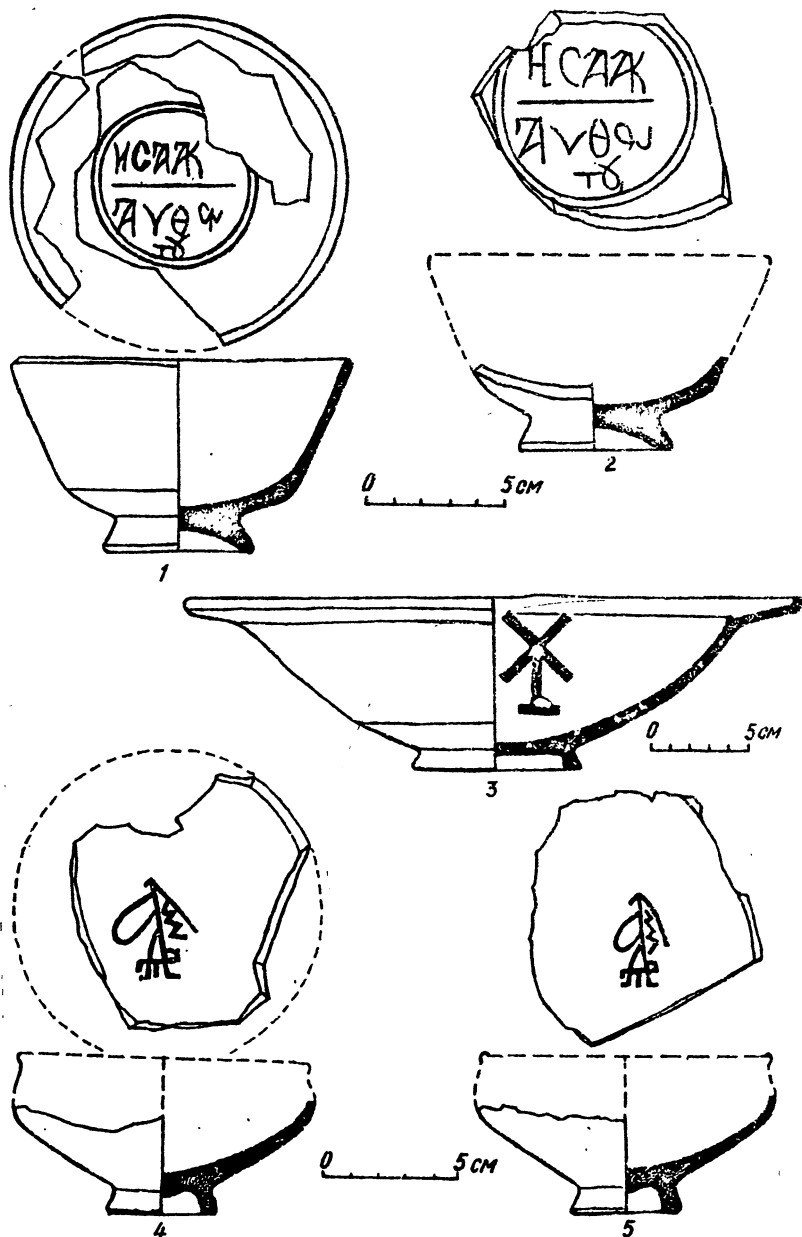

Рис. 3. Поливные сосуды с монограммами из мангупского дворца 1425–1475 гг. (1–3) и крепости Фуна (4–5).

османам [40, с.254]. Вероятно, буквы "ТХ" являются сокращенным написанием имени "Техур". Художественная поливная керамика в период развитого средневековья довольно часто украшалась именами владельцев. Монограммы заказчиков (все они сделаны по сырой глине до обжига) помещались на внутренней стороне чаш и блюд [38, с.148, рис. 195; 41, с.11–16]. В настоящее время известны монограммы трех князей, выгравированные на поливных сосудах второй половины XV в. Это монограммы Исаака и Техура (если наше предположение правильно) из Мангула и монограмма Александра из раскопок замка Фуна (рис. 2–3).

Таким образом, надпись 1361/62 г. (как и надпись 80-х гг. XIV в., в которой упоминается сотник Чичикий), с одной стороны, проливает свет на административное устройство городов Таврики, а, с другой — показывает общность социально-политического развития городских центров Крыма, по крайней мере, на протяжении XIII–XV вв. (вероятно, с момента их подчинения монголо-татарам). Сотник Хуйтани и князь Димитрий, принимавший участие в битве при Синих водах в 1363 г., — разные реально существовавшие исторические лица (какой князь Мангула участвовал в сражении с Ольгердом в 1396 г. не известно). На мой взгляд, нет никаких оснований отождествлять гекатонтархов Хуйтани и Чичикия с князьями Мангула, как это делали в свое время Н.В.Малицкий [22, с.9–13] и другие исследователи.

Строительство второй линии обороны Мангула в 1361/62 г. произведено городской общиной и, вероятно, на собранные ею деньги. Руководил этим строительством сотник Хуйтани (в 80-х гг. возведение стен и башен продолжил сотник Чичикий) — начальник городского ополчения. Следовательно, эти работы проводились в интересах жителей "верхнего города". Проведение данной акции (восстановление Феодоро) было возможно только в момент ослабления Золотой Орды в период междоусобных войн 60–70-х гг. XIV в., когда на протяжении 20 лет шла борьба за ханский престол.

2. Во время раскопок Д.М.Струкова на руинах храма монастыря святых апостолов Петра и Павла в Партените в 1871 г. найдены три надписи, из которых одну так и не удалось перевести, а две другие прочитал и перевел на месте священник церкви с.Аутки о.Иордан [29, с.10, 30, с.39]. Речь идет о надписях, датированных 1427 г. В дальнейшем внимание исследователей было сосредоточено на изучении одной большой надписи, которая гласит: "Этот всечестный и божественный храм святых, славных и первоверховных апостолов Петра и Павла был построен с основания в древние времена иже во святых отцом нашим архиепископом города Феодоро и всей Готии Иоанном Исповедником, ныне же возобновлен, как он зрится, митрополитом города Феодоро и всей Готии кир Дамианом в лето 6936 индикта 6-го, в десятый день сентября" [16, с.58–65; 17, с.72–79]. Г.Э.Караулов датировал эту надпись 1422 г. [14, с.308–317], В.Г.Васильевский — 1425 г. [8, с.86–154].

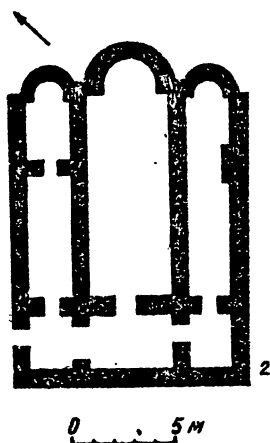

Рис. 4. Надпись митрополита Дамиана 1427 г. (1) и план храма святых апостолов, восстановленный Дамианом в 1427 г. (2).

Затем дата надписи была уточнена В.В.Латышевым и в настоящее время считается общепринятой — 1427 г. [16, с.58—65]. Раскопки, начатые Д.М.Струковым, были продолжены в 1905—1907 гг. Н.И.Репниковым [24, с.91—140]. Согласно данным его раскопок, восстановленный в 1427 г. храм представлял собой трехапсидную трехнефную базилику с нартексом. Размеры здания: 9,0х14,5 м (рис. 4, 2).

Вторая небольшая надпись, найденная одновременно со строительной надписью митрополита Дамиана, осталась без внимания ученых, и о ней не упоминается ни в одной публикации. Ее рисунок удалось отыскать в архиве Д.М.Струкова, который хранится в ЛОИА [29, с.10]. На одном из листов изображен камень круглой формы с греческой надписью (рис. 4, 1). На листе Струковым сделаны пометки, свидетельствующие, что первоначально этот камень находился в Петербурге в музее Академии художеств, а затем был передан на хранение А.М.Раевской (владелице имения в Партените, на землях которой проводились раскопки).

При копировании надписи Д.М.Струков явно уменьшил все изображение, но насколько, определить трудно, так как рисунок сделан без масштаба. На листе размеры плиты: 10,6х11,0 см. Можно предположить, что уменьшение сделано примерно в два раза. В таком случае натуральные размеры плиты могли быть около 21х22 см. Плита с надписью оказалась расколотой надвое и часть ее утрачена. В центре помещена монограмма , которую, видимо, следует читать как имя "Дамиан", а по кругу — надпись из трех слов. В целом надпись выглядит следующим образом:

ΔΑΜΙΑΝ [OC]
ΜΗΤΡΟΠΟΛΙΤΗΣ
ΠΟΛΕ [ω] C
ΘΕ...

Δαμίαν [ος]
μητροπολίτης
πολε [ω] c
Θε(οδωρω)

Перевод: "Дамиан. Митрополит города Феодоро". Над монограммой находится крест. Он стоит в начале надписи. Первые два слова, вырезанные по кругу (μητροπολίτης πόλεως), поданы без сокращений (только в первом слове на месте скола почти не просматривается буква "Π", а во втором — "ω"), "ΜΗ" даны в лигатуре, поэтому сверху поставлена черта. От последнего слова поместилось только две буквы (θε...). Насколько можно судить по рисунку Д.М.Струкова, надпись выполнена в рельефе.

Как видим, по своему содержанию надпись эта ничего не добавляет к тому, что было сказано в большой надписи кир Дамиана 1427 г. Единственным дополнением можно считать монограмму, которой нет на плите со строительной надписью. Возникает вопрос: для чего понадобилось митрополиту Дамиану одновременно с большой строительной надписью помещать еще одну и притом весьма лаконичную?

На мой взгляд, митрополит Феодоро Дамиан, восстановив в 1427 г.

в Партените храм святых апостолов Петра и Павла, поместил рядом со строительной надписью камень со своей монограммой и титулом, утверждая тем самым право собственности на сбор каноникона с жителей этого прихода или всего обширного приморского населения, в котором располагалось и генуэзское консульство [33, с.676]. Размеры каноникона (*חנוניחון*) достигали иногда 10 % годового дохода [34, с.14–15]. Именно за право сбора каноникона в округах Кинсанус и Эллис в XIV в. разгорелся спор между тремя митрополитами Таврики: Херсонским, Готским и Сугдейским [13, с.445–473], а не за полное право владения этими территориями [27, с.187]. С населения Ялты (в источнике названа "Ялита") и ее окрестностей каноникон взыскивался в пользу константинопольского патриарха [13, с.445]. Еще в 1317 г. (при патриархе Иоанне Глике) экзархи митрополита Готии сделали ставропигии в селах Сугдейской митрополии, требуя сбора каноникона в свою пользу. Насколько позволяют судить акты константинопольского патриарха, борьба между митрополитами Готским, Сугдейским и Херсонским продолжалась до конца XIV в. [13, с.468–469].

Восстановление в 1427 г. митрополитом Дамианом храма святых апостолов в Партените некоторыми исследователями расценивалось как попытка подчинения этого приморского поселения власти князей Феодоро [9, с.81]. Но этому явно противоречат данные более поздних письменных источников (1449 г.), сообщающих, что в Партенитах находилось консульство генуэзцев и при вступлении в должность консул выплачивал 4 сонма [33, с.675].

А.Л.Бертье-Делагард, а вслед за ним и Е.В.Веймарн, чрезмерно расширяли границы княжества Феодоро, стремясь их "совместить" с границами Готской епархии [5, с.60–62; 9, с.79–81, рис. 30]. Готская епархия по своей площади значительно превосходила территориальные владения князей Феодоро, поэтому митрополит распространял свою духовную (надо полагать, не только духовную) власть на паству, проживающую на землях, захваченных в Юго-Западном Крыму татарами, а на Южном берегу — генуэзцами (как, например, обстояло дело в Чембало, Гурзуфе, Партените, Алуште и других местах). Хотя и нельзя отрицать существование в XIV–XV вв. (особенно, начиная с первой четверти XV в.) политической тенденции к расширению владений князей Феодоро до размеров территории Готской епархии. В некоторых направлениях феодоритам удалось закрепить за собой земли, на которые первоначально устанавливалось право митрополита Готии на сбор каноникона. Так, например, произошло с округом Кинсанус, который еще в конце XIV в. при помощи авторитета константинопольского патриарха удавалось удерживать в своих руках митрополиту Херсонскому. Но уже в начале XV в. селения Фуна и, видимо, другие селения, входившие в этот округ, переходят под власть князей Феодоро, выстроивших в селении Фуна свой родовой замок [23, с.97–115].

Публикуемая надпись в некоторой мере сходна с гербами владете-

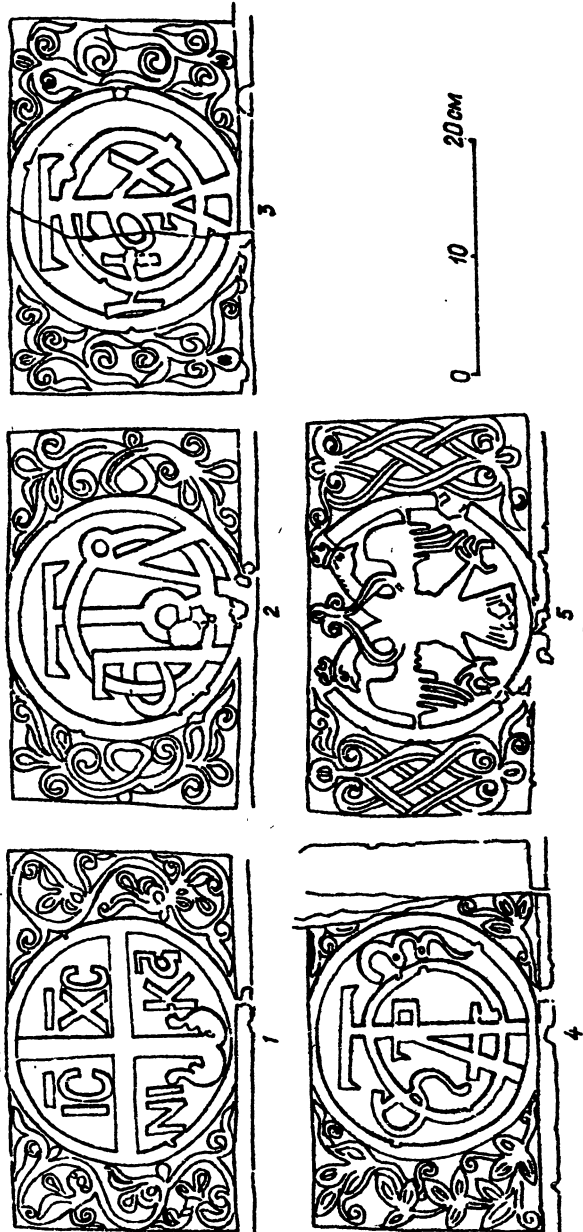

Рис. 5. Гербы найдены 1459 г. из раскопок крепости Фуна

лей Мангула, помещенными на большой плите с греческой надписью 1459 г. из раскопок крепости Фуна [23, с.104, рис. 5]. Гербы на ней также в виде монограмм помещены на круглых щитах (их диаметр 22 см). Они утверждали право князей на владение землями и замком. Герб-монограмма Дамиана, видимо, не случайно выполнен в стиле подражания гермам светских феодалов, поскольку отражал право сбора каноникона.

3. В 1446 г. источники отмечают одного из мангупских князей, называемого Улубеем (Олубеем). Давид Комнин, прибывший со своим флотом в Крым в 1446 г., вел переговоры уже не с Алексеем, а с Улубеем [15, с.113]. Остается до сих пор неясным, был ли Улубей сыном или братом Алексея. Известно, что старший сын Алексея Иоанн в 20—40 гг. XV в. находился в Трапезунде. О времени и причинах выезда Иоанна в Трапезунд высказывались различные мнения. Н.В.Малицкий считал, что это событие произошло около 1427 г. [22, с.30—31], Д.С.Спиридонов — в 1440—1447 гг. [28, с.98—99], А.А.Васильев — 1447 г. [40, с.282]. Женившись на Марии Палеолог, Иоанн уже не возвращался в Крым. После смерти Алексея (или отхода от активного участия в управлении государственными делами) престол занял Улубей, а Иоанн вынужден был оставаться в Трапезунде. Трудно согласиться с Д.С.Спиридоновым, что Иоанн и Улубей — одно и то же лицо [28, с.96, прим. 2]. Иоанн мог выехать из Крыма и в 1441 г., когда в княжестве в связи с болезнью Алексея разгорелась междоусобная война. Поход Давида Комнина в 1446 г. мог преследовать несколько целей, среди которых было, видимо, и желание посадить на мангупский престол Иоанна, проживавшего в Трапезунде. Переговоры с Улубеем закончились установлением дружественных отношений.

А.А.Васильев пришел к заключению, что Алексей, известный по надписям 1425 и 1427 гг., умер между 1444 и 1447 гг. [40, с.218]. Д.С.Спиридонов, ссылаясь на итальянские источники, датирует смерть Алексея между 1 января и 14 мая 1456 г. [28, с.96], хотя в это время генуэзцы неоднократно (1454 и 1456 гг.) отмечают правителя Улубея [22, с.40]. Судя по содержанию документов, Улубей в это время занимал главенствующее положение на Мангупе. Но в августе 1455 г. упоминается и князь Алексей со своими братьями. Н.В.Малицкий, чтобы устранить возникающее противоречие при выяснении лица, владевшего Феодоро, высказывает предположение, что Улубей (Олубей) носил христианское имя Алексей и был сыном Алексея Старшего [22, с.41]. Столь странное для христианского правителя имя Олубей (Улубей) А.Л.Бертье-Делагард объяснял тем, что он мог состоять в близком родстве с Хаджи-Гиреем или воспитывался у татар [4, с.35—36, прим. 3].

Это предположение отчасти подтверждают генуэзские источники, а отчасти и археологический материал, о чем речь пойдет ниже. Д.С.Спиридонов считал, что Улубей (Олубей) — не собственное имя, а родовой титул, обозначающий старшинство [28, с.96]. Некоторую ясность в ре-

шение этого запутанного вопроса вносит надпись 1459 г., обнаруженная в 1982 г. при раскопках укрепления Фуна [23, с.104]. На верхней части плиты помещено пять круглых медальонов с гербами (рис. 5). На первом гербе изображен "процветший" крест, по сторонам которого вырезаны буквы IC/XC I/KA; во втором, третьем и четвертом — помещены монограммы, а на пятом гербе изображен двуглавый орел Палеологов (рис. 3). Для нас особый интерес представляют монограммы, помещенные в центре плиты. На крайней слева читается имя "Алексей" (Ἀλεξιος), на крайней справа — "Александр" (Ἀχιετος, Ἀχιατος). Таким образом, на Мангупе в 1459 г. правили три князя — Алексей, Ахмет и Александр. Новым именем является только Ахмет, все же остальные были известны ранее по свидетельствам письменных источников. Об Алексее упоминают генуэзские документы 1455 г., и, вероятно, он подразумевается среди правящих на Мангупе братьев под 1458 г. [39, с.815]. В надписи из Фуны Алексей (Младший) упоминается последний раз (1459 г.), Александр ранее был известен по сравнительно поздним источникам (1472 и 1475 гг.), и его считают сыном Улубея. Монограмма Ахмета занимает центральное место в геральдическом ряду, что, видимо, отвечало и его реальному положению среди правителей Мангупа. В это же время на Мангупе правил князь Улубей. Вероятно, князь Ахмет надписи 1459 г. и Улубей письменных источников 1446—1472 гг. — это одно и то же лицо. Замком Фуна в 1459 г. владел Александр, но в 1472 г. после смерти Ахмета-Улубея (вероятно, его отца) он вынужден был уехать в Молдавию к Стефану III, где и находился до 1475 г., пока не умер узурпировавший мангупский престол его дядя Исаак. О том, что именно Александр являлся владельцем замка, говорят находки поливных чаш с его монограммой (найлены в слоях, датируемых 1459—1475 гг.) (рис. 3, 4, 5). Интересно также отметить, что в основании монограммы на поливных чашах помещена тамга Гиреев, указывающая на кровно-родственную связь правителей Мангупа с Крымскими ханами.

1. Бармина Н.И. К изучению мангупской базилики (история исследования) // АДСВ. — 1975. — № 11. — С.30—39.
2. Бармина Н.И. Историческое место мангупской базилики в христианской архитектуре Таврика. — Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Л., 1983. — 20 с.
3. Белый А.В., Соломоник Э.И. Утерянная и вновь открытая мангупская строительная надпись // НЭ. — 1984. — Т. 14. — С.170—175.
4. Бертъе-Делагард А.Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. — 1918. — № 55. — С.1—44.
5. Бертъе-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. — 1920. — № 57. — С.1—135.
6. Брун Ф. Черноморье: Сб. исслед. по ист. географии Юж.России. — Ч.1. — Одесса: Новоросийск. ун-т, 1879. — 277 с.
7. Васильев А.А. Готы в Крыму. — Ч.П // ИГАИМК. — 1927. — Т. 5. — С.265—344.
8. Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // ЖМНП. — 1878 (январь). — С.86—154.

9. Веймарн Е.В. О двух неясных вопросах средневекового Юго-Западного Крыма // АИСК. — Киев: Наук. думка, 1968. — С.45—82.
10. Гандев Хр., Цветкова Б., Списаревская И., Георгиева Цв. Градове и градски живот пред XV—XVI в. // История на България. — София, 1983. — Т.4. — С.83—103.
11. Герцен А.Г. Система оборонительных сооружений Мангупа. — Автореф дис. ... канд. ист. наук. — Л., 1984. — 21 с.
12. Даниленко В.Н., Романчук А.И. Поливная керамика Мангупа // АДСВ. — 1969. — № 6. — С.116—138.
13. Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю // ЗООИД. — 1867. — Т. 6. — С.443—473.
14. Караулов Г.Э. Недавняя археологическая находка в Крыму // ЗООИД. — 1972. — Т. 8. — С.308—317.
15. Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. — М., 1981. — 232 с.
16. Латышев В.В. Новая надпись из Партеинита // ЗООИД. — 1886. — Т.13. — С.58—65.
17. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. — СПб., 1896. — 143 с.
18. Латышев В.В. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. — 1918. — № 65. — С.9—21.
19. Лепер Р.Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. // ИАК. — 1913. — № 47. — С.146—154.
20. Лепер Р.Х. О продолжении археологических изысканий в Херсонесе и в Мангуп-Кале в 1913 году // Архив ЛОИА. — Ф.1. — Оп. 1. — Д.15. — 80 л.
21. Лепер Р.Х. Сообщения о раскопках на Мангупе в 1913 г. // ИТУАК. — 1914. — № 51. — С.297—298.
22. Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. — 1933. — Вып. 71. — 47 с.
23. Мыц В.Л. Некоторые итоги изучения средневековой крепости Фуна // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. — Киев: Наук. думка. — 1988. — С.97—115.
24. Репников Н.И. Партеинитская базилика // ИАК. — 1909. — Вып. 32. — С.91—140.
25. Репников Н.И. Остатки укреплений Эски-Кермена // ИГАИМК. — 1932. — Т.ХП. — Вып. 1—8. С.153—180.
26. Репников Н.И. Материалы к археологической карте Юго-Западного Крыма // Архив ЛОИА. — Ф.10. — Д.10. — 320 с.
27. Романчук А.И. Херсонес XII—XIV вв.: историческая топография. — Красноярск, 1986. — 191 с.
28. Спиридонов Д.С. Заметки из истории эллинизма в Крыму // ИТОИАЭ. — Т.III (59-я). — 1928. — С.93—102.
29. Струков Д.М. О представлении альбома рисунков Крымских древностей с просьбой об ассигновании 6 тыс. руб. на издание их // Архив ЛОИА. — 1872. — Д.53. — 41 л.
30. Струков Д. Древние памятники христианства в Тавриде. — М., 1876. — 96 с.
31. Тиханова М.А. Дорого-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. — 1953. — № 34. — С.319—333.
32. Тиханова М.А. Базилика // МИА. — 1953. — № 34. — С.334—389.
33. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. // ЗООИД. — 1863. — Т.V. — С.623—837.
34. Ценкова-Петкова Г. Феодальная рента в болгарских землях под византийским владычеством // ВВ. — 1961. — Т. XIX. — С.3—25.
35. Якобсон А.Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. П. Мангупская базилика // СА. — 1940. — VI. — С.205—225.
36. Якобсон А.Л. Дворец // МИА. — 1953. — № 34. — С.390—418.

ДВУХАПСИДНЫЙ ХРАМ БЛИЗ КРЕПОСТИ ФУНА

Публикуются новые материалы из раскопок в окрестностях средневековой крепости Фуна. Открытый раскопками небольшой комплекс фунского могильника — двухапсидный храм и несколько плитовых могил — в сопоставлении с материалами ранее проведенных исследований позволяет уточнить топографию некрополя, а также некоторые важные вопросы этно-культурных процессов, протекавших в среде местного населения в XIV—XVI вв.

Исследование крепости Фуна (близ с.Лучистое), приобретает большое значение для новой интерпретации вопросов, связанных с историей Мангулского княжества, и других проблем средневекового Крыма в свете новых открытий, сделанных на этом памятнике [14, с.288—289, 15, с.294—295. См. также статью В.П.Кирилко и В.Л.Мыца в настоящем сборнике]. В едином комплексе с крепостью находится некрополь, расположенный в 400 м к северу и, очевидно, связанный с ней и деревней Фуной (Демерджи), просуществовавшей до начала XX в. [6, с.11].

Первые исследования крепости и могильника проведены в 60-е гг. К.К.Когонашвили и О.А.Махневой [11, с.111—113]. Ими предпринята попытка датировать крепость XIII—XV вв. и изучены 13 плитовых и две грунтовые могилы некрополя, отнесенные к XIII—XIV вв. [11, с.121]. Некрополь, исследования которого проводились и в 70—80-е гг. [2, с.287—288; 3, с.1—8], расположен на подошве большого холма у западного подножия горного массива Демерджи. На его территории известно несколько храмов, один из которых был открыт в 1966 г.

На северном и северо-восточном склонах того же холма находится раннесредневековый могильник IV—XII вв., открытый (1977 г.) и исследованный А.И.Айбабиным [2, с.287—288; 1, с.1, 13]. Этот могильник, как считает его исследователь, является памятником, не связанным с крепостью Фуна [4, с.187, 193].

В 1985 г. в ходе продолжающегося изучения некрополя в северо-западной части могильника открыт небольшой двухапсидный храм. Он представляет собой небольшую базилику со слабо выделенными плечами круглых апсид (рис. 1, 2). Нефы, возможно, разделялись колоннами или, скорее, столбами, никаких следов которых из-за сильного разрушения каменной вымостки пола и завала от обвалившихся стен зафиксировать не удалось. Размеры церкви по внешнему обводу 6х4 м, ширина нефов (предполагаемая) — 1,0 и 1,3 м. Стены храма сохранились на высоту 0,6—0,8 м (рис. 2, б). Кладка апсид уцелела внутри на высоту 0,8 м, снаружи — 0,6 м. Хорда северной апсиды 1,08 м, южной — 1,3 м. Ширина кладок стен апсид 0,60—0,75 м.

Храм сложен из бутового камня с лицевой подтеской, кладкой в два панциря с забутовкой мелким камнем на песчано-известковом рас-

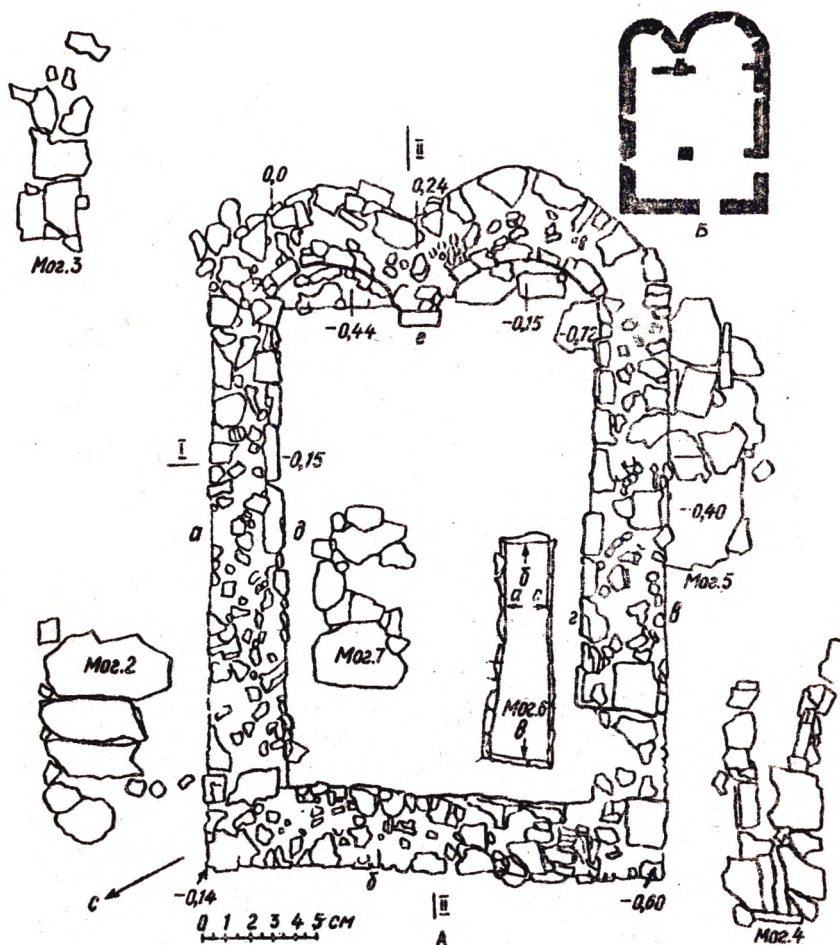

Рис. 3. А — двухапсидный храм близ крепости Фуна.
Б — храм Богородицы в с.Мгвиеви, XIII в.

творе. Камни панциря довольно крупные и занимают почти всю толщину стены. Стены храма сильно разрушены, раствор местами разложился и высыпался из кладки. Обе продольные стены: северо-западная и юго-восточная частично прогнулись внутрь здания. Эти стены толще, чем торцовая, северо-западная (ее ширина 0,6 м). В забутовке северо-западной стены найдена монета Тархана (Астрахань) 1381 г. (монета определена В.А.Сидоренко, за что приношу ему глубокую благодарность). Основанием стен служит плотный материковый грунт. Апсиды, сложенные более тщательно из камней крупного размера, поставлены на скальную платформу. Они имеют не только разную ширину;

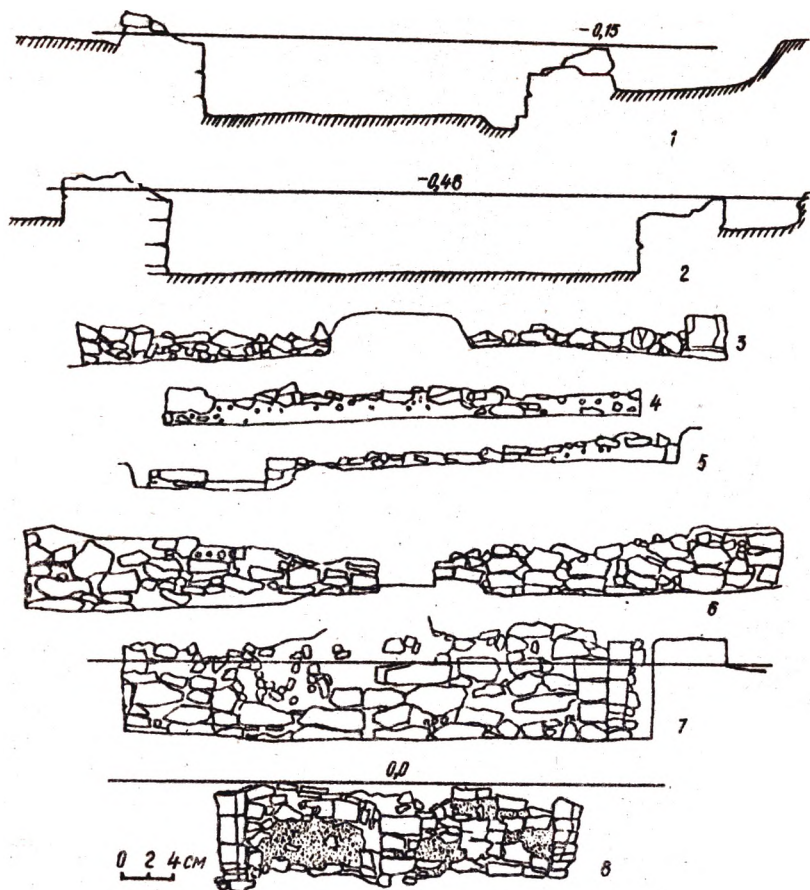

Рис. 4. Храм.

1 — разрез по линии 1—1. 2 — разрез по линии П—П. 3—7 — фасировки стен, вид а, б, в, г, д, е. 8 — фасировка внутренней стороны стен апсид

но южная апсида выступает больше северной на 0,22 м. Апсиды сложены вперевязь, они сооружались одновременно. Обе они были заложены каменной кладкой с лицевым панцирем из подтесанного бута и забутовкой из крупных камней, так что помещение приобрело внутри прямоугольную форму. Первоначально же храм использовался с открытыми апсидами: после разборки кладок в асидах выявлены оштукатуренные с побелкой стены. Углы апсидных полукружий внутри и столб между ними сложены из хорошо отесанного известняка. При снятии дерна и разборке каменного завала в апсидах обнаружены мелкие фрагменты штукатурки с фресковой росписью, в которой использован синий и красный цвета.

Вход в здание устроен в юго-восточной стене, он имел ширину 0,7 м и небольшой порог. По находкам многочисленных туфовых камней, имеющих обработку, можно предполагать, что свод храма был сооружен из этого легкого материала. В завале обнаружены также камни арочного обрамления от портала или окон и другие архитектурные детали. Некоторые из деталей имеют следы штукатурки с побелкой и фресковой росписью красного цвета.

Пол храма был выложен каменными плитками, в процессе зачистки нижнего слоя было обнаружено несколько таких плит, лежащих в беспорядке. Зафиксирован лишь один камень пола, лежащий на месте в южном углу храма перед алтарем. Плиты пола были положены первоначально на выровненном и утрамбованном материковом грунте, представляющем собой рыжий суглинок с комками более плотной структуры. Храм поставлен в неглубоком котловане, выкопанном в этом грунте. В этом же слое сооружены исследованные внутри и снаружи храма плитовые могилы. На земляном полу под каменным завалом обнаружены мелкие фрагменты керамики: донце и часть венчика поливной чаши с геометрическим рисунком графито и раскраской зелеными и коричневыми пятнами под желтой крошащей поливой, фрагмент венчика кухонного горшка с черепком темно-коричневой глины и примесью песка, обломки донец и стенок пифосов с наlepным орнаментом и черепицы, а также множество мелких невыразительных фрагментов средневековых красноглиняных сосудов. Этот материал в Крыму используется издавна, начиная с XIII в. Более определенно о времени постройки храма говорят находки из плитовой могилы, зачищенной внутри него (рис. 5, 6). Предваряя подробное описание этого материала, которое будет сделано ниже, отметим, что в ней обнаружен кувшинчик с росписью, датирующийся XV в. Таким образом, временем возведения храма может быть конец XIV—XV в.

По строительным приемам храм не выделяется из многочисленного ряда характерных для Крыма построек, в том числе здесь же на фуне [11, с.121], на Южном берегу [8; 9, с.36—37], в окрестностях Судака.

Однако наличие двух апсид, сооруженных одновременно, что является характерной особенностью храма для Крыма явление почти уникальное: известны еще два двухапсидных храма — храм на консолях в Судаке и открытый О.И.Домбровским в 1981 г. храм в Сотере [10, с.528; 19, с.313]. Храмы в Судаке и Сотере являются небольшими двухнефными постройками с круглыми выступающими апсидами. Сводчатое перекрытие храма в Сотере сделано на четырех подпружных арках на пилястрах; продольные арки опирались на столб, деля храм на два нефа. В Судакском двухапсидном храме арки перекрытия опирались на две консоли (отсюда и название храма) на северной и южной стенах. Нефы разделялись арками, опирающимися на столб. К сожалению, во время реставрации, проведенной здесь в 60-е гг., основание столба было закрыто плитами.

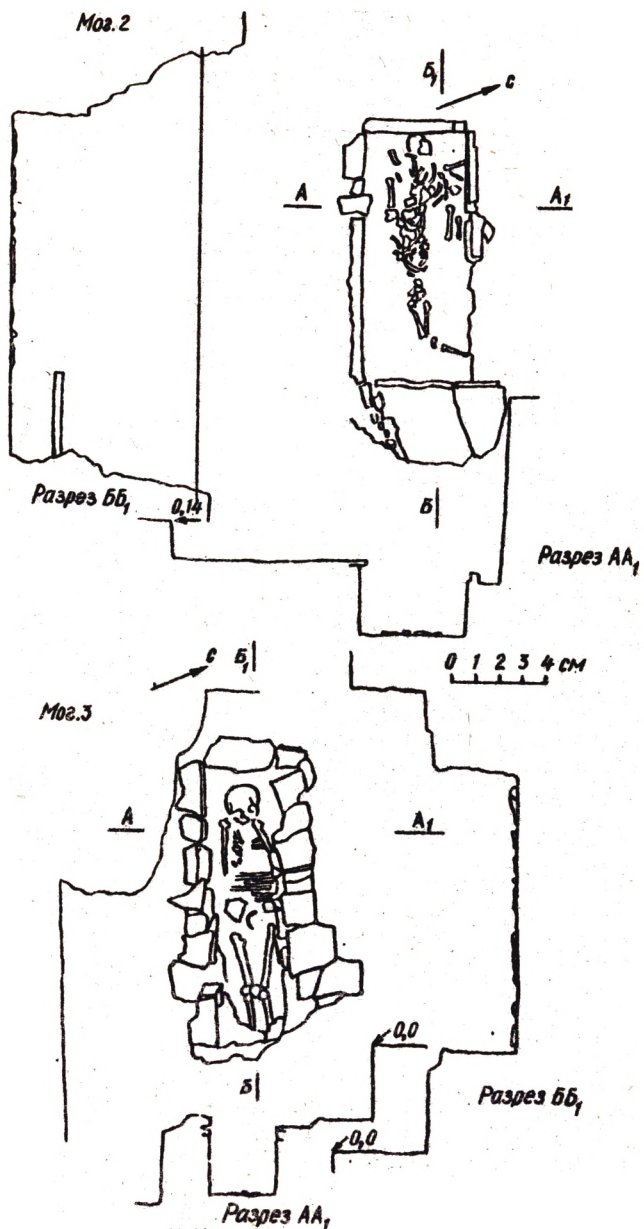

Рис. 5. Могила 2. План и разрезы. Могила 3. План и разрезы.

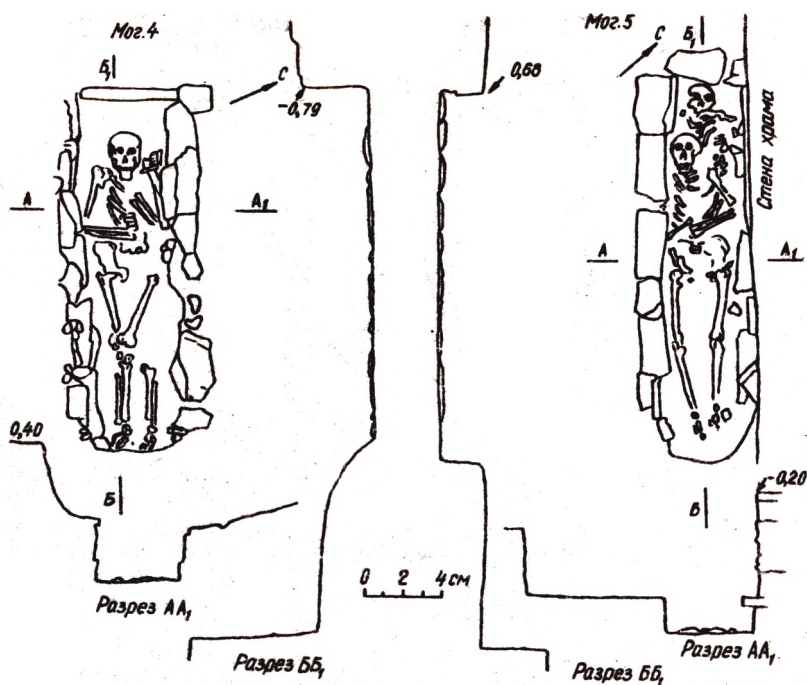

Рис. 6. Могила 4. План и разрезы. Могила 5. План и разрезы

По архитектурному облику небольшие сельские храмы южного и горного Крыма имеют черты византийского и малоазиатского стилей, проявляющихся иногда в сочетании в одной постройке [9, с.37; 8, с.70—74]. Двухнефные одноапсидные храмы известны в Малой Азии [22, рис. 10, 12, 13, 50]. Боковые нефы (во всех случаях они расположены слева от основного) отделены от центрального столбами. Апсиды пятигранные. Двухнефные церкви XIII—XIV вв. известны в Грузии [7, табл. 8]. Из них церковь, построенная в 80-х гг. XIII в. в Мгвимеви, имеет две апсиды [7, табл. 2] (рис. 2, в). Интересно отметить, что появление двухнефных и двухапсидных храмов как определенного вида небольших построек характерно для удаленных от центра районов Византии.

Наиболее вероятное назначение северного, меньшего по размерам нефа — часовня. Южная часть могла быть жертвенником, а по необходимости и часовней. Примеры подобного использования церковных помещений имеются в Западной базилике Херсонеса, где небольшая капелла с северной стороны, примыкающая к восточной части здания и сооруженная одновременно с базиликой, служила крещальней, а потом часовней [21, с.164], и в Восточной базилике Херсонеса [21, с.166, рис. 72].

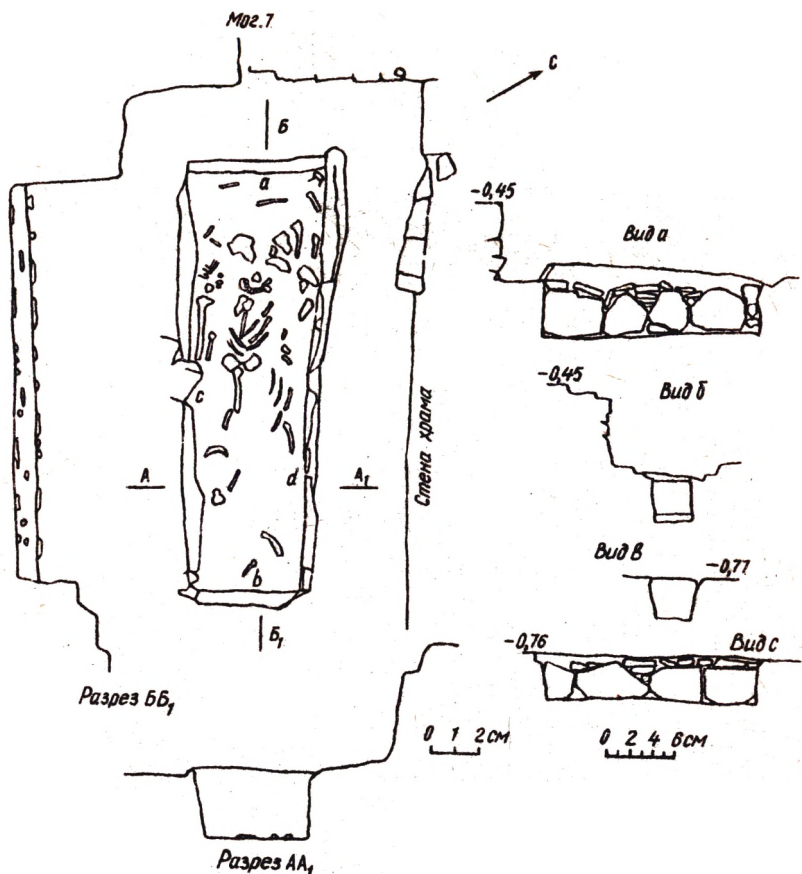

Рис. 7. План и разрезы могилы 7; фасировки стенок могилы 6

Внутри двухапсидного храма и непосредственно рядом с ним исследованы семь могил. Все захоронения совершены в плитовых могилах, одно (могила № 1) — грунтовое. Могилы сооружены из тонких плит и перекрыты большими плоскими песчаниковыми плитами. Ориентация погребений — головой на Запад—северо—запад. В могилах находились одиночные захоронения, в некоторых обнаружено по несколько погребенных.

Могила № 1 (рис. 2). Находилась в 1 м от северо-восточной стены храма у правой апсиды, над могилой № 3. Сильно разрушенное детское погребение обнаружено под дерновым слоем на глубине 0,3 м. Обнаружены фрагменты костей черепа и конечностей. Размеры могилы 1,0х 0,3 м.

Могила № 2 (рис. 3, а) находилась в 0,3 м от северо-восточной стены храма у северного угла на глубине 1,0 м от уровня современной поверхности. Могила перекрыта тремя большими и несколькими мелкими плитами, выкопана в предматериковом светло-коричневом суглинке, содержащем мелкий камень, и обложена плоскими плитами. Размеры могилы 1,20x0,45 м, глубина 0,2 м. В ней находились два разрушенных детских костяка, лежащих на спине один на другом, головами на запад — северо—запад. Костяки присыпаны землей. Камень, находящийся в изголовье, упирался в скальный выход, другой выход скалы использовался вместо плиты в левой стороне могилы. Погребение 1 (верхнее) безынвентарное. У черепа костяка 2 обнаружены серьги в виде простых колечек; одна серьга обломана.

Могила № 3 (рис. 3, б; 7) находилась в 1,0 м от северо-восточной стены храма у правой апсиды (под могилой № 1). Перекрыта и обложена тонкими плитами. Перекрытие не было потревожено, оно находилось на глубине 0,36 м от уровня современной поверхности, на одном уровне с последним рядом кладки фундамента апсиды. Размер могилы 1,20x0,33 м, глубина — 0,28 м. Плиты правой стороны обкладки могилы сдвинуты внутрь, в результате чего кости ног оказались зажатыми между камнями обкладки. Могила выкопана в предматериковом грунте. Костяк одного погребенного хорошо сохранился. Захоронение ориентировано головой на запад — северо—запад. Погребенный лежал на спине, руки сложены на животе, голова слегка повернута на восток. Инвентарь не найден.

Могила № 4 (рис. 3, в) находилась в 0,5 м от юго-западной стены у западного угла, возле порога храма. Могила засыпана переотложенным суглинком с содержанием мелких фрагментов средневековой керамики. Плиты перекрытия, сохранившиеся до половины могилы, и обкладка ее — из песчаника. Южная стенка частично обложена известняком и ракушечником. Перекрытие сделано на уровне нижнего ряда фундамента юго-западной стены храма, на глубине 0,4 м от современной поверхности. Размер могилы 1,85x0,50 м, глубина 0,33 м. В могиле находился один погребенный, лежавший на спине, головой на запад—северо—запад, лицом повернутый к востоку. Длина костяка 1,65 м. Судя по положению плит перекрытия, составу грунта, которым засыпана могила, она была ограблена. Инвентарь не обнаружен, лишь у левого плеча погребенного находилась красноглиняная поливная чаша с отбитым краем (рис. 5, 6). Чаша покрыта желтой поливой по ангобу, имеет кольцевой поддон и прямой край. Стенки чаши украшены желобками.

Могила № 5 (рис. 3, 2) находилась под юго-западной стеной храма, вблизи правой апсиды. Могила засыпана переотложенным грунтом с содержанием мелких фрагментов керамики. Плиты перекрытия могилы уложены впритык к стене храма, часть плит сдвинута, в результа-

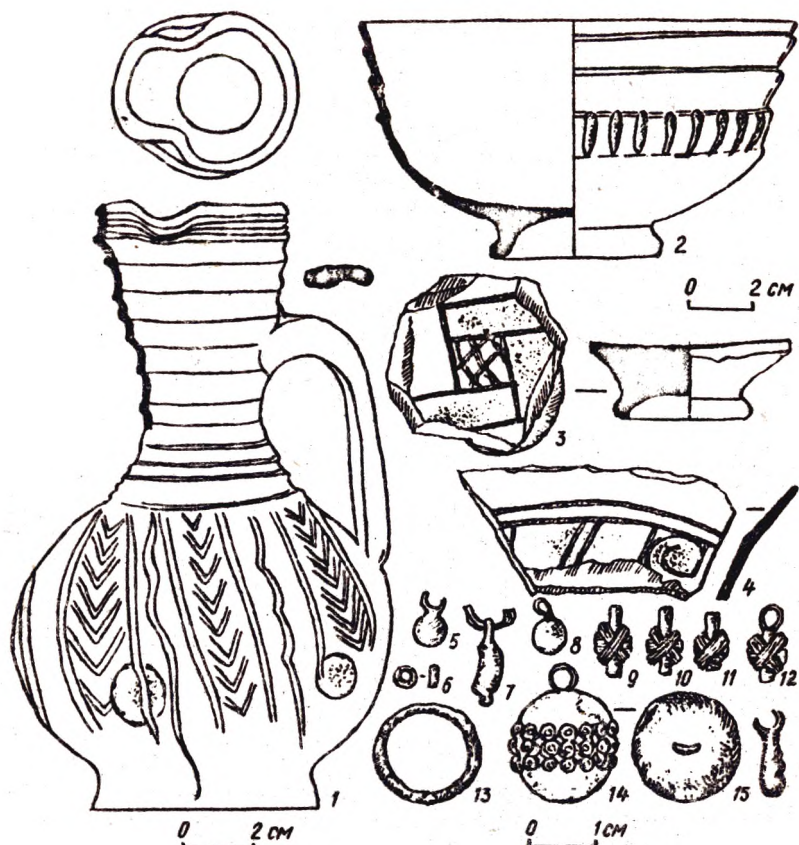

Рис. 8. Находки из раскопок храма и могил.

1, 5-12, 14, 15 — могила 7; 2 — могила 4; 3, 4 — из слоя засыпи храма, 13 — могила 2, погребение 2

те чего костяки оказались засыпанными землей. Могила (размер 2,10х0,36 м, глубина 0,15 м) вырыта в предматериковом грунте, обложена с двух сторон плитами, в качестве третьей стороны использована кладка фундамента церкви. В могиле находились двое погребенных, лежащих один на другом, на спине, головой на запад — северо-запад. Костяки слегка потрелловжены. Инвентарь не обнаружен, могила ограблена.

Могила № 6 (рис. 4, а) находилась внутри храма, возле порога у юго-западной стены. До начала исследования храма в этом месте обнаружена грабительская яма, обнажившая часть стены храма и плиты перекрытия могилы, которые сдвинуты с места. Перекрытие могилы находилось на уровне последнего ряда кладки фундамента церкви. Моги-

ла вырыта в предматериковом грунте, стенки ее обложены песчаниковыми плитами. Размер могилы 1,80х0,50 м, глубина 0,3 м. Костяки сильно потревожены, отдельно лежавшие мелкие кости перемешаны с землей, количество погребенных установить не удалось, вероятно, здесь было погребено несколько человек. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Могила № 7 (рис. 7, б) находилась внутри храма в 0,25 м от северо-восточной стены. Она засыпана предматериковым грунтом, из которого состоит вся засыпь пола храма. В перекрытии отсутствовала часть плит, через щели внутрь могилы насыпалось немного грунта. Могила (размер 1,75х0,51 м, глубина 0,30 м) обложена плитами. В ней находилось пять взрослых и три детских сильно истлевших костяка. В изголовье, в правом углу, обнаружен красноглиняный кувшинчик с росписью белым ангобом, поставленный на дно могилы и принадлежавший, вероятнее всего, самому раннему погребенному. В детском погребении верхнего слоя обнаружена серебряная монета с дырочкой, датирующаяся XVI в., чекан Крымского ханства, а также восемь пуговиц из витой проволоки и в виде бубенчиков. В детском погребении второго слоя обнаружен бисер зеленого стекла.

Обнаруженные в храме и рядом с ним плитовые могилы и обряд погребения наиболее характерны для фунского могильника [11, с. 119, 1], который входит в обширный круг аналогичных памятников средневекового Крыма.

В погребальном обряде фунского могильника поддерживалась традиция ставить в могилы, в основном в изголовье, сосуды. Как указывалось выше, в могилах №№ 4 и 7 обнаружены красноглиняный кувшинчик и поливная чаша [рис. 8, 1, 2; 9, 10]. Кувшинчик имеет рифленое горло и роспись белым ангобом в виде елочек и зигзагов, разделенных полосами, а также круглые вмятины в нижней части тулова (рис. 6). Четыре красноглиняных кувшина, один из которых подобен сосуду из могилы № 7, ранее найдены в погребениях некрополя [11, рис. 9; 1], один кувшин подобной формы с росписью белым ангобом в виде полос из штрихов извлечен из слоя пожара в донжоне крепости Фуна, который произошел в конце XV в. [15, с. 107, рис. 6, 2].

Красноглиняная поливная чаша из могилы № 4 находит аналогии в керамическом материале из раскопок городского слоя XIV–XV вв. в Феодосии. Чаши из Каффы, украшенные желобками, были покрыты желтой и ярко-зеленой поливой по ангобу. Близкие по форме чаши встречаются в керамике местного производства XIII–XIV вв. в Белгород-Днестровском [12, с. 67, рис. 10, 11, 25]. В Симеизе и Херсонесе найдены чаши сходной формы, украшенные желобками, которые датируются более ранним временем – VIII–X вв. [18, с. 67–68, рис. 9, 3].

Серьги в виде колечек и пуговицы в форме шариков – широко распространенные виды изделий [8, 5–15], встречающиеся в погребениях

ния плитовых могильников (Алуштинского и Зареченского [13, с.161–162, рис. 8, 9], в Ореанде [17, с.65–66], Мангуле [20, рис. 18, 20], Гурзуфе [9, рис. 27, 8, 9], Судакском могильнике 1 [5, с.33–35]) в течение длительного времени — начиная с XI в. [20, с.350] и вплоть до XIII–XIV вв., а, может быть, и в более позднее время.

Рассматривая небольшой комплекс фунского могильника — двух-апсидный храм и несколько могил — и сопоставляя его с материалами предыдущих исследований некрополя, можно отметить, что этот участок некрополя имеет памятники довольно позднего времени, возникшие не ранее конца XIV в. и просуществовавшие, по меньшей мере, до XVI в. Не решая вопроса датировки могильника, этот материал поможет выяснить его топографию, а также некоторые очень важные проблемы этно-культурного процесса. Крепость Фуна была разрушена в 1475 г. [16, с.112], но деревня с жителями христианского вероисповедания продолжала существовать. Принимая во внимание еще не опубликованный материал раскопок фунского могильника в 70–80-х гг., произведенных А.И.Айбабиным, можно говорить о непрерывности существования некрополя вплоть до XVIII в.

1. Айбабин А.И. Отчет о раскопках могильника средневековой Фуны в 1977 г. // Архив ИА АН УССР. — № 1977/50, 8482.
2. Айбабин А.И. Раскопки могильника средневековой Фуны // АО за 1977 г. — М.: Наука, 1980. — С.287–288.
3. Айбабин А.И., Айбабина Е.А. Отчет о раскопках Лучистинской экспедиции в 1985 году // Архив ИА АН УССР. — № 1985/12, 21602.
4. Айбабин А.И. Этническая принадлежность могильников Крыма IV — первой половины VII вв. // Материалы к этнической истории населения Крыма (VII в. до н.э. — VII в. н.э.). — Киев: Наук. думка, 1987. — С.164–199.
5. Бабенчиков В.П. Отчет о раскопках и разведочных работах Коктебельского отряда археологической экспедиции Крымского филиала АН СССР в 1953 г. // Архив ОАК. — № 20/6. — Папка 22.
6. Бертъе-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. — 1920. — № 57. — С.1–136.
7. Гомелаури И. Мгвимеви. Памятник грузинской архитектуры XIII в. — Тбилиси: Мецниереба, 1982. — 25 с.
8. Домбровский О.И. Средневековый храм в Масандре // Археологические исследования на Украине в 1967 г. — Киев: Наук. думка, 1968. — Вып. II — С.70–74.
9. Домбровский О.И. Средневековые поселения и "исары" Крымского Южно-бережья // Феодальная Таврика. — Киев: Наук. думка, 1974. — С.5–56.
10. Домбровский О.И. Средневековый Крым X–XV вв. // Археология Украинской ССР. — Киев: Наук. думка, 1986. — С.518–535.
11. Когонашвили К.К., Махнева О.А. Средневековая Фуна // Феодальная Таврика. — Киев: Наук. думка, 1974. — С.111–123.
12. Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII–XIV вв.). — Киев: Наук. думка, 1986. — 125 с.
13. Махнева О.А. О плитовых могильниках средневекового Крыма // АИСК. — Киев: Наук. думка, 1968. — С.155–168.

14. *Мыц В.Л.* Раскопки в Горном Крыму // АО 1980 г. — М.: Наука, 1981. — С.288—289.
15. *Мыц В.Л.* Исследования в Горном Крыму // АО 1981 г. — М.: Наука, 1983. — С.294—195.
16. *Мыц В.Л.* Некоторые итоги изучения средневековой крепости Фуна // ААНК—Киев : Наук. думка, 1988. — С.97—115.
17. *Паршина Е.А.* Средневековый храм в Ореанде // Археологические исследования на Украине в 1967 г. — Киев : Наук. думка, 1968. — Вып. II. — С.65—70.
18. *Паршина Е.А.* Средневековая керамика Южной Таврики // Феодальная Таврика. — Киев : Наук. думка, 1974. — С.56—94.
19. *Паршина Е.А.* Раскопки в урочище Сотера // АО 1982 г. — М.: Наука, 1984. — С.313.
20. *Тиханова М.А.* Базилика // МИА. — 1953. — № 34. — С.336—389.
21. *Якобсон А.Л.* Средневековый Херсонес // МИА. — 1959. — № 63. — 362 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААИК	—	Архитектурно-археологические исследования в Крыму
АДСВ	—	Античная древность и средние века
АИСК	—	Археологические исследования средневекового Крыма
АО	—	Археологические открытия
АСХ	—	Античная скульптура Херсонеса
ВВ	—	Византийский временник
ВДИ	—	Вестник древней истории
В ХДУ	—	Вісник Харківського державного університету
ГХЗ	—	Государственный Херсонесский историко-археологический заповедник
ЕМИРИА	—	Ежегодник музея религии и атеизма
ЖМНП	—	Журнал министерства народного просвещения
ЗООИД	—	Записки Одесского общества истории и древностей
ИА АН УССР	—	Институт археологии Академии наук УССР
ИАК	—	Известия археологической комиссии
ИГАИМК	—	Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИРАИМК	—	Известия Российской Академии истории материальной культуры
ИТОИАЭ	—	Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК	—	Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	—	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА	—	Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАР	—	Материалы по археологии России
МАСП	—	Материалы по археологии Северного Причерноморья
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР
МИРА	—	Музей религии и атеизма
НА ИА	—	Научный архив Института археологии
НС	—	Нумизматика и сфрагистика
НЭ	—	Нумизматика и эпиграфика
ОАК	—	Отдел археологии Крыма
ПСРЛ	—	Полное собрание русских летописей
СА	—	Советская археология
ТМАО	—	Труды Московского археологического общества
ТСА	—	Труды секции археологии
ХСБ	—	Херсонесский сборник

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
<i>ЗУБАРЬ В.М.</i>	
ПРОНИКНОВЕНИЕ И УТВЕРЖДЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА В ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ	8
<i>РОМАНЧУК А.И., СЕДИКОВА Л.А.</i>	
"ТЕМНЫЕ ВЕКА" И ХЕРСОН: ПРОБЛЕМА РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ ИСТОЧНИКОВ	30
<i>ДАНИЛЕНКО В.И.</i>	
ИЗ ИСТОРИИ ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА СРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСО- НЕСА	46
<i>ПАРШИНА Е.А.</i>	
ТОРЖИЩЕ В ПАРТЕНИТАХ	64
<i>БАРАНОВ И.А.</i>	
ЗАСТРОЙКА ВИЗАНТИЙСКОГО ПОСАДА НА УЧАСТКЕ ГЛАВНЫХ ВОРОТ СУДАКСКОЙ КРЕПОСТИ	101
<i>МАКАРОВА Т.И.</i>	
БОСПОР-КОРЧЕВ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ	121
<i>КИРИЛКО В.Л., МЫЦ В.Л.</i>	
КРЕПОСТЬ ФУНА В СИСТЕМЕ ОБОРОНЫ КНЯЖЕСТВА ФЕОДОРО	147
<i>СОЛОМОНИК Э.И.</i>	
НОВЫЕ ГРЕЧЕСКИЕ ЛАПИДАРНЫЕ НАДПИСИ СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА	172
<i>МЫЦ В.Л.</i>	
НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК ПО ЭПИГРАФИКЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА XIV-XV вв.	179
<i>АЙБАБИНА Е.А.</i>	
ДВУХАПСИДНЫЙ ХРАМ БЛИЗ КРЕПОСТИ ФУНА	194
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	206

Научное издание

ВИЗАНТИЙСКАЯ ТАВРИКА
Сборник научных трудов
(к XVIII конгрессу византистов)

Художник обложки *Н.Ф.Кормыло*
Художественный редактор *И.М.Галушка*
Технический редактор *Е.А.Яровая*
Операторы *В.Н.Курган, А.Н.Маторина*
Корректоры *С.В.Лисицына, А.Ф.Коровниченко, Л.В.Белокопытова*

ИБ №

Слано в набор 13.05.91. Подп. в печ. 27.06.91. Формат 60х84/16. Бум. офс. № 1.
Гарн. Пресс Роман. Офс. печ. Усл. печ. л. 13.02. Усл. кр. отт. 13.25. Уч.-изд. л.
14,56+0,73 вкл. = 1529. Тираж 1000 экз. Заказ № 1-425. Цена 5 р.

Оригинал-макет подготовлен в издательстве "Наукова думка". 252601 Киев 4,
ул. Репина 3. Отделение редакционно-издательской и рекламной деятельности
УкрЦЭНДИСИ

Киев, ул. Жадаковского, 69/71

Киевская книжная типография научной книги. 252004 Киев 4, ул. Репина, 4.

Бр.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ТАВРИКА

